

Я люблю тех, кто не умеет

жить иначе,

Как чтобы погибнуть...

Ницше. «Так говорил Заратустра».

* * *

От автора. События в романе вымышлены и не имеют отношения ни к нашумевшим «Аквитанским убийствам» во Франции весной 2019 года, о которых много писали местные газеты, ни к тому, что происходило в Саратовской губернии в 90-х. Все совпадения – случайны.

* * *

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ. АРЕСТ.

В России выражение «весна красна» звучит насмешкой. Красна она в Европе; у нас она черна, грязна и чавкает.

Пасмурным, слякотным мартовским днем 2003 года к мрачному серому четырехэтажному зданию саратовской городской прокуратуры, разбрызгивая бурые волны грязи, подкатил черный «мерседес» с тонированными стеклами, за которым следовал черный джип. Из джипа бодро выскочили двое рослых откормленных парней в пиджаках, с пустыми физиономиями, по которым сразу узнаешь охрану, и, шлепая в ботинках по грязи, ретиво бросились к «мерседесу».

Из «мерседеса» выскочил еще один и распахнул заднюю дверь, выпуская красивого шатена лет около 40, в черном дорогом расстегнутом пальто и превосходном итальянском костюме. То был Павел Александрович Норов, заместитель мэра Саратова, человек в городе очень известный. Павел Александрович не спешил выходить. Он посмотрел на вход в прокуратуру, затем повернул свое насмешливое лицо с правильными чертами и редящими короткими волосами к сидевшей рядом с ним помощнице.

-Ну, и где же наш адвокат?

-Должен быть на месте, - ответила она, торопливо набирая номер на мобильном телефоне. -Я звонила ему перед выездом.

-Алло? Вы где? – негромко произнесла она в трубку.

Помощницу звали Анна Полянская, она была совсем молода, лет 23, вряд ли больше. Худая, прямая, она была заметно выше Норова, даже когда сидела. Ее лицо с высокими скулами и большими круглыми глазами неопределенного зеленоватого цвета было бы очень красивым, если бы его не портила мелкая угреватая сыпь.

Из приемной прокуратуры на улицу вынырнул адвокат, полный, круглолицый, улыбающийся, и приветственно помахал рукой Норову, не решаясь, однако, пересечь заградительную полосу из широких луж и талого грязного снега, отделявшего его от машины Норова.

-Жду вас здесь? – уточнила Анна.

Норов кивнул.

-Предупредить, что мы можем задержаться?

Звонок следователя застал Норова и Анну, когда они уже выезжали на телевидение. Анна обычно присутствовала на встречах Норова с прессой,- она готовила ему документы.

-Вообще-то больше пятнадцати минут я тут торчать не намерен. Как, кстати, фамилия следователя, не помнишь?... Ладно, адвокат наверняка знает.

Норов поискал глазами возле автомобиля место почище, но такого не оказалось. Он шагнул итальянским ботинком на тонкой подошве в грязную жижу и, сразу ощутив ногой холод, произнес с чувством:

-Б...дь!

Толстая пожилая тетка, проходившая мимо по улице с авоськами в обеих руках, услышала его реплику и бросила на Норова подозрительный взгляд, проверяя, не ее ли он имел в виду. Но волновалась она напрасно: своей затрапезной внешностью она под данную категорию никак не подходила; Павел Александрович ее даже не заметил.

Просто в России сквернословят все, кроме разве что кошек; а высокопоставленные чиновники без мата ни молитву не скажут, ни с женами в постель не лягут. Впрочем, с женами большинства из них, может статься, и вы без мата не ляжете.

* * *

-И зачем им понадобилось вас от дел отрывать?- несколько преувеличенно возмущался адвокат, пока они поднимались по лестнице и шли длинным коридором. – Дурь какая-то! Я пытался следователю объяснить, что могу ответить на все его вопросы...

-Главное, чтобы вся эта ерунда не затянулась надолго,- отмахнулся Норов.- Мне на телевидение нужно. Терпеть не могу опаздывать.

-Нет, нет, это чистая формальность,- заверил адвокат.

Некоторое время назад городская прокуратура затеяла проверку в муниципальном предприятии «Наружная реклама». По результатам проверки было возбуждено уголовное дело «против неустановленных лиц по факту хищения бюджетных средств»: директора и главного бухгалтера уже несколько раз вызывали на допросы.

Вообще-то прокуратура регулярно совершала набеги на городское хозяйство, но все они заканчивались полюбовно: подписанием разрешений на строительство для родственников городского прокурора или выделением дополнительных квартир для сотрудников. Серьезных войн с мэрией прокуратура не затевала; она лишь напоминала о себе, но совсем откусывать кормящую руку не входило в ее планы.

Однако на сей раз все зашло дальше обычного, поскольку на городского прокурора давил областной, которого, в свою очередь, натравливал губернатор. Мэрия и областная администрация находились в состоянии войны; губернатор готовился к очередным выборам, видел в саратовском мэре опасного конкурента и принимал меры безопасности. Норова, отвечавшего за политику, он считал своим главным врагом, поэтому удар направлял против него.

Подоплека затеянной губернатором интриги была совершенно ясна, но на что он рассчитывал, ни юристы Норова, ни его адвокат не могли понять. Хотя «Наружная реклама» формально входила в подчинение Норова, она

являлась самостоятельным юридическим лицом, так что уголовной ответственности за ее деятельность Норов не нес.

* * *

Следователь был молодым, невзрачным, с каким-то голодным выражением глаз, и заметно нервничал. Молотя по клавиатуре компьютера двумя пальцами, он занес в протокол данные Норова, предупредил об ответственности за дачу ложных показаний, после чего приступил к допросу.

-Предприятие «Наружная реклама» находилось в вашем непосредственном подчинении?

-Никоим образом! - тут же вмешался адвокат, прежде чем Норов открыл рот.- Это совершенно самостоятельное подразделение. Павел Александрович давал лишь общие указания.

Следователь отстучал ответ, шевеля губами.

-Вы отдавали финансовые распоряжения директору или бухгалтеру «Наружной рекламы»?

-Нет,- сказал Норов.

-Никогда, – подчеркнул адвокат.

-Вы указывали бухгалтеру или директору фирмы или счета, на которые нужно было отправить деньги?

-Конечно, нет! – с возмущением отозвался адвокат.

-Суммы тоже не вы определяли?

-Я же говорю, Павел Александрович не имел отношения к деятельности данного предприятия!

Следователь покивал, потер узкий лоб и посмотрел на Норова в некотором замешательстве, словно не зная, что ему делать дальше. Затем запер документы в ящик, поднялся из-за стола и вышел из кабинета, оставив дверь открытой и сообщив, что он на минутку.

-Пошел начальству докладывать,- ворчливо заметил адвокат.- Могли бы нам и кого-нибудь посолиднее выделить. Кстати, Свету они сегодня тоже вызвали, прямо с утра.

Света Серпер была директором «Наружной рекламы». По просьбе Норова адвокат консультировал и ее.

-Чем у нее закончилось? – поинтересовался Норов.

-Не знаю, еще не отзвонилась. Все-таки странно наш друг себя ведет, не по-товарищески...

Под «другом» он подразумевал городского прокурора, который действительно был приятелем Норова, ездил с ним на охоту, часто получал от него дорогие подарки, о чем адвокат кое-что знал.

-Свинья,- коротко отозвался Норов.

-Прокурор,- поправил адвокат. Оба улыбнулись.

Вернулся следователь и положил перед Норовым отпечатанный лист.

-Ознакомьтесь, пожалуйста...

-Позвольте мне,- сказал адвокат, принимая бумагу.

Он прочел и переменялся в лице.

-Что это? – поинтересовался Норов.

Адвокат кашлянул и молча протянул ему документ. Норов взял, пробежал глазами, перечитал и все равно не понял.

-Что за галиматья? – обратился он к следователю.

-Это не галиматья, - возразил следователь, волнуясь и стараясь говорить твердо. – Это... постановление о вашем аресте.

-Вы с ума сошли?!

Следователь сглотнул.

-Нет,- ответил он высоким голосом.- Не сошел. И не надо бы вам так со мной разговаривать...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МИЗАНТРОП

Глава первая

В Тулузу рейсы из Франкфурта и Алжира прибывают почти одновременно. В пятницу, в конце марта 2020 года в зале для встречающих тулузского аэропорта толпа арабов ожидала самолета. Их было сравнительно немного для огромного светлого помещения, человек сорок-пятьдесят, но оно казалось черным от черных пиджаков, черных длинных платьев, черных хиджабов, черноволосых мужских голов, небритых мятых лиц, густо подведенных женских бровей и черных глаз.

Этой удивительной способностью – целиком заполнять собой пространство, - обладают, кроме ближневосточных народов и цыган, еще африканцы да мы, русские. Пересели в космос европейцев, и они все осядут на какой-нибудь маленькой планете, которую примутся благоустраивать; но пусти туда нас - и во всей Галактике сразу станет не протолкнуться.

Французов, встречавших рейс из Франкфурта, было совсем мало, они держались поодаль. С цветами был лишь один - невысокий пожилой худощавый мужчина в синей куртке. Расклешенные потертые джинсы и бандана на голове придавали его внешности вид несколько артистический. Небольшой букет, который он держал в руке, был завернут в фольгу и перевязан ленточкой, с кокетливыми французскими бантиками в виде сердечек.

Это был Павел Александрович Норов, заметно постаревший. Прежнего самоуверенного начальника, окруженного толпой телохранителей, узнать в нем было непросто. Впрочем, он все еще был моложав, спортивен, подтянут и по-мужски интересен; во всяком случае, крашенная возрастная француженка, беседовавшая поблизости с седым толстым приземистым мужем, временами бросала на Норова взгляды и неприметно вздыхала большой обвисшей грудью.

Его история, как водится, со временем забылась, да и о нем самом в Саратове уже мало кто помнил, но когда-то его уголовное дело вызвало там много шума. В тюрьме Норов провел недолго, чуть больше месяца, к большому разочарованию местной публики, всегда предпочитающей суровые приговоры арестованным чиновникам. Но вмешалась Москва, и дело замяли. Из мэрии ему, однако, пришлось уйти; это повлекло за собой целый ряд серьезных перестановок в городской администрации и имело далеко идущие последствия для всей саратовской чиновничьей верхушки.

После отставки Норов как-то пропал из поля зрения общественности: нигде не появлялся, встреч избегал, а вскоре и вовсе переехал, кажется, в Москву, где жила его семья. Говорили, что он потом перебрался за границу, но толком никто ничего не знал да и не особенно интересовался - Саратов жил своей жизнью, к которой Норов давно уже отношения не имел.

* * *

Читая что-то в смартфоне, Норов исподволь поглядывал на насупленного крупного мужчину лет пятидесяти, с лысеющим приплюснутым черепом, большим животом, обтянутым красным кашемировым джемпером, светлыми подозрительными глазами и свернутым набок носом, придававшим его неприветливой внешности что-то уголовное.

Поверх джемпера на нем была куртка из крокодиловой кожи, чью стоимость Норов наметанным взглядом определил тысяч в двадцать евро; его модные джинсы тянули от трех до четырех тысяч и светлые замшевые туфли – на две-три. В том, что перед ним соотечественник, Норов не сомневался; только русские одеваются за границей так ярко, дорого и так неуместно, привлекая к себе всеобщее внимание и сохраняя при этом столь недружелюбный вид, будто не сомневаются, что все вокруг только и думают, как бы их обмануть и обокрасть.

Жирная немолодая арабка в шароварах и платке, катя перед собой пустую тележку и громко болтая по мобильному телефону, нечаянно задела русского краем тележки.

-Э, подруга! Потише нах! – сердито проговорил мужчина.

Арабка, не понимавшая по-русски, мимоходом взглянула на него и проследовала дальше.

-Кто ж тебе еб-т, такую страшную? – бросил он ей вслед.

В следующую минуту он поймал на себе насмешливый взгляд Норова, понял, что опознан, и отвернулся. Русские не любят, когда их узнают за границей. Им хочется, чтобы их принимали за европейцев, например, за итальянцев, хотя, откровенно говоря, даже прилично хватив коньяка, невозможно спутать веселую живую итальянскую физиономию с неподвижной надутой русской рожей.

* * *

Норов встречал Анну, с которой не виделся уже больше десяти лет. После его выхода из тюрьмы и отставки, в один из самых сложных периодов его жизни, они были очень близки. Это была странная дружба взрослого сложившегося мужчины с совсем еще молодой девушкой. Потом, как водится, их отношения сделались еще ближе, и это разрушило то, что существовало между ними прежде, и чем он дорожил. В конце концов он уехал из Саратова в Петербург. И хотя к тому времени он уже развелся с женой, Анну с собой не позвал.

Некоторое время они обменивались ничего не значащими письмами, делая вид, что они по-прежнему старые друзья, затем Анна вышла замуж. Фамилия ее мужа была Гаврюшкин, Норов его хорошо знал и считал законченным мерзавцем, о чем, в свою очередь, было известно Анне. Она, правда, оставила себе прежнюю фамилию, но Норова это не смягчило. В самом деле, даже полный гаврюшкин, имей он фамилию «Полянская», десять раз подумал бы, прежде чем менять ее на «Гаврюшкину». Их переписка оборвалась, когда Анна родила сына, о чем Норов узнал случайно, стороной. Поздравлять он ее не стал.

И вот столько лет спустя, в феврале он получил от нее по электронной почте короткую и простую записку; она писала, что хотела бы увидеться. Скрыв удивление, он ответил без промедления, тоже коротко и просто, - что будет рад встрече в Петербурге или во Франции. Она выбрала Францию.

Обычно все обращения к нему бывших знакомых заканчивались просьбами о деньгах, к чему он относился почти без досады: собственно, а чем еще он мог быть интересен окружающим? Но деньги никогда не составляли предмет вожделений Анны, к тому же Гаврюшкин сейчас занимал должность заместителя мэра Саратова, как когда-то сам Норов, так что в деньгах она вряд ли нуждалась. Зачем она летела, Норов не знал.

* * *

Высокие двери из матового стекла, отделявшие зал ожидания от зоны прилета, автоматически разъехались, и показались прибывшие. Первыми, разумеется, шли арабы, груженные чемоданами, баулами и тюками. Французы неспешно и пристойно следовали за ними. Черная толпа,

встречавшая арабов, заколыхалась, раздались громкие восклицания, приветствия, шершавая, грубая речь.

В цепочке французов обращали на себя внимание две женщины, двигавшиеся рядом: постарше и помоложе, обе высокие, красивые, хотя совсем непохожие. Красота старшей была неброской, классической: темно-русые волосы, круглые, светлые прохладные глаза, прямой нос и полные губы. Одета она была просто: расстегнутый легкий пуховик, шарф, джинсы, дорожная сумка через плечо и средних размеров чемодан на колесиках.

Ее молодая спутница была очень эффектной голубоглазой блондинкой с длинными густыми волосами, черными клееными ресницами и пухлыми ярко крашеными губами, кажется, не вполне натуральными. В белой куртке и белых сапогах на высоких золотых каблуках, она картинно вышагивала, вращая тугими бедрами, затянутыми в узкие модные джинсы, надменно вздернув изящный подбородок. Перед собой она толкала тележку с двумя дорогими чемоданами и такой же сумкой.

В старшей Норов сразу узнал Анну и поразился перемене в ее внешности. Из угловатой худой девушки она превратилась в красивую, зрелую, уверенную женщину с плавными движениями.

При виде блондинки красно-пузатый русский восторгнулся, его сердитое лицо преобразилось подобием улыбки, и он решительно ринулся вперед, сменяя арабское семейство, перекладывавшее прямо на полу какое-то барахло из одного баула в другой. Блондинка увидела его, обрадовалась, и что-то торопливо сказав Анне, ускорила ему навстречу, тараня тележкой встречных.

Норов помахал Анне рукой, она скользнула по нему ясным, спокойным взглядом и ее круглые глаза просияли. Она порывисто бросилась к нему; через мгновение они уже обнимались. Она гладила его колючие в щетине щеки, терлась мокрым от слез лицом о его висок в бандане, хотела что-то сказать и не могла. Чувства переполняли обоих.

-Нютка, милая,- растрогано повторял Норов, целуя ее лицо в слезах. – Девочка моя маленькая...

Ни девочкой, ни маленькой Анна не была; чтобы поцеловать ее, невысокому Норову приходилось задираť голову.

-Как долетела? – спросил он, приходя в себя первым и пряча захлестнувшие его эмоции за дежурным вопросом.

-Хорошо... - она промокнула глаза.- Спасибо. А ты?

-А я и не летел. Я на машине приехал.

-Да, понимаю,- кивнула она, все еще не понимая.- Я хотела спросить - вообще.

-Вот... в смятении...

Он спохватился, что все еще держит букет, отдал ей, еще раз поцеловал и, подхватив ее чемодан, покатил к выходу.

-Ты, кажется, подросла? – поглядывая на нее снизу вверх, улыбнулся он.- Как-то неуважительно с твоей стороны, не по-товарищески...

-Вовсе нет, - запротестовала она.- Я все такая же. Просто ты отвык.

-Помнится, я был выше тебя на голову. Куда все делось? Смотри-ка, у тебя синий пуховик!

-Когда я вылетала, в Саратове было холодно...

-Я не о том. Я сегодня тоже в синей куртке, видишь?

-Ой, действительно! Значит, мы – на одной волне, да? Кстати, эта повязка на голове тебе очень к лицу.

-Лысина мне тоже к лицу, только я постоянно ею обо что-нибудь задеваю, и остаются царапины.

-Это потому что ты – высокий.

-Ага. И еще огромный. Просто держусь скромно. У тебя появилось чувство юмора?

-Откуда? Зачем оно мне в Саратове?

* * *

У выхода из аэропорта располагались автоматы, принимавшие плату за парковку. Перед каждым выстроилась небольшая очередь, в хвосте одной из

них томилась русская пара. Анна хотела встать за ними, но Норов потянул ее дальше.

-Застряли!- сварливо пожаловалась Анне блондинка.- Все из-за той каракатицы,- она подбородком указала на пожилую толстую арабку, возившуюся у автомата.- Полчаса уже ковыряется. То карту не тем концом сует, то пин-код набрать не может. Вот корова!

-В жопу ей эту карту засунуть, может, поумнеет! – отозвался ее приятель.

-А главное - все стоят, как в рот воды набрали. В России ее бы давно шугнули.

-Во Франции это называется деликатность,- сдержанно заметил Норов.

-Да в гробу я видела такую деликатность! Я что, целый час тут должна из-за этой коровы торчать?

-Дальше еще есть автоматы,- сказал Норов.- Обычно там меньше народа.

-Где? – деловито поинтересовался кривоносый.

-Пойдемте, покажу.

-Кстати, Владимир,- кривоносый сунул Норову крепкую большую руку.

-Павел.

-Ляля,- пропела блондинка.- Вов, а это – Аня. Мы с ней летели вместе.

Анна вежливо улыбнулась, и Владимир под впечатлением ее роста и стати, уважительно буркнул:

-Очень приятно.

Все четверо вышли на улицу, пересекли по переходу дорогу и в толпе других пассажиров направились к стоянке.

-Многовато тут чурок,- проговорила Ляля, озираясь по сторонам.- Прямо не Франция, а Чуркистан какой-то.

-Это не чурки, это французы,- возразил Норов.

-Французы! – саркастически хмыкнула Ляля.- Да они по-французски только «шомаж» и знают.

-Че такое «шомаж»? – заинтересовался Владимир.

-Пособие по безработице.

-Ясно, - хмыкнул Владимир.- Работать-то их хрен заставишь. Лезут сюда отовсюду, как тараканы; французы, дурачки, их к себе пускают, думают, они на них пахать будут, а они им на шею садятся.

-И как французы их терпят? – пожала плечами Ляля.

-Вернее спросить, как арабы терпят французов?- возразил Норов. - Мы в мусульманской стране. Самая читаемая книга здесь - Коран, а самое распространенное французское имя среди новорожденных – Магомет.

-Правда что ль? – поразился Владимир.- Во дают! Вконец обнаглели.

Они подошли к автоматам, Норов пропустил Владимира вперед, и тот, достав карточку, принялся расплачиваться.

-А мы привыкли в России: француженки, француженки! – продолжала возмущаться Ляля.- Законодательницы мод! А они - вон какие! Бегемоты беременные! И все сплошь - в хиджабах.

Владимир расплатился и подождал, пока это сделает Норов.

-Живете здесь на постоянной? – поинтересовался он.

-Время от времени.

-В Тулузе?

-Под Кастельно.

-Где это? Далеко?

-Отсюда - семьдесят семь километров.

-Большой город? – спросила Ляля.

-Нет, крошечный, триста жителей, по нашим меркам - деревушка. Но очень красивый.

-А мы неподалеку от Альби обосновались, в Левисе, знаете?

-Знаю. Тоже приятный городок, побольше Кастиельно.

-У нас там свое шато! – не утерпев, похвасталась Ляля. – Тридцать гектаров виноградников и замок средневековый. Полный улет!

-Оно еще не наше,- урезонил ее Владимир.- Мы ж его еще не купили.

-Считай, купили! Мы уже компроми де вант подписали! Ну, договор продажи,- пояснила она Норову. – Знаете, да? Приезжайте с Аней к нам, мы вам все покажем. Там вид такой – спасу нет! Красотища неопиcуемая! Заодно съездим куда-нибудь, отдохнем, а то че тут делать-то?

-Может, пообедаем вместе? – предложил Владимир Норову.

-Можно,- согласился Норов.

-Какой у вас телефон?

Норов продиктовал, Владимир набрал его и подождал, пока раздался гудок.

-Есть,- сказал он.- Сохраню у себя. Павел, да? Созвонимся.

Они пожали друг другу руки на прощанье.

-Ты действительно хочешь с ними пообедать? – спросила Анна, когда они отошли.

-Конечно, нет.

-Но ты дал ему номер своего телефона.

-Я не отказываю, когда просят, просто не беру трубку.

-Ты не отвечаешь на телефонные звонки? Совсем?

-Практически.

-А вдруг кто-то хочет сообщить тебе что-то важное?

-Всегда можно написать,- пожал он плечами.- Ты же написала.

-Кстати, спасибо, что ответил.

-Спасибо, что написала.

* * *

-Ты едешь на «капюре»?! – поразила Анна, когда Норов открыл багажник машины, укладывая ее чемодан.

-А что? Хорошая машина, недорогая. Движок приемистый.

-С ума сойти! Я тебя иначе чем на «мерседесе» и не представляла.

-В деревне на «мерседесе»? В посмешище себя превращать. Французы не любят богатых.

-А у нас – наоборот.

-Ты здорово похорошела, - сказал он, трогаясь с места.

-Спасибо. Ты правда так думаешь?

-Это очевидно.

-А я из-за возраста переживаю.

-Напрасно. Ты очень красива.

Он не кривил душой. Годы смыли с ее лица мелкую угреватую сыпь, кожа сделалась ровной, и ее зрелая красота с легкими морщинками в уголках глаз и грустью, порой невольно мелькавшей во взгляде, проступила в своей бальзаковской последней неподражаемой осени.

-Чем занимаешься? – спросил он.- Работаешь где-нибудь?

-В «Икее». Директором по персоналу.

-О, большой начальник! Нравится?

-В целом, да. А ты?

-Прочерк. Вернее, два прочерка.

-А второй прочерк что означает?

-Семейное положение.

-Живешь один?

-И не жалею.

-Встречаешься с кем-нибудь из прежних друзей?

-Вот с тобой.

-Социальными сетями не пользуешься, это я уже поняла... Не скучно тебе без людей?

-Мне скучно с людьми.

-В Саратове говорили, что ты поселился здесь, во Франции, и поменял гражданство.

-Живя в Саратове, так хочется надеяться, что хоть кто-то переехал во Францию. Нет, я не менял гражданства. Живу то в России, то здесь, в своей деревне.

-В России по-прежнему в Питере?

-Единственный город, где я могу существовать. Архитектура, возможность долгих прогулок.

-Адаптировался к климату?

-Даже полюбил северное лето.

-Там же все время дожди!

-Ну, не всегда. Иногда идет град.

-А здесь ты купил дом?

-Снимаю. Не хочу вновь обрести собственностью, хватит с меня. Слишком поздно понял, что жить нужно легко, востребован и полетел, куда глаза глядят.

-Ты сюда на лето перебираешься?

-Ну уж нет! Летом тут жара, толпы туристов. Летом я в Петербурге, - прохладно, прогулочно. Китайцев, правда, много, но я научился на них не наступать, а то они визжат.

-А наши туристы тут есть?

-Чем им тут заниматься? Ни моря, ни шопинга, ни ночных клубов. Они в Париже да в Ницце. Я здесь один на всю округу. Ле рюс. Можно сказать, местная достопримечательность.

-Ты и одеваться стал проще. Раньше ты выглядел иначе. Костюмы, яркие галстуки, модные туфли...

-Раньше я был тщеславнее. Старости подобает скромность.

-Старости! Скажешь тоже! Да тебе еще жить да жить! Ты доживешь до ста лет.

-Надеюсь, что нет.

-Почему?! Разве ты не хочешь прожить подольше?

-Ни подольше, ни получше.

-А я вот хочу!

-И подольше, и получше?

-Нет, только подольше. Мне и так ужасно хорошо. Особенно сейчас!

* * *

Норов поехал не скоростной магистралью, а деревенской дорогой, - она была живописнее. Светило жизнерадостное французское солнце; легкие облака с тонкой розовой тенью в подкладке висели в высоком небе, переливающимся ясной синевой и голубизной.

Дорога вилась среди холмов, по их вершинам тянулись густые леса, среди обнаженных еще деревьев красовались стройные пихты и лиственницы, ниже шли поля, уже покрытые свежей зеленью; вниз по склонам сбегали ровные остриженные ряды виноградников, еще голых и скрюченных. Деревушки, которые они проезжали, встречали их высокими тонкими, хрупкими шпильями средневековых узких соборов, коричневой черепицей крыш, домами из белого камня с яркими синими ставнями и почерневшими от времени каменными крестами деревенских кладбищ.

-Уже все расцвело! – восхитилась Анна, глядя по сторонам.- Не то что у нас... Грязно, холодно, - хоть не вспоминай! А кто помогает тебе по дому?

-В Питере или здесь?

-И здесь, и там?

-Тут убирает жена хозяина, я тебя с ней познакомлю, думаю, тебе понравится. А в Петербурге у меня трудится дама с высшим образованием, бывший вузовский преподаватель, не вот тебе! Убирает, правда, неважно, зато очень вежливая и с отчетливым правильным выговором, что очень симпатично. «Вы не возражаете, Павел Александрович, если я немного пошумлю?». Это она про пылесос. Половину чашек мне перебила. «О! Простите великодушно! Я все компенсирую...» Прощаю, разумеется, без контрибуций и репараций.

-Не лучше ли найти без высшего образования, но умелую?

-Не уверен, что лучше. Работала у меня прежде огромная, толстая тетка, такая слониха, добродушная, туповатая. Все сокрушалась, что я «кушаю мало». Я ей, бывало, говорю: Дарья Петровна, я не кушаю, я ем. А она: «А надо кушать! А то от вас совсем ничего не останется. Дайте я вам пельмешки накручу».

-Но это же мило! Такая забота...

-Ну да, пока она не пускалась в рассуждения о политике, что она, надо сказать, очень любила. Как начнет мне пересказывать всю чушь, что слышит по телевизору, про то, как Америка мечтает на нас напасть, я из дома опрометью выскакивал!

-Больше не интересуешься политикой?

-Меньше, чем урожаем бананов в Малайзии.

-Ты действительно сильно переменялся.

-Одни дураки не меняются.

-А что ты ешь? Что попало, как раньше?

-Ну уж нет. Что попало - птички клюют. А я ем то, что хочу.

-Я и говорю, что попало! Тебе кто-то готовит, или ты в рестораны ходишь?

-Слушай, давай сменим тему. Столько лет не виделись, а говорим о еде! Смотри, как хорошо вокруг!

-О, да! Замечательно! В себя прийти не могу. У тебя есть помощница?

-Зачем? У меня ни встреч, ни переговоров. Билеты на самолет я себе и сам в состоянии купить.

-Сам покупаешь билеты?! Ты и в магазин сам ходишь?

-Здесь сам. В Питере иногда прошу свою даму купить мне что-нибудь по хозяйству или съездить на рынок. По интернету в основном заказываю, - удобно.

-А какая у тебя машина в Питере?

-У меня там нет машины.

-Совсем нет?

-Была, да я продал. Это здесь, в деревне без машины пропадешь: до ближайшего супермаркета – 16 километров, до городка с аптекой и рестораничками – 20. А в Петербурге мне машина без надобности. Живу в центре, в спортивный клуб хожу пешком – примерно полкилометра. Гуляю, разумеется, тоже пешком. Не пробовала? Это довольно просто, надо только не забывать ноги переставлять,- я тебе завтра покажу, как это делается. В аэропорт вызываю такси.

-Без охраны, без «мерседеса», без секретарей, без костюмов!... Конец света! – Анна всплеснула руками.

-Тебе, наверное, надо отодвинуть сиденье, вон там рычажок. А то твои длиннющие ноги не помещаются, хоть в окно их высовывай.

-У тебя было по три охранника в смену! – не могла успокоиться Анна.- Плюс два водителя и еще начальник охраны! Охрана на коттедже. Секретари, домработницы, завхоз, капитан катера, водитель для жены, дежурный водитель для разъездов, - перечислять устанешь, целая армия!

-Правда? А я и забыл. Сколько ж денег я на них тратил!

-Пропать! Навскидку не скажу, но могу поднять старые записи, они у меня где-то хранятся.

-Ну и дурак же я был!

-Почему? Тебе нравилось так жить.

-Вот я и говорю, дурак был.

* * *

Анну в свое время прислало Норову кадровое агентство, с которым у мэрии существовал договор. Прежняя его помощница ушла в декретный отпуск, он искал ей замену. Анна шла четвертой в списке претенденток, сотрудница агентства предупредила, что особых надежд на нее не возлагает, но посмотреть стоит.

Анне едва исполнилось двадцать два года, она окончила с золотой медалью английскую школу и с красным дипломом факультет иностранных языков Саратовского университета. Она сидела в кресле напротив его стола, худая, прямая, напряженная, не улыбкавая. Косметики на ней не было, ее бледное лицо с выступающими скулами имело нездоровый оттенок, на веках виднелись синие прожилки; щеки покрывала сыпь. Коричневое платье ниже колен ей совсем не шло, к тому же болталось на ней мешком. Прямые тонкие темно-русые волосы были забраны в хвост.

Глядя на Норова ясными круглыми глазами цвета морской волны, Анна рассказывала, что поступила в аспирантуру, но преподавательская работа ее не привлекает, тем более что платят за нее мало. Она хотела бы заниматься чем-то более интересным и полезным, готова работать по двенадцать часов в сутки и решать задачи любой сложности.

-Например, мыть посуду? – подсказал Норов.

Сотрудница кадрового агентства, присутствовавшая при разговоре, угодливо хихикнула. Анна осталась невозмутимой.

-Почему бы и нет? Если понадобится, могу мыть и полы.

Норов уже пообщался с тремя кандидатками. Все они обладали интересной внешностью, были ярко одеты и выглядели довольно сексуально. Ему особенно понравилась одна, в черных чулках, резинки которых дразняще выглядывали из-под короткой юбки. Он с удовольствием провел бы с ней вечер, но для работы ему требовался иной типаж.

Сексуальных девушек ему привозил сутенер, большой специалист по этой части. Далеко не все они оказывались проститутками, некоторым просто требовались деньги. Среди них встречались и персональные помощницы знакомых Норова, которые в постели доверительно выбалтывали ему

секреты своих шефов. Норову не хотелось, чтобы его помощница за несколько сотен долларов ныряла в чужие постели и сплетничала о нем.

-Что вы читаете? – спросил он Анну.

Она ответила, что художественная литература представляется ей скучной, ее больше интересует политика и экономика.

-У вас нет воображения? – спросил Норов.

-Не люблю выдумок, - подтвердила она.- Я мыслю конкретно.

В устах юной девушки это прозвучало забавно. Что касается планов на будущее, то, по ее словам, в ближайшие годы замуж она выходить не собиралась, обзаводиться детьми не думала, молодого человека у нее не было.

-А пожилой есть?

Она не улыбнулась, покачала головой и прибавила рассудительно:

-В настоящее время я не вижу смысла в сексе.

-Смысла в сексе действительно немного,- согласился Норов. – Одни расходы. Кто ваши родители?

-Папа – военный, мама – преподаватель математики.

-Так понятнее, спасибо,- кивнул Норов.

-Извините, что именно понятнее?

-Особенности вашего конкретного мышления. Прямолинейность и предсказуемость.

-Но ведь это – хорошо,- заметила Анна, ничуть не обижаясь. – Когда знаешь, чего ожидать от человека, с ним легко иметь дело.

У нее была высокая шея и прямые плечи. Длинные руки заканчивались изящными маленькими кистями. Ноги тоже были длинными и ровными, но коленки, выглядывавшие порой из-под коричневого платья, были, пожалуй, грубоваты. Грудь не наблюдалась. Весь ее наряд, включая черные туфли на низком толстом каблуке, ясно свидетельствовал, что проблем со вкусом у Анны нет,- по причине его полного отсутствия.

-Сможете выйти на работу с завтрашнего дня? – спросил Норов.

-Конечно,- спокойно отозвалась она.

Агентша заволновалась. В случае удачного исхода ее ожидала крупная премия. Она готовилась к долгим придирчивым смотринам и обрадовалась возможности быстрого решения.

-Других кандидатов не будете смотреть? – спросила она, еще не веря своему счастью.

-Не вижу смысла. Верно, Анна?

-Никакого,- хладнокровно подтвердила Анна.

* * *

Рабочий день у Норова был ненормированным, он часто приезжал на работу и по выходным. У него было два секретаря, работавших по двенадцать часов, посменно. Он предложил Анне взять и вторую помощницу, но та отказалась наотрез, заверив, что справится одна и в отдыхе не нуждается. Она провожала его с работы поздно вечером, а утром, в половине девятого, уже встречала, собранная, невозмутимая, серьезная. Она наклонялась к нему с высоты своего роста и подставляла под его дежурный поцелуй свою прохладную щеку. Порой ему казалось, что она живет в офисе.

Она составляла графики его встреч, вела переписку на нескольких языках, готовила сложные документы; собирала по его требованию информацию; присутствовала на важных встречах; выбирала подарки для чьих-то юбилеев и дней рождений; бронировала отели за границей, оплачивала счета, страховала автомобили, подыскивала водителей и домработниц; отправляла деньги его родне и случайным подругам; улаживала их проблемы; выполняла просьбы его жены и тещи. В конце концов он запретил охране пускать ее в офис по воскресеньям, несмотря на ее протесты, и наказал водителю в девять вечера отвозить ее домой хотя бы и насильно с помощью охраны. Он вовсе не желал, чтобы она умерла на службе от истощения, он хотел, чтобы она продолжала работать на него как можно дольше.

Она никогда не жаловалась и, если болела, то старалась это скрыть. Ум у нее был острый, но начисто лишенный фантазии, прямой, как линейка. Она легко отыскивала нужные сведения, умела анализировать их и обобщать, но общение с людьми ей не давалось, - ложь и дипломатия были ей чужды. Когда она была не согласна с мнением Норова, то выразительно молчала, глядя куда-то сквозь него. Высокие скулы в такие минуты становились резче, а круглые зеленые глаза казались прозрачными.

Держалась она со всеми официально, сохраняя дистанцию, ни с кем из сотрудников не переходя на «ты»; лицо ее неизменно оставалось серьезным и спокойным, голос - ровным. Жила она в квартире с родителями, в быту была рациональна, экономна, неприхотлива. Личной жизни у нее не существовало, потребности в ней она, похоже, не испытывала.

Норов был щедрым начальником и Анне платил много; через год подарил автомобиль, а еще через год – хорошую квартиру в центре города. Принимать квартиру она долго отказывалась и переехала в нее лишь перед самым его арестом.

Макияжем Анна не пользовалась; одевалась так, что ему часто хотелось выругаться. Ходить по магазинам она не любила, да у нее на это и не оставалось времени, вещи покупала первые попавшиеся, редко ей шедшие.

Несколько раз Норов сам возил ее в магазин и выбирал наряды, - длинные бурые мешки, которые она носила под видом платьев, оскорбляли его эстетический вкус, к тому же она часто появлялась рядом с ним на людях и должна была выглядеть достойно. Стоимость вещей неизменно приводила Анну в смятение, она не понимала, зачем тратить такие деньги на тряпки и почему нельзя хотя бы подождать полгода до начала скидок.

-А если скидок не будет? – посмеивался он.

-Обязательно будут! – убежденно отвечала она.- Кто еще купит такую ерунду по такой цене?

* * *

-Что за странное имя - «Ляля»? – спросил он.

-От Ольги. В детстве ее называли Леля, но Ляля кажется ей интереснее.

-Как у куклы. Она и похожа на куклу. Глазами хлопает и пищит.

-Она совсем неглупая, просто с мужчинами держится так, как им, по ее мнению, нравится. Мы летели с ней вместе из Москвы до Франкфурта, кресла были рядом. Я обычно летаю экономом, но тут у меня накопились мили, надо было их расходовать, и я взяла бизнес. Всю дорогу она мне про себя рассказывала, я даже немного утомилась. Из Франкфурта до Тулузы нам разные места дали, я надеялась отдохнуть, но она попросила кого-то пересечь, чтобы ко мне присоединиться.

-Она не упоминала, за что она своему Владимиру нос свернула?

Анна улыбнулась.

-Это не она. Хотя она, наверное, могла бы - мастер спорта по легкой атлетике. Обратил внимание, какие у нее ноги длинные? Да она вообще красивая девушка. Раньше работала в спортивном клубе, персональным инструктором по фитнесу, там и познакомилась со своим другом, помогала ему сбросить вес.

-Немного же она добилась; живот у него выдающийся.

-По ее словам, он весил на десять килограммов больше.

-Куда уж больше! А сейчас она, как я понимаю, уже не работает?

-Теперь она блогер. Мечтает набрать триста тысяч подписчиков, пока у нее – две.

-Тоже неплохо. У меня вообще два: сестра да мама. Вот еще ты появилась. И о чем она рассказывает в своем блоге? Как делать минет богатым дядькам?

-Она - стилист по одежде. Закончила какие-то международные курсы, по интернету, конечно. Но диплом имеется.

-Знакомая тема,- кивнул Норов. Его бывшая жена любила учиться на дорогостоящих заочных курсах, по окончании которых выдавали сертификаты на разных языках. Кажется, она тоже была стилистом и еще дизайнером. - Это она посоветовала Владимиру натянуть красный джемпер на два размера меньше, чем ему требуется?

-В России это называется «в облипку». Так сейчас все носят.

-Фу, какое неприятно выражение! Осклизлое..

-Извини. В общем, Владимир покупает ей здесь шато. На ее имя, как она несколько раз подчеркнула. Это обстоятельство приводит ее в особенный восторг. Она показывала мне фотографии своего будущего замка, у нее их не меньше сотни. Действительно, выглядит он страшно романтично.

-Какая у нее фамилия?

-Кузякина.

-Подходит для шато. Шато Ляли Кузякиной. Звучит. В облипку.

-Она намерена заняться виноделием.

-Она что-то в этом понимает?

-Я тоже ее об этом спросила, знаешь, что она ответила? «Мне-то зачем разбираться, нанять, что ли некого?».

-Как это по-русски! Ни в чем не смыслим, но братья готовы за что угодно, нам хоть картошку сажать, хоть ракеты в космос запускать, лишь бы украсть позволили. Специалиста по виноделию она действительно тут найдет, во Франции заниматься вином - как в России воровать, - все умеют. Скорее всего, у нее возникнут проблемы со сбытом. В этом районе сплошные виноградники, посмотри по сторонам. Здесь тысячи виноделов; и мелких, и крупных, и очень известных. В супермаркетах целые отделы с местными винами.

-Она не собирается продавать вино во Франции. Она будет торговать им в России.

-А как же эмбарго на импорт? Там же драконовские меры, - продукты тракторами давят.

-У ее друга есть связи на таможне, как она выражается, «прихваты».

-Надеюсь, его самого не прихватят. А что он поделывает?

-Какой-то депутат или важный чиновник, я, откровенно говоря, слушала ее вполуха.

-Я так и подумал. У этой публики в России сейчас такой вид, что за одну физиономию можно пять лет давать с конфискацией.

Со стороны Норова это было не самое деликатное замечание, с учетом того, что муж Анны являлся высокопоставленным чиновником.

* * *

-Симпатичный букет,- Анна рассматривала подаренные им цветы. – Интересный. А это что за цветок, не знаешь? Раньше ты всегда дарил розы, всем подряд, охапками. Такие красивые, голландские, на высоких стеблях. Я заказывала их у одной и той же цветочницы, штук по тридцать, чуть ли не ежедневно. Страшные деньги мы на эти розы тратили. Тетка, благодаря нам, наверное, дом себе в Ницце отгрохала!

-Французы розы редко дарят, они другие цветы предпочитают, пионы, например. Роз тут в каждом дворе полно. Даже возле моего дома несколько больших кустов.

-Правда? Я их увижу?

-Они попозже распускаются, в апреле.

-Тогда не увижу!- она вздохнула с сожалением.- Я на неделю прилетела, да и то, боюсь, как бы раньше не пришлось сбежать.

-Почему?

-Пишут, что из-за этой эпидемии могут закрыть границы. Все так ее боятся! В Италии и Испании уже десятки тысяч болеют, во Франции, правда, поменьше, но темпы распространения растут со страшной силой. Я просматриваю иностранную прессу, - каждый день новые статьи об этом коронавирусе. Здесь носят маски? Я на всякий случай прихватила с собой.

-Я еще никого в них не видел. Хотя кое-кому они бы явно не помешали. Тому же Владимиру, например.

-В аэропортах тоже никого кроме японцев в масках не было; ни во Франкфурте, ни в Тулузе.

-Ну, японцы, наверное, и сексом в них занимаются.

-А у нас твердят, что Европа в панике!

-Смотри больше российское телевидение! Паника – это стадная реакция, европейцам она не свойственна. Можешь представить, чтобы

англичанин, бился в истерике? Или немец? Даже мы в проявлении эмоций довольно сдержаны, хотя мы более стадные. Вот восточные народы, те не привыкли стесняться.

-Но ведь в Италии объявили карантин! И в Испании тоже! Значит, все-таки существует серьезная обеспокоенность!

-Это все - политика. Подумай сама, кому нужен президент, который призовет мужественно встретить эпидемию? «Дорогие сограждане, продолжим работать и жить нашей обычной повседневной жизнью, соблюдая необходимые меры предосторожности». Да такого завтра же снесут. Иное дело, если он начнет вещать о национальной угрозе, объявит чрезвычайное положение да еще будет направо и налево раздавать бабки, дабы поддержать страдающее население! Рейтинги сразу взлетят. Кстати, сегодня будет выступать на эту тему президент Франции. Этот тоже в Наполеоны метит. Послушаем, что скажет...

-Ты не веришь в опасность коронавируса?

-Да ведь это всего лишь форма гриппа.

-Но люди от него умирают!

-Не так уж много и умирает, больше по этому поводу шума. Но, откровенно говоря, за европейцев мне стыдно. Перепугались простуды, залезли под кровати. Знаешь, на днях взялся перечитывать «Былое и думы» Герцена; там очень много верного сказано о Европе. Может быть, одна из самых умных русских книг на эту тему. Образованный русский человек, приехав сюда, обязательно разочаровывается.

-Почему?

-Сидя у себя дома, посреди нашего неустроя, мы идеализируем Европу. Судим о ней по романам, произведениям искусства, выдумываем ее, а прибыв, обнаруживаем вместо синеглазых ренуаровских красоток - толстых арабов в хиджабах. И начинаем возмущаться, как Ляля в аэропорту. Но неоправданные ожидания - скорее, наша проблема, чем их... У нас-то, кстати, что с этим вирусом? А то я уже две недели как отчалил, не в курсе последних новостей.

-Пока ничего особенного не происходит. Президент на днях выступил по телевизору, заявил, что опасаться нечего, вирус существует только в мозгах.

-Ну, значит, нам действительно опасаться нечего, мозгов-то у нас совсем немного осталось. Думать мы не любим, а как жить – нам по телевизору объяснят...

* * *

Норов вырос без отца, с матерью и сестрой Катей, которая была старше его пятью годами. Мать, идейная коммунистка, всерьез считала, что главное – долг перед обществом, а семья и личная жизнь – это то, чем занимаются в оставшееся от работы время, - если оно, конечно, остается. В партию она вступила по убеждению; она сама рассказывала детям, что перед тем, как подать заявление, два года решала: готова ли она, мать двоих детей, умереть за партию.

Она работала врачом, заведовала терапевтическим отделением в районной поликлинике и дважды отказывалась от предложения перейти на повышение в горздрав, считая, что в поликлинике она нужнее людям. Закончив прием, она отправлялась по вызовам, чего при своей должности могла бы и не делать. Пациентов выслушивала внимательно, но больничные листы выписывала далеко не всем, к ипохондрикам относилась без сочувствия. Взятки она не брала, отказывалась даже от невинных подарков, обычных в ее профессии, вроде коробки конфет или бутылки шампанского.

Жили Норовы скромно, в двухкомнатной квартире: комнату поменьше делили Павлик с сестрой, а мать спала в гостиной на диване. Миниатюрная, изящная, большеглазая, серьезная, она производила обманчивое впечатление хрупкости, на самом деле она обладала стальной волей и неумолимостью прокурора.

Отец Норова не вынес ее ригоризма, сбежал к другой женщине и переехал куда-то в Подмосковье. Предательства она ему не простила, вернула себе после развода девичью фамилию, и детей он больше не увидел. Он присылал алименты, но разговоры о нем в семье были запрещены.

Однажды шестилетний Павлик, возвращаясь на автобусе от бабушки, нашел на заднем сиденье грудку мелочи, вероятно, высыпавшейся из чьего-то кармана. Набралось целых два рубля с лишним – огромные деньги по тем временам для мальчишки. Мать, например, по воскресеньям выдавала им с Катей сорок копеек на кино, по двадцать на каждого; десять копеек стоил утренний сеанс и столько же – водянистое мороженное в вафельном стаканчике. Павлик принес домой найденное сокровище и честно отдал матери, но вместо похвалы его ожидал разнос.

-Эти деньги кто-то потерял и сейчас ищет! Ты не имел права к ним прикасаться! Взять чужое, все равно, что украсть! Немедленно отнеси их в милицию!

Павлик растерялся от неожиданности и ее напора. Мать являлась для него непререкаемым авторитетом, послушаться ее он не мог, но он понятия не имел, где находится милиция, как он туда явится и что скажет. А вдруг его обвинят в краже? Худенький, испуганный, не зная, что возразить, не понимая до конца, в чем он провинился, он стоял, глядя на нее отчаянными глазами, и по его щекам катились слезы.

Сестра, подоспев на помощь, за руку отвела его в соседний сквер, и там они оставили мелочь на скамейке, сложив ее ровными аккуратными столбиками. Обоим было жаль денег, но взять их себе даже не пришло им в голову.

* * *

Обязанности по дому Катя и Павлик делили поровну: оба по очереди мыли полы и посуду, ходили в магазин за хлебом и молоком. Мать приучала их к закаливанию и неукоснительному соблюдению правил гигиены: зубы чистить дважды в день, белье и носки менять ежедневно. Форточки в квартире круглый год оставались открытыми, с утра полагался ледяной душ; толстенькая Катя тайком делала воду теплее. Павлик хитрить не умел, терпел, считая до десяти, и лишь потом выскакивал пулей и принимался растираться.

Подарками их мать не баловала; одежду покупала редко. Сестра сама штопала себе колготки, Павлик снашивал ботинки так, что начинала отваливаться подошва.

В три года Павлик мечтал стать волшебником, но не ради исполнения собственных желаний, а чтобы помогать бедным людям. В пять лет он прочитал «Легенды и мифы Древней Греции», и Геракл, совершающий великие подвиги, надолго стал его любимым героем. Среди иллюстраций в книге была скверная черно-белая фотография знаменитой Фарнезской статуи мощного Геракла, задумчиво опершегося на палицу. Павлик пытался срисовывать ее в свой альбом.

Оба ходили в английскую школу, где основной контингент составляли дети партийной и хозяйственной номенклатуры. У одноклассников Кати и Павлика были карманные деньги, красивые импортные карандаши, шариковые ручки, редкие в те годы, и всякие дорогие игрушки. Норовы ощущали неравенство, преодолеть его им отчасти помогало то, что учились оба на «отлично». Катя, умевшая ладить с одноклассниками, давала им списывать на контрольных. Павлик мог помочь с домашним заданием, но списывать не давал, он считал, что это нечестно. Если одноклассники угощали их шоколадными конфетами, которых мать в доме не держала, то Катя брала, а гордый Павлик неизменно отказывался. В глубине души он презирал одноклассников за мещанство и меркантилизм; сам он готовился героически погибнуть за родину.

Характеры у них с Катей были разные. Умненькая, сообразительная, усидчивая и терпеливая Катя умела подстроиться, сказать и сделать то, что нужно, что от нее ожидали окружающие. С ранних лет она хотела стать врачом, но не терапевтом, как мать, а хирургом. С Павликом она играла в «скорую помощь» и порывалась вырезать ему аппендицит пластмассовым скальпелем.

У Павлика были большие способности к языкам и гуманитарным предметам; превосходная память позволяла ему без труда запоминать целые страницы; математику он не любил, зато недурно рисовал. Гибкости в нем не было вовсе; он был прямолинеен и тверд.

Стремление к лидерству проявилось в нем рано, уже в первом классе. Он не умел уступать, горячился в спорах, легко обижался и лез в драку. Почувствовав в нем эту струнку, классная руководительница назначила его старостой, позже он стал командиром пионерского отряда. Он с увлечением занимался общественной работой, рисовал стенгазету, был членом совета

дружины и знаменосцем. На школьных праздниках он, худенький и прямой, печатал шаг и гордо нес наперевес тяжелое знамя.

Он верил тому, чему учили в школе и что внушала ему мать, он вообще был очень доверчив. Рисуя в своем альбоме портреты Ленина, посвятившего жизнь счастью всех трудящихся, он испытывал чувство благоговения и благодарности. Он мечтал когда-нибудь оказаться в Москве и побывать в Мавзолее.

Его одноклассники, едва выйдя из школы, спешили стащить с себя пионерский галстук, но Павлик так не поступал. Он берег его, сам стирал и гладил.

* * *

В начальных классах он дружил лишь с одним мальчиком, Виталиком, тихим, неприметным и малоспособным к учебе. В элитную английскую школу Виталика приняли лишь потому, что его мать работала здесь уборщицей, чем часто дразнили Виталика другие дети, доводя его до слез. Отца у Виталика не было, жили они с матерью очень бедно. Классная руководительница, видя, что Виталик не тянет, «прикрепила» к нему Норова.

К шефству над Виталиком Норов относился серьезно. Каждый вечер после занятий он помогал ему делать уроки, объяснял пройденный материал, сердился, если Виталик не понимал, и распекал – если тот на следующий день не мог в классе повторить то, что зубрили накануне. В школе он заступался за Виталика, и ребята, зная его горячий нрав, при нем Виталика не дразнили и не обижали.

Виталик страшно гордился их дружбой и был привязан к Норову, как собачонка. Он часами ожидал после уроков в школьном дворе, пока Норов заседал в совете дружины или репетировал очередную торжественную линейку. Норов сделал Виталика членом редколлегии стенгазеты, и Виталик изо всех сил старался быть полезным: точил карандаши, подклеивал ватман, бегал менять в банке воду для кисточки. Уроки они готовили то в квартире Норовых, то в тесной подвальной каморке, в которой обитал Виталик с матерью. И если они засиживались у Виталика допоздна, то Виталик обязательно провожал Норова до дома.

Как-то теплым майским воскресеньем они сидели на скамейке возле дома Норова и рассматривали альбом с марками, которые собирал Норов. Это было в четвертом классе, обоим исполнилось по одиннадцать лет; Норов тогда увлекался живописью; марки были с репродукциями картин известных художников. Большие, глянцевые, красивые, они ровными рядами лежали в своих удобных прозрачных нишах; Норов мог подолгу любоваться ими, рассматривая детали, неприметные с первого взгляда.

Вдруг из-за угла налетели незнакомые мальчишки. Их было трое, они были старше; наглые, злые, сильные. Они грубо выхватили альбом из рук Виталика и кинулись бежать, но Виталик успел уцепиться за куртку одного из нападавших. Тот повернулся, ударил его и сбил с ног. Другие окружили поверженного Виталика и принялись пинать.

Потрясенный Норов метнулся в подъезд и, прыгая через ступеньки, помчался домой.

-Мама! – кричал он не своим голосом.- Мама!

Мать была дома, но не слышала. Добежав до двери, Норов повис на звонке, колотя в дверь ботинком. Наконец она открыла.

-На нас с Виталиком напали! Отняли альбом с марками! Виталика избили!

-Где?

-Там, во дворе! Его бьют! Прямо ногами!

Мать метнулась было к окну, но вдруг остановилась и повернулась.

-Ты бросил Виталика одного?! – звенящим голосом выговорила она.- Ты убежал?!

Он испугался ее лица.

-Я побежал к тебе! Я хотел...

Он не успел договорить. Его голова дернулась в сторону от сильной пощечины.

-Марш назад! – крикнула она ему в лицо.- Живо! Трус!

Ошеломленный, ослепленный, он ринулся назад, из квартиры. Когда он выскочил на улицу, хулиганы уже исчезли. Виталик с кровоточащим носом и ссадиной на лбу, в испачканной землей рубашке, сидел на корточках у скамейки, держась за живот.

-Они убежали! – пробормотал он сдавленно и виновато, не в силах разогнуться от боли.- Они стащили твой альбом!

Он не думал о том, что друг его предал, он был полон раскаяния за то, что не смог спасти его марки.

* * *

Тем же летом, когда Норов был в спортивном лагере, мать Виталика вдруг уволилась из школы и куда-то переехала, забрав его с собой. С тех пор Норов Виталика не видел. Он тосковал по Виталику так сильно, как не тосковал ни по кому, даже по отцу, с которым никогда не встречался и о котором мечтал. Никто не знал нового адреса Виталика; Норов приходил в отчаяние от невозможности найти своего друга.

Он часто вспоминал ту дикую, жестокую, несправедливую сцену, когда он бросил Виталика одного, и страшно переживал, что уже не может искупить своей вины, доказать Виталику свою смелость и дружбу.

-Я не струсил, не струсил! – порой твердил он про себя, пытаюсь оправдаться в собственных глазах.- Я только хотел, чтобы мама что-то сделала... я просто растерялся...

Но это ничего не меняло. Виталика больше не было в его жизни. Норов был уверен, что тот так же тяжело переживает разлуку и не приезжает к нему, просто потому что его мать, наверное, увезла его в другой город, и он не может оттуда сам добраться. Он еще не знал, что глубокая привязанность – свойство сильных, полных натур; приручая тех, кто слабее нас, мы привязываемся к ним куда крепче, чем они к нам.

Глава вторая

Дом Норова стоял на возвышенности, окруженный со всех сторон холмами. Они круто поднимались вверх и плавно сбегали вниз, ревниво перекрывали друг друга, будто боясь остаться незамеченными. Километрах в

пяти вздымался сумрачный серый каменный остов полуразрушенного старого замка, а чуть ниже из скалы выступала средневековая деревушка.

Дом был двухэтажным, из белого камня, крытый охряной волнистой черепицей, с массивными черными прямоугольными балками, придававшими ему солидности. От дороги его отделяла густая высокая стена стриженного кустарника, в котором вечнозеленые растения перемежались с декоративными, медными. Среди деревьев, тоже разноцветных, стояли две ветвистые смоковницы и слива.

Норов въехал на площадку, присыпанную мелкой галькой, и остановился у старой черешни. Анна выбралась из машины, и едва оглядевшись, невольно захлопала в ладоши.

-Три «Д»! – воскликнула она, озираясь.- Нет, четыре! Какой вид! Как на картинке! Горы потрясные!

Раньше она не реагировала так эмоционально, тем более на пейзаж. Норов вообще думал, что она невосприимчива к природе.

-Это не горы, а холмы.

-Для меня – горы. Килиманджаро! У нас ведь там все плоское, забыл? А где у тебя розы?

-Вон там. Скоро сирень зацветет, вот тогда и начнется настоящая красота и тут, и в полях. Представь, бредешь себе поутру тропинкой, кругом зеленая сочная трава, вся в росе, белые ромашки, желтый чистотел, фиолетовые цветочки, не знаю их названия, и – маки! Алые, яркие! Как на картине Моне. Вдали – рапсовые поля. А проходишь мимо домов – их тут совсем немного, далеко друг от друга, но все же есть - они утопают в разноцветных розах. И густой, весенний запах!

Анна вздохнула:

-Жаль, что я не дождусь!

-Оставайся, буду рад.

-Ну что ты! Это невозможно. Я себе не принадлежу.

-Дом, семья?

-Лев, работа.

-Лев?

-Левушка, сын, - она улыбнулась смущенно и мягко.

-Сколько ему лет?

-Скоро десять.

-В следующий раз вместе с ним приедешь.

Анна вновь улыбнулась, на этот раз рассеянно, будто не хотела продолжать тему. Метрах в трехстах от дома, на склоне паслись три лошади: две гнедых и одна белая. Анна помахала им рукой. Лошади не обратили на нее внимания.

-Я потом покормлю их чем-нибудь, ладно?

-Конечно, но предупреждаю, что вблизи они выглядят гораздо хуже, чем издали. Они же совсем беспородные.

-Ой, какая птица серьезная! Вон парит... Это орел или ястреб?

-Наверное, беркут.

-Никогда не видела так близко орла!

-Еще насмотришься. Тут полно живности: олени, косули, выдры, белки. Иногда под колеса попадают. Особенно много раздавленных ужей и ежей.

-Жалко зверушек!

-Ква, как выражаются французы.

-Почему «ква»?

-Кваканье у французов означает философское отношение к жизни. Мол, что поделаешь. *C' est la nature, quoi?* Тут и птиц много разных. Фазан ко мне повадился, прилетит и по двору гуляет, хвост распускает. И еще заяц в гости изредка забегает. Посидит-посидит, и упрыгает.

-Зайцу купим морковки.

-Хорошо. При случае спроси, как его зовут. Только он по-русски плохо понимает.

-Сколько же у тебя тут земли?

-Гектаров двенадцать или пятнадцать, не помню. Только не у меня. Моего тут ничего нет.

* * *

-У тебя тут и бассейн есть! Плаваешь?

-Ну, что ты! Тут двенадцать метров, я от борта к борту за два гребка добираюсь. Мне в нем барахтаться - голова закружится. Я же в детстве несколько лет занимался плаванием, прежде чем сообразил, что росточком не вышел.

На просторной крытой террасе сбоку располагалось спортивное снаряжение: стойки для штанги, скамья, аккуратно сложенные в углу гантели, блины и гири разных весов. В стороне висел боксерский мешок и спортивные петли.

-Ты тренируешься на улице? И зимой тоже?

-Тут зимой тепло, плюс семь, ниже не опускается.

-Каждый день мучаешься, как раньше?

-Как раньше, не мучаюсь. У меня потребность. Я ведь, как животное, живу только в движении.

-Но ты же спишь!

-Я во сне хвостом мух отгоняю.

-Много мух?

-Мало. А комаров вообще нет. На удивление.

-Может быть, потому что тут - возвышенность? Их, наверное, ветром сдувает.

-А может быть, потому что природу вокруг французы не так загадили, как мы.

-Да, тут очень красиво. А у меня вот со спортом нет взаимности. В зал, конечно, хожу, но без энтузиазма.

-Помню. Я бы удивился, если б ты вдруг в чем-то переменялась.

-А мне кажется, я очень изменилась! Ну, кроме моего отношения к спорту.

Он улыбнулся.

-Знаешь мой любимый интернет-пароль?

-Нет, конечно, откуда?

-«Снегвсегда!», латинским шрифтом в одно слово, с восклицательным знаком.

-Почему?

-Потому что одна моя знакомая меняла на своей машине зимнюю резину лишь в середине мая, когда никакого снега уже давным-давно не было; зато летнюю - на зимнюю уже в октябре, еще до первых снежинок. А когда ее спрашивали, почему она так поступает, она твердила, что в нашем климате снега нужно ожидать всегда.

-Ой, а я ведь и сейчас так поступаю!..

-Кто бы мог подумать!

Мебели в доме было много: огромные старинные резные комоды из дерева, сундуки, этажерки, неудобные деревянные стулья, маленькие столики на изогнутых ножках.

-Какое все тут антикварное!

-Французы любят старину, боятся всего нового; старое у них синоним хорошего.

-А у нас наоборот.

-Разница мировосприятия. У нас нет ни традиций, ни исторической памяти, а они гордятся своим прошлым. Французский язык – самый консервативный из европейских, не восприимчив к заимствованиям.

У стены стояло обшарпанное пианино с открытой крышкой. Анна подошла к нему и нажала несколько клавиш. Раздался хриплый, дребезжащий звук.

-Оно совсем расстроено,- сказал Норов.- Хозяева держат его для антуража.

-А что в этих комодах?

-Ничего.

-Вообще ничего?

-Совершенно.

-Для чего нужны пустые комоды?

-Реквизит, иллюзия мебели. Еще одна особенность мировосприятия. Французские дома хороши снаружи: цветы, деревья, кусты, художественные композиции на лужайках, например, какая-нибудь древняя телега, в которой стоят большие горшки с цветами. Заметила у нас перед въездом ржавую длинную стрелу, вонзенную в пень? Мило и совершенно бесполезно. Но внутри в их домах – неудобно, как на пригородной станции в какой-нибудь Обшаровке. Темно, не прибрано, вместо мебели – хлам, купленный на распродажах и барахолках.

-Как странно! Почему?

-В них много показного. Они вежливы, остроумны, находчивы, умеют произвести впечатление, но глубины им не хватает. У них и разговор такой же: веселая болтовня, остроумная, но пустая. Пена шампанского. Мне кажется, что сильные чувства существуют у них только в романах. В том, что касается удобств, они – минималисты, не сибариты: как правило, один тесный туалет на весь дом и кое-какой душ. Ванна для них роскошь, без нее они легко обходятся. Во всяком случае, в деревне.

-Значит, правда, что французы не моются?

-Не часто. Впрочем, у них есть много других достоинств.

-Тут тоже только один туалет?

-Нет, тут их целых три, больше, наверное, чем во всем Кастельно. Я сменил множество житов, прежде чем нашел этот.

-Житов?

-Так по-французски называется дом, сдаваемый на короткое время, во время туристического сезона. Житы снимают только летом, в основном в июле-августе, на одну, максимум, две недели. Приезжают сюда компанией, расходы несут вскладчину, - французы страшно экономны, считают каждую копейку. Этот жит рассчитан на три пары с детьми, а живу я в нем один, причем только вне сезона.

-Ты, наверное, один такой на всю Францию.

-Похоже. С их точки зрения, поступать так – очень глупо. Пойдем вверх, покажу тебе твою комнату.

Он взял чемодан Анны и по деревянной скрипучей лестнице они поднялись на второй этаж.

-Здесь две спальни. Каждая с ванной комнатой и туалетом. По французским меркам это – haut de gamme, выше крыши. Вот – твоя спальня, моя - напротив. Если вдруг ночью перепутаешь, забредешь ко мне в чулках, встретишь теплый прием. Сколько времени тебе понадобится, чтобы разобраться с твоим хозяйством?

-Минут сорок, не больше. Приму душ с дороги да слегка приведу себя в порядок. Вещи разложу потом.

-Хозяева хотели к нам заглянуть, Ваня и Лиза, бонжуркнуть и познакомиться. Они живут минутах в пятнадцати отсюда, я обещал им сообщить, когда ты будешь готова с ними повидаться.

-Ваня и Лиза?

-Его зовут Жан-Франсуа, но я кличу его Ваней, ему нравится, он вообще любит все русское, Мусоргский у него любимый композитор, а оратории Танеева он считает одной из вершин жанра. Я их дослушать до конца не могу. А Лиза, она так и будет, Лиз, на всех языках, кроме мексиканского.

-А как будет Лиз по-мексикански?

-Карлотта Маркс.

-Ты шутишь!

-Как ты догадалась?

-В Мексике говорят на испанском, а не на мексиканском!

-Действительно. Смотри-ка, логика, оказывается, может иногда заменять чувство юмора.

-Чем занимаются хозяева?

-Разным. В том смысле, что они – очень разные. Ваня – музыкант, закончил консерваторию, вернее целых две: по дирижированию и по композиции.

-Ого! Серьезно.

-Очень. Он – несостоявшийся гений. У него весьма необычная судьба, я тебе как-нибудь потом расскажу.

-А Лиз?

-Лиз, в отличие от Вани, девушка простая, без образования, но, знаешь, в ней есть глубина. Чувствуется сильный характер, мне она этим симпатична. Берется за любую работу: убирает в домах, готовит, моет. Очень трудолюбивая, из французской крестьянской семьи, вернее, из еврейской крестьянской семьи.

-Евреи во Франции бывают крестьянами?!

-Представь себе. Не всем им удалось устроиться политическими комментаторами на французском телевидении. Лиз трудится, как муравей: летом в туристический сезон устраивается официанткой в городишке поблизости; зимой нанимается кухаркой к охотникам, деньги для семьи зарабатывает в основном она. Наш дом раньше принадлежал ее родителям. Лиз с отцом самостоятельно перестроили его в жит. Вообще у Вани с Лизой два жита, забота о них целиком лежит на Лиз. Раз в неделю она ко мне приходит, моет, стирает, убирает. По хозяйству ей отец помогает: стрижет траву, ухаживает за лошадьми, цветочки поливает. Он у нее старенький, но еще очень бодрый.

-Жан-Франсуа хозяйством не занимается?

-Ну что ты! Он – натура творческая, рожден для вдохновенья, для звуков сладких и молитв. К тому же, несостоявшийся гений означает надлом.

В настоящее время он медленно собирает себя по частям, сочиняя акустическую музыку.

-Ее здесь кто-то слушает?

-Из вежливости. Хотя от нее даже местные куры нестись перестают. Он дает изредка бесплатные концерты на деревенских праздниках, но в повседневной жизни работает библиотекарем...

-С двумя консерваторскими дипломами?!

-И блестящим началом дирижерской карьеры. C'est la vie, ква, извини за банальность. Тут, в Кастельно, есть небольшая медиатека, эспас культурель, дом культуры в миниатюре. Никто туда, естественно, не заходит; Ваня сидит целыми днями один. У него там есть пианино, он притащил кое-какую аппаратуру, что-то мудрит, творит, слушает всякую кабафоню; ничего, кроме этого ему не нужно. Ну еще книги, он много читает.

-Они с Лиз богаты?

-Еле сводят концы с концами. У них три кредита, Лиз из-за них страшно переживает.

-Как же я буду с ними объясняться? Я плохо знаю французский. В университете он шел у нас вторым языком, но я много лет на нем не говорила.

-Справишься. Если что, помогу, я тут малость выучился по-басурмански.

-Я грамматику совсем не помню!

-Об этом не беспокойся. Во французских деревнях грамматику никто не знает, может быть, только Ваня.

-А по-английски они говорят?

-Условно. Хэлоу, тре бьян.

-Это не совсем по-английски.

-Только не говори им об этом. Ладно, переодевайся, не буду тебе мешать.

* * *

Когда через час Анна, слегка подкрашенная, в длинной юбке из тонкой мягкой шерсти и темно фиолетовой кофте с низким вырезом, очень ей шедшей, спустилась вниз, она выглядела нарядной и женственной. Жан-Франсуа и Лиз уже сидели на кухне вместе с Норовым на высоких табуретах вокруг стола, пили кофе и болтали. При виде Анны французы церемонно поднялись со своих насестов.

Жан-Франсуа был высок, худ, лет сорока, со светло-серыми близорукими, рассеянными глазами, длинными спутанными, светло-каштановыми волосами, небрежно забранными сзади в хвост, и бородой гораздо темнее волос. На узких плечах болтался свободный меланжевый джемпер, наряд довершали джинсы и туфли, хотя и не новые, но хорошего качества.

Лиз, невысокую ладную шатенку, трудно было назвать красавицей в полном смысле этого слова, черты ее лица были грубоваты. Но у нее были большие темные глубокие глаза и чудесные густые длинные волосы. Крепко сбитая, полногрудая, с крутыми бедрами, она источала ту земную витальность, которая многих мужчин притягивает сильнее, чем красота.

Норов представил их друг другу.

-Хочешь кофе? – спросил он Анну.- Или вина?

-Лучше чаю.

Он включил чайник.

-Как долетели? – спросила Лиз.- Без приключений? Я приготовила к вашему приезду финансьеры.

Она показала на маленькие мягкие бисквиты с малиной, лежавшие на большой тарелке, принесенной ею из дома. Руки у нее были крупными, мужскими, без маникюра. Анна взяла один бисквит, попробовала и зажмурилась. Лиз заулыбалась и сразу стала обаятельнее.

-Нравится вам у нас? – спросила она.

-О, да! Такой вид!

-Три «Д»,- подсказал Норов.

-Что означает три «Д»? – заинтересовалась Лиз.

-Наверное, что-то очень хорошее, я не очень разбираюсь в современном российском жаргоне, на котором выражается Анна.

Анна взглянула на Норова с укором.

-Он меня дразнит, - сказала она.

-Поль? – улыбнулся Жан-Франсуа, открывая мелкие, неровные зубы, несколько портившие его красивое лицо.- Он может. Он и меня часто дразнит. Например, он утверждает, что не воспринимает Онеггера!

-Кого? – переспросила Анна.

-Онеггера, - по-русски повторил Норов.- Французский композитор, которого Ваня ставит исключительно высоко и от которого мне на дерево хочется залезть.

-Он для меня слишком авангарден,- вновь возвращаясь на французский проговорил он.- У него нет мелодии.

-Но у него есть многое другое. Ты не сумеешь это понять, если не будешь его слушать. Кстати, раз уж ты такой любитель мелодии, ты слушал вторую Брамса в исполнении Шолти? Я вчера отправлял тебе ссылку. Совершенно иная интерпретация, чем у Караяна! Мне интересно твое мнение.

Норов вздохнул.

-Ванюша, дорогой, я не услышу разницы, эти тонкости – не для моего уха.

-Иными словами, ты не слушал?

-Извини, не успел, я готовился к приезду Анны. Стирал, гладил...

-Разве у вас были грязные вещи, месье Поль? – простодушно удивилась Лиз.- Я же вчера принесла все из стирки. Чистое и выглаженное...

-Лиз, я выражался в переносном смысле, - вновь вздохнул Норов.- Беда мне от этих французов,- негромко бросил он Анне. – Лиз, я хотел сказать, что захлопотался по дому. На самом деле я брился, укладывал феном волосы, они у меня вдруг отросли на нервной почве.

-Ты просто воуои, Поль! – осуждающе заключил Жан-Франсуа.

-Что такое «voyou»? – спросила Анна у Норова.

-Хулиган, - перевел он.

-Месье Поль – не хулиган, а насмешник! (taquin), - вступилась за Норова Лиз.- Он любит пошутить, но он совсем не хулиган! «Voyou» – это тот, кто совершает что-то противозаконное,- пояснила она Анне.

-Я не обижаюсь, - заверил Норов.- Я только на правду обижаюсь.

-Но это правда,- пожал узкими плечами Жан-Франсуа.- Представляете,- обратился он к Анне, - в прошлом году он избил человека!

-Ты с кем-то подрался? Здесь?! – Анна изумленно распахнула круглые глаза.

-Ваня придумывает! – запротестовал Норов.- Фантазии на тему «Хованщины».

-Его даже забрали в жандармерию,- подтвердил Жан-Франсуа Анне и покивал головой. Впрочем, на сей раз он, похоже, скорее гордился выходкой Норова, чем осуждал ее.- Хорошо, что тот парень, которого он поколотил, не стал подавать жалобу, иначе Лансак его бы не отпустил, упек бы за решетку.

-Кто такой Лансак? – спросила Анна.

-Местный шеф жандармов,- ответила Лиз.- Очень придирчивый.

-Тщеславный идиот,- уточнил Жан-Франсуа.- В Кастельно его никто не любит!

Лиз, видимо, сочла резкость мужа в оценке столь крупного начальника как шеф деревенских жандармов чрезмерной и поспешила перевести разговор на другую тему.

-Вы собираетесь показывать мадам Анне Кастельно, месье Поль?

-В воскресенье дьякон обещал экскурсию в сокровищницу церкви.

-Нашу церковь стоит посмотреть,- радостно закивала Лиз, глядя на Анну. – Она построена в четырнадцатом веке!

-В двенадцатом,- поправил Жан-Франсуа.

-Я не очень в этом разбираюсь,- Лиз смущенно улыбнулась. – Я в церковь не хожу.

-Там замечательные фрески и фигуры святых из дерева,- прибавил Жан-Франсуа.

-Пьер вам покажет,- заверила Лиз.- Пьер– это дьякон. Такой говорун! Но очень добрый и образованный, - последнее она произнесла с уважением.

-Он отказался брать деньги за экскурсию, и я пригласил его пообедать вместе с нами. В ресторане на площади, присоединитесь? Скажем, в двенадцать. Думаю, мы к этому времени уже освободимся.

Они переглянулись.

-Почему бы и нет? – отозвался Жан-Франсуа.- На воскресенье мы ничего еще не планировали.

-Спасибо, - сказала Лиз все еще нерешительно. – Если мы вам не помешаем...

-Мы будем рады,- улыбнулась Анна.

-В нашей округе много старинных деревушек, которые входят в число самых красивых во Франции, - не без гордости сообщила Анне Лиз.- Вам будет, что посмотреть...

-Если только не объявят карантин,- заметил Жан-Франсуа.

Улыбка сразу сошла с лица Лиз, на нем отразилось беспокойство.

-Надеюсь, не объявят,- сказал Норов.

-Надеюсь, объявят,- возразил Жан-Франсуа.

Лиз обернулась к нему.

-Если введут карантин, туристы не смогут к нам приехать! – с упреком произнесла она.

-Нельзя думать только о себе, это нехорошо, - покачал головой Жан-Франсуа. - Деньги вообще приобрели в нашей жизни непомерное значение,- добавил он, адресуясь к Анне и Норову.- Это характеризует французов не с лучшей стороны.

-Как же жить без денег? – не сдавалась Лиз.- Карантин – это конец для нас! Пропадет весь сезон.

-Коронавирус уже убил в Испании и Италии несколько тысяч человек! - произнес Жан-Франсуа.- Подумай, что важнее, наш доход или человеческие жизни? Он бьет по самым хрупким («fragiles»), а государство по сути ничего не делает, чтобы их защитить.

-Хрупкими ты называешь старых и жирных? – уточнил Норов.

-Почему старых и жирных, месье Поль? – удивилась Лиз.

-По статистике они составляют больше 80 процентов заболевших.

-Послушай, Поль, в этом нет их вины! – запротестовал Жан-Франсуа.

-В том, что они старые и жирные? А чья вина?

-Это возраст, болезни, проблемы питания.... Да какая в конце концов разница, толстые они или худые! Это люди и они умирают!

-И пусть умирают. Они не делают мир прекраснее. Дряхлые, бесформенные, они едят, болеют от обжорства, жалуются на свои болячки и вновь едят. И хотят, чтобы так было всегда.

-Неужели тебе их не жаль? Или ты опять меня дразнишь?

-Любовь к дальним, Ваня, это - социалистическое лицемерие. Оно часто заканчивается революциями и истреблением ближних, уж нам ли, русским, это не знать! Я сочувствую тебе, Лиз, Анне, но не старым толстякам, которых я в глаза не видел. Старческое слабоумное цепляние за жизнь вызывает у меня чувство неловкости. Предел человеческой жизни отодвинулся сначала за семьдесят лет, потом за восемьдесят, а нам все мало! Нам все кажется, что мы чего-то не доели, не доныли...

-Никто не хочет умирать, месье Поль,- сказала Лиз.- Это же нормально.

-Я считаю это крайне невежливым по отношению к окружающим.

-Ты не любишь людей, Поль!- осуждающе заметил Жан-Франсуа.

-Не в безобразии. Человек для меня – одухотворенное, деятельное, созидательное существо. В качестве бессмысленного жующего животного он мне не внушает ни уважения, ни симпатии. И, откровенно говоря, я не

понимаю, как ты, человек по природе своей исключительный, можешь выступать таким яростным сторонником равенства?

-По-твоему, лучше быть на стороне сильных и богатых, Поль? – в голосе Жана-Франсуа прозвучал сарказм.

-Нет, Ваня, я на стороне талантливых, трудолюбивых, красивых и здоровых. Их в мире осталось очень мало, это – вымирающий вид. Их нужно беречь, а не толстых, старых и праздных. Что касается богатых, то не стану рассуждать про Европу и Америку, там своя история, но на моей родине богатые – это в подавляющем большинстве жадные, отвратительные пиявки.

-Но ведь ты сам – богатый человек, Поль,- вдруг усмехнулся Жан-Франсуа, обнажая свои мелкие неровные зубы. - Разве нет?

Это был неожиданный и неприятный выпад; он будто укусил. Норов нахмурился.

-С чего ты взял, что я богат, Ваня? Потому, что я расстаюсь с деньгами легче, чем окружающие?

-Он вовсе не хотел вас обидеть, месье Поль,- испуганно вмешалась Лиз.- Ведь правда, шери? Он просто не так выразился...

Норов заставил себя улыбнуться.

-Конечно, хотел. Но я на него не сержусь.

-Не стоит воспринимать буквально все, что говорит Павел,- вмешалась Анна.- Когда я работала у него, я лично по его распоряжению переводила миллионы на благотворительность. Мы финансировали дома престарелых, специальные учреждения для детей-инвалидов, да кому только мы не помогали! Мы тратили огромные деньги...

-И поступали очень глупо!- перебил Норов.- Чем больше ты раздаешь нищим, тем больше их становится. Помнишь директрису фонда для умственно отсталых детей, которой мы вгрузили кучу денег? – спросил он, переходя на русский. - Такую толстую, решительную носатую тетку, убежденную, что в мире нет ничего важнее, чем спасение мелких идиотов?

-Конечно, помню. Она твердила, что нельзя ждать за это благодарности, - это дело совести каждого.

-Подразумеваю, что это долг каждого. Удобная позиция для получателя, согласись?

Он перевел Жану-Франсуа и Лиз смысл этого короткого обмена репликами и продолжал уже по-французски.

-У этой достойной дамы было трое ненормальных детей от разных мужей. Все трое содержались за счет благотворителей в специальном заведении, которым она руководила. Так вот через некоторое время она родила четвертого, опять ненормального. Выходит, я да и другие жертвователи энергично способствовали разведению ее неполноценного потомства!

-Ты действовал в соответствии со своими тогдашними убеждениями,- возразила Анна.- Что же в этом плохого? Мне кажется, когда человек живет в соответствии с принципами, это достойно уважения.

-Да, но жаль, что я так долго придерживался ошибочных убеждений.

-По-вашему, никому вообще не нужно помогать? – простодушно спросила Лиз.- Совсем-совсем никому?

По тону вопроса Анна догадалась, что Лиз переживает за себя, и что ей, как и Жану-Франсуа, не раз случалось пользоваться щедростью Норова. Беспокойство, прозвучавшее в ее вопросе, показалось Анне забавным.

-Не знаю, - отозвался Норов. – Может быть, никому.

-А я считаю, что правильными были твои прежние убеждения,- возразил Жан-Франсуа.

Норов только усмехнулся, показывая, что считает бесполезным продолжать этот спор.

* * *

В секцию по плаванию Павлика привела мать. Она опасалась, что он останется маленьким, как она сама, а плавание, как она считала, способствует росту.

Плавание Павлик не полюбил. Вода в бассейне всегда оставалась холодной, и он начинал стучать зубами, уже выходя из душа. Очков в ту пору не было; хлоркой выедало глаза до рези, до красных прожилок. Но, чувствуя

ответственность перед матерью, он не мог бросить и не пропускал тренировок, даже на каникулах, когда приходилось заниматься дважды в день.

Мать приходила на соревнования, в которых он участвовал, приводила с собой сестру, и обе болели за него. Если Павлуша выигрывал, то мать устраивала в его честь обед и пекла шарлотку. Сестра присоединялась к ее поздравлениям, но не вполне искренне; кажется, она считала, что он и так слишком задается. Сама Катя, в отличие от брата, спорт не любила, зато прилежно занималась музыкой.

Тренировала детскую группу рослая крупная широкоплечая женщина топорной внешности, с грубым трубным голосом. В свое время она была «спинисткой», чемпионкой России на длинной дистанции; оставив плавание, сильно раздалась или, как она сама выражалась, «закабанела». Звали ее Галина Николаевна, воспитанники за глаза называли ее Галькой. Она немилосердно распекала их за лень; особо нерадивые наказывались после тренировки дополнительными десятью бассейнами баттерфляем и сотней отжиманий на суше.

У Норова долго не шел брасс, для дельфина ему не хватало силы, а вот на спине выходило совсем неплохо. Всего полгода понадобилось ему, чтобы со второго юношеского перейти на первый, затем на третий взрослый, хотя в комплексе он еще до третьего не дотягивал. Гальке нравилось его упорство. В группе он был единственным спинистом, и она относилась к нему с симпатией, то ли по родству душ, то ли потому, что он был самым мелким. Это не означало снисхождения с ее стороны, наоборот, на тренировках ему доставалось чаще, чем другим.

-Норов, хватит сачковать! – зычно кричала она, перекрывая гул бассейна.- Ну-ка, включай ноги, лентяй, а то сейчас зад утонет! Может, тебе его скипидаром намазать? Давай, работай! Как кит иди, а не как топор!

На соревнованиях, когда Павлик выходил на последний четвертак, она, не выдержав, срывалась с места, и, рыся вдоль бортика, надрывалась:

-Финиш! Финиш, Норов! Ну же! Давай!

И Павлик давал. Он швырял в воду уже бессильные руки, взбивал вялый фонтанчик непослушными согнутыми ногами, рвался из последних

сил, из дыхания, из секунд. Когда он приходил первым и, отдышавшись в воду, вылезал из бассейна и снимал резиновую шапочку, Галья встала у лесенки и трепала по мокрым волосам.

-Сойдет в темноте за третий сорт,- одобрительно ворчала она.- Кит.

Ее похвалой Павлик гордился. Он знал, что он не кит, но сдаваться не умел. Волосы у него были непокорными и торчали даже мокрыми.

* * *

В школе, благодаря отличной учебе и общественной работе, Норов пользовался авторитетом. В спортивной секции все было иначе; тут решала сила, выносливость, ловкость, - всего этого Павлику от природы не хватало. Своевольный самолюбивый характер порой становился причиной его конфликтов с другими ребятами, но драться он не умел, и из-за этого попадал в неприятности.

Лето юные пловцы проводили в спортивных лагерях, - это был суровый быт. На берегу узкой речки ставились большие брезентовые палатки, в которых ребят расселяли человек по тридцать. Днем в палатках стояла жара, ночью дети мерзли под тонким одеялом. Окна и двери не закрывались, комары ели поедом, кусали даже через простыню.

Как правило, ребята проводили в лагерях по месяцу, но мать оставляла Норова на два. Эти лагеря Павлик в глубине души ненавидел, и из-за бытовых неудобств, и из-за выматывающих трехразовых тренировок каждый день, но главное – из-за несвободы, - постоянного пребывания в чуждой ему среде. Он раздражался и задибался больше обычного.

Как-то парню из старшей группы, дежурившему по палатке, не понравилось, как у Норова заправлена постель, и он велел, чтобы тот ее перестелил. Норов отказался, ему казалось, что с постелью все в порядке, к тому же он не любил, когда ему приказывали.

Особой дедовщины в лагере не было, но само собой подразумевалось, что прав у старших больше. Парень был крупнее Норова, он дал ему обидный подзатыльник. Норов в ответ неловко его отпихнул. Тогда тот ударил Норова в лицо.

Норов бросился на него, сжав кулаки, но стукнуть как следует не смог, он не умел драться. Парень перехватил его руку, выкрутил, швырнул его на постель. Норов вскочил, глядя на обидчика ненавидящими, сверкавшими глазами.

-Перестилай постель! – приказал тот.

Теперь она действительно была смята.

-Не буду!

Парень вновь его стукнул. Норов хотел ответить и опять не сумел. Не зная, что сделать и не в силах терпеть, он плюнул в парня и попал прямо в лицо. Взбешенный, тот врезал ему крепче и разбил нос. Потекла кровь, Норов почувствовал ее на губах и опять плюнул.

Эта нелепая сцена продолжалась несколько минут. Парень бил Норова опять и опять, а тот стоял, не защищаясь, перемазанный кровью и слезами; всхлипывал уже в голос, но не уклонялся и на каждый удар отвечал плевком. Белая рубашка парня была вся в красных подтеках. Наконец, другие ребята их разняли.

Кто-то из мелюзги стукнул об этом происшествии Гальке, и через два дня она вызвала обоих к себе.

-Что там у вас приключилось? – хмуро поинтересовалась она.

-Ничего,- ответил старший парень.

Норов молчал, избегая смотреть на Гальку.

-Он тебя бил? – спросила его тренер.

-Нет,- буркнул Норов, не поднимая головы.

-Ты его бил? – обратилась тренерша к парню.

-Нет,- поспешно ответил тот.- Я просто сказал ему, чтобы он кровать переправил...

-А он?

-Он отказался.

-А ты?

-А я... ничего... Просто отошел.

-Хорошо, что не бил,- кивнула Гальяка и вдруг дала парню такую увесистую затрещину, что у него лязгнули зубы.

-Вы че деретесь?! – взвыл он.

-Я не дерусь,- внушительно возразила Гальяка. – Если я тебя стукну, ты не встанешь. Я тебе доходчиво объясняю, что маленьких бить нельзя. Понял, дубль?

Слово «дубль» заменяло ей грубое «дурак».

-Понял,- обиженно сопя, ответил он.

-Валите восвояси.

Они двинулись к своей палатке.

-Гальяка, блин! – сердито выговорил парень, когда они отошли.- Лошадь, блин!

Кажется, он ожидал от Норова сочувствия.

* * *

-Какие же они разные! – с улыбкой покачала головой Анна, когда они с Норовым ехали в машине выпить по бокалу вина в один из соседних городков.

-Я тебе говорил,- кивнул Норов.- Они мне почти как родственники.

-Но, знаешь, мне не понравилось, что Жан-Франсуа тебя задирает...

-Не обращай внимания,- беззлобно отмахнулся Норов.- Это французский стиль; они же петухи, задиры, но не агрессивны.

-Он всегда так эмоционально говорит о музыке?

-Иногда гораздо более прочувствованно. Сегодня он был не в самом музыкальном настроении, должно быть, возбудился из-за твоего приезда. Вообще у него очень подвижная психика, он то взволнован, много болтает, то тихий, рассеянный.

-Ну да, понимаю, творческий человек. И все же это было как-то... не очень по-дружески...

-В нем есть обида на человечество, которая иногда выплескивается на тех, к кому он хорошо относится. Он ведь пережил настоящую драму. Лет десять назад он был подающим большие надежды дирижером, можно сказать, восходящей звездой. Однажды даже выступал в Париже, где-то за границей, чуть ли не в Берлине, словом, ему доверяли руководить серьезными оркестрами. В ютьюбе много его записей, посмотришь потом, если захочешь.

-Что же случилось?

-Дирижерство казалось ему чем-то второстепенным, он же считал себя великим композитором. Он сочинял авангардную музыку, которую никто, однако, не желал исполнять. Ваня что-то записал в ютьюбе, предложил ее туда и сюда, повсюду получил отказ и в раздражении решил доказать окружающим, какие они болваны. Он начал дирижировать, как он сам мне признавался, со скрытым сарказмом, ну, как-то иначе расставлять акценты. Он несколько раз пытался мне объяснить, но я, откровенно говоря, мало что запомнил. Смысл такой, что там, где нужно «ля-ля-ля», он давал «ля-ля-бам!». Публике это нравилось меньше. Ване об этом сначала намекали, потом говорили открыто, но он упорствовал. И его попросту перестали приглашать.

-Загубить карьеру из-за одного только упрямства?

-Неразумно, согласен. Но это было лишь начало его проблем. Как водится, именно в эту минуту его бросает жена, которую он страстно любил.

-Почему бросила?

-Женщины вообще очень чувствительны к успеху, а его бывшая жена – яркая дама с очень сильным характером. Она увлеклась другим... С ней осталась дочь. Ваня к девочке очень привязан; во Франции отцы часто более чадолюбивы, чем матери. Он страшно переживал, начал попивать, сорвал несколько выступлений и ему не продлили контракт. И вместо того, чтобы сделать правильные выводы, как выражаются в России, он разобиделся, хлопнул дверью и вообще ушел из большой музыки. Должно быть, в глубине

души он надеялся, что все кинутся его уговаривать и умолять вернуться. Но никто, конечно же, не кинулся.

-Как все это по-детски!

-В Ване очень много детского. Что ты хочешь от музыканта! Дальше все пошло под гору. Он пил, опускался, обижался на человечество, жалел себя, думал о самоубийстве...

-Он сам тебе это рассказывал? – удивилась Анна.

-Что-то он, что-то Лиз, что-то мой приятель дьякон, который хорошо их обоих знает. Французы вообще-то не склонны ни откровенничать, ни сплетничать, вопреки тому, что мы читаем о них в романах. Они не вторгаются в чужую частную жизнь и оберегают свою. Короче, не знаю, чем бы закончилась для Вани эта история, если бы его не приняла Лиз в свои крепкие и надежные объятия.

-Они давно вместе?

-Лет пять или шесть.

-Мне показалось, с левой кистью у него что-то не так. Травма?

-Ты по-прежнему наблюдательна. Травма. Только не вполне обычная. Это случилось, когда он еще находился в глубоком пике, Лиз еще только возникла на горизонте. Чтобы подработать, он изредка давал концерты в окрестных городках, выступал как пианист, он очень прилично играет. И вот однажды он сел за рояль пьяный. Играл без нот, ну и оскандалился. Сбивался, забывал, короче, полностью провалился. Примерно на половине он прервал выступление, извинился, поехал домой и в ярости разбил себе обе руки камнем.

-Какой ужас! Сам?!

-Сам, сам. В наказание. По счастью, в это время его нашла Лиз, отвезла в больницу. С правой рукой все обошлось, а левой повезло немного меньше. Кость мизинца не так срослась.

-Он не может теперь играть?

-Может, но хуже. Впрочем, он уже не выступает.

-Господи! Встретить такого человека! И где? В деревне! Подобное, наверное, только во Франции возможно. Да у нас во всем Саратове с его миллионным населением такого не найти.

-Ну, Ваня и для Франции уникален. Хотя они талантливее нас, это очевидно.

-У них с Лиз есть дети?

-Общих нет, только от первых браков.

-Лиз была замужем? – удивилась Анна.

-И довольно долго. Она ушла от мужа ради Жана-Франсуа.

-Ее ребенок живет с ними?

-Нет, девочка осталась с отцом. Здесь дети лет с четырнадцати сами решают, с кем жить: с матерью или отцом.

-И дочь Лиз выбрала отца? Это так необычно!

-Наверное, девочка сочла уход матери предательством, не захотела его понять, не простила.

-Но Лиз все равно ушла.

-Любовь, Нютка, представь себе.

-Не представляю. Получается, что Лиз Жану-Франсуа и мать, и сестра, и жена?

-И друг. Она сильнее характером.

-Думаю, ей трудно с ним.

-Непросто, - согласился Норов.

-А он?... Он ее любит, как по-твоему?

-Скорее, он ей благодарен. С ней он чувствует себя защищенным. Она считает его великим музыкантом, искренне им восхищается.

Некоторое время Анна молчала, обдумывая услышанное.

-А чем акустическая музыка, ну та, которую сочиняет Жан-Франсуа, отличается от обычной?

- Хотел бы я тебе объяснить! У меня есть его записи, довольно много, при желании сможешь послушать. Представь, сначала звучит орган, затем врывается шум улицы, грохот мотоцикла, визг тормозов, какое-то пронзительное хрюканье, кажется, что хворостиной гоняют свинью. Потом раздаётся хоровое пение... в таком роде... Не то чтобы совсем железом по стеклу, но очень похоже. Моего терпения хватает на две минуты.

-Андеграунд?

-Чтобы не употреблять нецензурных слов, пусть будет андеграунд.

* * *

Радиостанция в машине Норова играла классическую музыку.

-Какая красивая мелодия! – восхитилась Анна.

-Это увертюра к «Кориолану».

-А кто композитор?

-Бетховен, конечно. Эх, черт! Надо было сказать, что я.

-Ты так хорошо разбираешься в музыке!

-Совсем не разбираюсь. Просто это одна из самых известных вещей, можно сказать, шлягер.

Они въехали на пригорок; с одной стороны дороги тянулся лес, с другой виднелся дом с большим участком, на котором за тонкой проволочной оградой паслись две лошади и овца, заросшая длинной грязной шерстью так, что не было видно ног. Овца подняла голову и с любопытством уставилась на машину.

-Какая забавная! – улыбнулась Анна.- А почему ее не стригут?

-Да они и сами не очень стригутся, ты же видела.

-Но ведь ей, наверное, тяжело двигаться?

-Ничуть. Это французская овца – немытая, но жизнерадостная. А лошади, чувствуется, наши, русские, смотри, какие понурые.

-У нее и правда добродушное лицо!

-У овец – морда.

-А у этой – лицо! Она очень симпатичная. Признайся, а Жана-Франсуа и Лиз ты тоже подкармливаешь? – вдруг без всякого перехода спросила Анна.

-Что значит, подкармливаю?

-Даешь им денег? Только скажи честно.

Норов помялся.

-Почему ты так решила?

-Уж очень Лиз перепугалась, когда ты принялся ругать благотворительность. К тому же я знаю тебя. Что бы ты ни говорил, ты не можешь не раздавать другим. Ты будешь это делать, даже когда у тебя ничего не останется.

-Ну, я действительно, подбрасываю им кое-что время от времени. Делаю подарки, выдаю бонусы, но немного... - Норов говорил виновато, будто его уличили в глупом проступке.- Правда, немного.

-Золотые сережки Лиз ты подарил?

-С чего ты взяла?

-Потому что я знаю твой вкус. Сколько я таких сережек для твоих подарков в свое время заказывала у Юры, ювелира! И кольцо тоже? И подвеску? А часы у Жана-Франсуа на руке? Очень красивые, совершенно не вяжутся с его потрепанным прикидом.

-Часы, между прочим, совсем не дорогие.

-Недорогие ты бы не стал покупать! Значит, ты им даешь деньги, делаешь подарки, платишь, наверное, вдвое...

-Да нет же!

-Сколько ты им заплатил за дом?

-Какая разница?

-Просто любопытно. Это коммерческая тайна?

-Ну, две сотни.

-Сколько?!

-За пять лет вперед.

-По сорок тысяч за год?! За пять лет?! Ты шутишь?! Они тебя об этом попросили?

-Да нет... я сам предложил... У них были финансовые проблемы, мне стало их жалко...

-С ума сойти! Во-первых, за такие деньги наверняка можно купить собственный дом. Во-вторых, если ты платишь за пять лет вперед, хотя бы получи скидку!

-Я же хотел помочь им, а не нажиться, - проворчал он.

Анна покачала головой.

-Это не у меня – «снег всегда», а у тебя! - с осуждением заметила она.- Между прочим, Жан-Франсуа мог бы вести себя с тобой и повежливее, с учетом всего, что ты для них сделал.

Норов усмехнулся.

-Французы учтивы, но благодарности от них не жди, я имею в виду искренней, а не потока вежливых фраз. Для этого они слишком самодовольны, каждый мнит себя мэтром. Когда им что-то перепадает, они решают, что их наконец-то оценили по заслугам. К тому, кто им дает, уважения они не испытывают, думают, что ему просто деньги некуда девать.

-Я уже заметила это по репликам Жана-Франсуа. А знаешь, в этом они очень похожи на нас.

-Разве что в этом. В целом, они гораздо симпатичнее: отзывчивее, приветливее, вежливее, терпеливее. Очень легкие в общении и жизни. Мы совсем иные.

-Может быть, в нас сказывается лишь неумение себя вести? Мне кажется, в русских очень много красивого.

-Например, у них бывают глаза круглые.

-Я серьезно! – засмеялась Анна.

* * *

Ля Рок, куда Норов привез Анну, был небольшим средневековым городком, популярным у туристов, с замечательной рыночной площадью четырнадцатого века. Выстроенная в форме правильного прямоугольника, с большим каменным колодцем под навесом посередине, она была заново вымощена серым гладким булыжником. Вокруг нее стояли деревья со скамейками под ними. Каждый вечер здесь собиралось местное население: на дорожках бегали и играли дети; куря самокрутки, громко спорили на скамейке трое здешних алкашей, совсем опустившихся, но мирных, а у их ног дремали две облезлые большие собаки. Когда солнце садилось, включали прожектора, дающие снизу разноцветную причудливую подсветку.

С четырех сторон площадь окружали двухэтажные каменные дома с просторными крытыми аркадами и колоннами; в первых этажах располагались кафе и ресторанчики. Вечер был теплым, солнечным, и на каждой террасе сидело по несколько посетителей. Норов и Анна сели в угловом ресторанчике, - он был понаряднее прочих: возле столов красовались переносные подставки с цветами; на деревянных, удобных стульях лежали подушки и пледы. На черной доске у входа были написаны мелом названия предлагавшихся десертов, которые тут подавались вечером, помимо напитков, - большая редкость для деревенских кафе.

Норов заказал бокал красного местного вина себе и розового, помягче, - Анне; от десертов она отказалась. Укрыв пледом ноги, зажмурившись и запрокинув к солнцу бледное красивое лицо, она молча наслаждалась теплом.

-Можно я возьму твой плед? – попросила она, открывая глаза.

-Конечно, мне он все равно ни к чему. Тебе холодно?

Она укуталась пледом поверх пуховика.

-Знобит немного, должно быть, после перелета,- с виноватой улыбкой ответила она. - Почти восемнадцать часов в дороге! Из Саратова в Москву, потом во Франкфурт, из Франкфурта – в Тулузу. Да и не выпалась.

Она выглядела утомленной; легкий макияж не скрывал теней под большими глазами.

-Хочешь, вернемся?

-Нет, нет! Тут так хорошо! Тепло.

-Март. Термометр в машине показывал шестнадцать, а когда ты прилетела, было двадцать.

-Двадцать градусов! С ума сойти. А у нас ночью минус десять...

Из кафе вышел невысокий блондин лет тридцати пяти, в узких черных брюках, цветном жилете и щегольском бордовом шарфе, завязанном вокруг горла. Сощурившись на солнце, он огляделся, увидел Норова с Анной и подошел:

-Salut Paul! Ca va?

-Merci, Daniel, pas mal. Анна, это Даниэль, Даниэль это Анна.

Последовал обмен приветствиями.

-Впервые у нас? – спросил Даниэль.

Анна кивнула:

-Сегодня прилетела.

-Нравится?

-Очень.

-Сегодня – хороший денек, вам повезло. Profitez. (Пользуйтесь). Не хотите попробовать профитроли? Рекомендую. Наш кондитер ими гордится.

-У вас тут свой кондитер?

-И очень хороший.

-С ума сойти!

-Принести?

-Спасибо, может быть, позже.

Даниэль вежливо улыбнулся и вновь скрылся в помещении.

-Владелец? – спросила Анна. - Вид хозяйский.

-Даниэль Кузинье. Вообще-то салон принадлежит его жене, мадам Кузинье. Он – скорее при ней.

-Он сам обслуживает посетителей?

-Ну да. Есть еще сменная официантка, которая принимала у нас заказ.

-У нас владелец нипочем не стал бы сам обслуживать. Нанял бы официантку или даже двух...

-И еще бармена. И, конечно, уборщицу-таджичку, потому что не будут же бармен и официанты мыть туалет. Всем им он бы стал зажимать зарплату, бармен и официанты принялись бы воровать, а таджичка – разводить грязь. В результате заведение закрылось бы через полгода из-за убытков, не заплатив положенной аренды. А называлось бы оно «Элит».

-Или «Версаль»,- улыбаясь, добавила Анна.- «Версаль» у нас тоже очень популярен.

-Март - мой любимый месяц. В апреле тут гораздо хуже, дожди. Январь тут тоже хорош, но прохладнее. Летом аборигены устают от жары и туристов, а зимой и весной они очень милы: оживают, наряжаются. Ярмарки, фестивали, концерты, - празднично.

-Ты что-нибудь читаешь?

-О, много! Раньше не хватало времени, зато последние годы наверстывал с жадностью.

-Философию?

-Не для моего ума. Не понимаю абстракций,- скучно, холодно. В основном, историю.

-Русскую?

-Русскую в первую очередь.

-И какое впечатление?

-Слишком много зверства. Гордые красивые страницы тоже есть, но как их мало! Мне хотелось понять, как мы оказались в такой яме.

-И как же мы в ней оказались?

-Ну, если в двух словах, то мы из нее и не вылезали. Как свалились в нее тысячу с лишним лет назад, так и сидим. Начали с рабства у полукочевых хазарских орд, а заканчиваем сырьевым придатком Китая. Ничего достойного, по большому счету, не изобрели, кроме мата. Тысячу лет распродавали свои природные ресурсы, вырубали леса, уничтожали зверье, поганили землю. Убивали друг друга, обманывали, продавали. Вот, собственно, общий смысл нашей героической истории. Грустно и больно.

-Но ведь сколько нам приходилось защищаться! На нас нападали!

-Никакие враги не причинили нам столько зла, сколько мы сами. Давай сменим тему.

-Давай. Русскую – на русскую. С кем в прошлом году ты здесь подрался?

-Да ни с кем я не дрался! Это все Ваня придумывает. Французы – известные фантазеры.

-Попробуем иначе,- улыбнулась она.- Расскажи, с кем ты не дрался?

-Да нечего рассказывать...

У Анны зазвонил телефон.

-Да. Добрый вечер, - в ее круглых глазах отразилось веселое недоумение. - Действительно не ожидала... Спасибо за приглашение, сейчас узнаю.

-Это – Ляля,- пояснила она Норову. – Она спрашивает, не хотим ли мы вместе пообедать. Они заказали стол в каком-то ресторане поблизости.

Норов решительно замотал головой.

-Прошу прощения, но сегодня, наверное, не получится. Мне тоже жаль. В другой раз – обязательно. Что? Ой, даже не знаю. Секунду. Мы где находимся? – обратилась она к Норову.

-В Ля Рок.

-Мы в Ля-Рок,- повторила Анна в трубку.- О, чудесное место, тихое, красивое. Сидим в кафе на площади. Народу мало, тепло, солнце...

профитон, как говорят французы. Хочу сказать, наслаждаемся жизнью. Во множественном числе первого лица. Спасибо. Вам тоже - хорошо провести время. Потом расскажете.

-Только обедов с ними не хватало!- добродушно проворчал Норов, когда она закончила разговор.- Для того я сбегаю из России, чтобы здесь коротать время с Лялей и пузатым чиновником Вовой.

-Она младше меня почти в два раза и называет меня на «ты», а мне неловко отвечать ей тем же,- с улыбкой посетовала Анна.- Не могу себя заставить, стараюсь избегать обращений.

-Забудь о них. Надеюсь, мы их больше не увидим.

-Уже забыла. Так как ты оказался в полиции?

-Ну вот, опять! Кстати, не в полиции, а в жандармерии...

-Пусть в жандармерии.

-Да глупая история... Возвращался я как-то домой в прошлом году весной из соседнего городишки. Сворачиваю на кольцо, а скорость у меня, надо сказать, была приличная, километров под восемьдесят. Прямо на въезде – поперек дороги стоит машина, а в ней интересная дама, из тех, которые любят припарковаться в самом подходящем месте. Тачка, между прочим, модная, купе, то есть, сразу понятно, что гражданке позволено больше, чем всякой деревенщине, вроде меня, который рассекает на драндулете. Перед тачкой, изящно отклячив зад в черных кожаных штанах, расположился некий... ну, как его назвать приличным словом?... Ладно, пусть будет байкер, а рядом торчит его мотоцикл. Парень наклонился к дамочкиному окошку в позе, оскорбляющей эстетические чувства каждого проезжающего, и премило с ней любезничает. Объехать их очень трудно. Я чуть не вылетел на обочину. Притормозил, посигналил. Они перестали болтать, обернулись, смотрят. Опускаю стекло, спрашиваю: ребята, может быть, вы куда-нибудь сдвинетесь? Красавец тянет мне в ответ средний палец, представляешь? Типа, отсоси. Что прикажешь мне делать? Отсосать? Я аккуратно паркуюсь, вылезая, подхожу. Он повыше меня сантиметров на пятнадцать, лет сорока, брюнет, подтянутый, смазливый, дерзкий, в общем, французский француз. Из Франции. Мне, между нами, такие даже нравятся,

только не в жизни, а во французских кино, там у них и впрямь все отсасывают. Шлем он при этом подмышкой держит!

-По-твоему, это особая наглость?

-Особая глупость! Нарывается, а у самого руки заняты!

-И ты его ударил?!

-А ты бы не ударила?

-Нет, конечно!

-Ну ты кремень! А я, грешник, не выдержал соблазна. Шмякнул разок с правой, не так, чтобы очень сильно, но доходчиво. У него коленки подогнулись, он сразу поскучнел, шлем обронил и присел на асфальт возле дамочкиной тачки. Она взвизгнула в ужасе, рот раскрыла, уставилась на меня и молчит. Не знает, на помощь звать или под сиденье прятаться от такого бандита. Красивая, к слову, девушка. Я вежливо приношу ей извинения за то, что пришлось прервать их беседу, выражаю надежду, что ее друг скоро очухается, желаю приятного вечера и отбываю. Доезжаю до своего поворота к дому, а там – батюшки-светы! Жандармы! Ваши документы!

-Девушка вызвала полицию?

-Да не она, вот ведь что самое смешное! Оказывается, какая-то старая дурища ехала мимо, увидела, как я этого, с позволения сказать, байкера убеждаю быть скромнее, и позвонила жандармам. И главное - запомнила мой номер! Жандармами командует такой надутый французище: важный, мордастый, в фуражке, в круглых очках, два передних зуба у него вперед торчат, - как говорится, некому выбить. Я уже потом узнал, что его фамилия Лансак. Подле него суетится маленький, чернявый парнишка, услужливый, видно помощник. От этого помощника, кстати, разит, как от винной бочки. И вот надутый Лансак проверяет мое удостоверение, пытается прочесть вслух мою простую русскую фамилию и спотыкается, будто я не Норов, а Зазвездухватуллин. Я терпеливо молчу.

-Ты очень терпелив! – невольно улыбнулась Анна.

-Терпение – мое второе имя. Он спрашивает: «У вас был инцидент на дороге?». - «Какой инцидент?». - «Вы дрались?». - «С кем?». - «Прошу вас следовать за нами».

-И тебя везут в полицию?

-В жандармерию. Приезжаем всей компанией; жандармерия – одно название, обычный барак, пара комнат. Лансак садится за стол, я - напротив, начинается тягомотина: кто, откуда, чем занимаетесь, где проживаете, куда ехали, зачем? И вдруг дверь открывается, появляется тот самый красавчик в коже, щека у него малость опухла, но в целом вид вполне презентабельный, настоящий герой-любовник. Не глядя на меня, обращается непосредственно к Лансаку и так несколько свысока: «Месье, меня остановили жандармы, сообщили, будто поймали какого-то хулигана, который на меня напал. Должен сообщить, что вас напрасно побеспокоили, никто на меня не нападал.» Сует ему свои документы, Лансак прочитал, и в нем как-то сразу появилась такая французская почтительность, которую по отношению ко мне он не испытывал вовсе. Он даже привстал! «Месье, при всем уважении, нам звонила дама... Она уверяет, что была свидетельницей...». Красавчик ему договорить не дал: «Она все перепутала! Вероятно, это был кто-то другой, не я». «Но у вас щека, месье...» Красавец опять обрывает: «У меня с утра флюс. А этот мелкий господин, случайно не тот самый хулиган, который терроризирует людей? Я его впервые вижу.» Я чуть ему в глаз не засветил прямо в участке! «Месье»,- говорю, сдерживаясь. - У вас все в порядке со зрением? Кто тут мелкий?». В общем, поскольку пострадавших нет, то Лансак меня отпускает, хотя и с большой неохотой.

-Смотри, какой благородный тот француз на мотоцикле! Настоящий мушкетер!

-Очки пусть носит, мушкетер! А то мелкого от огромного не отличает! Выхожу на улицу, он уже на свой мотоцикл залезает. У него, кстати, новый «харлей», в этих краях «харлей» – такая же редкость, как ты со своими глазищами. Тут много байкеров, но они все чаще на каких-то подержанных горшках гоняют. Я ему, вежливо: «Месье, приношу вам свои извинения. Бываю резок». Он холодно мне поклонился, дал газу и уехал.

-И все?!

-А что еще?

-Ну и приключение! Какой ты все-таки...

-Какой? Огромный?

-Да ну тебя! Умный человек, а в драку лезешь!

-Насчет ума не знаю. А характер – дурацкий, это ты точно подметила.

Глава третья

* * *

Спортивный автомобиль морковного цвета вынырнул из-за угла и уверенно остановился прямо напротив кафе, где не было парковки. Из машины появилась импозантная молодая женщина, в короткой юбке, черных колготках, туфлях и облегающем джемпере черного цвета, с темно-красными розами; в бусах и бижутерии.

-Какая элегантная! – заметила Анна.

-Клотильда, хозяйка этого кафе,- сказал Норов.

Даниэль уже стоял в дверях, издали улыбаясь жене, но Клотильда, заметив Норова с Анной, махнула ему рукой и свернула к ним.

-Поль! – весело воскликнула она.- Как приятно тебя видеть!

Норов поднялся, они по французскому обычаю дважды потерлись щеками. Норов поцеловал ее еще раз.

-Trois fois, a la russe,- сказал он. (Трижды, по-русски).

Она засмеялась и поцеловала его в ответ. У нее были синие яркие веселые глаза с черными зрачками.

-Кстати, в России целуются в губы,- сказал Норов.- Особенно с красивыми женщинами.

-Но что скажет на это твоя дама!

-Познакомься, это – Анна.

Клотильда протянула Анне руку.

-Очень приятно, меня зовут Клотильда, можно просто Кло. Вы очень красивы, Анна!

Она произнесла это с той искренностью, которую может позволить себе только уверенная в себе женщина. Анна улыбнулась.

-Благодарю, вы преувеличиваете.

-Ничего подобного! Это – русская красота, Польша?

-Штучная работа,- ответил Норов.- Как у вас говорят, артизаналь. Индивидуальный заказ.

Клотильда опять засмеялась.

-Здесь русских не увидишь, - сказала она Анне.- Много испанцев, поляков, англичан...

-Даже французы встречаются, - вставил Норов.- Реже, конечно, чем арабы, но еще не вывелись.

Она шутливо погрозила ему пальцем.

-А почему вы ничего не едите? – спросила она, взглянув на их стол. – Попробуйте десерты, у нас хороший кондитер. Польша, закажи Анне «Париж - Брест», я тебя прошу! Вы впервые в наших краях, Анна? Тут есть что посмотреть. В Альби уже были?

-Я только сегодня приехала.

-Надолго?

-На неделю.

-Вполне достаточно, чтобы увидеть главное.

-Если не объявят карантин,- вставил Даниэль.

Не утерпев, он подошел к их столу, но остался стоять, тогда как Клотильда присела на стул.

-Объявят, увы,- со вздохом подтвердила Клотильда.- Сегодня вечером президент это сделает. Папа говорит, что вопрос решенный.

Она закатила накрашенные глаза, выражая свое неудовольствие.

-Плохо для бизнеса? – спросил Норов.

-Ничего хорошего.

-У нас два ресторана, туристический сезон на носу, а тут – карантин! – ворчливо подхватил Даниэль. – Мы еще собираемся открыть новый спортивный клуб, в коммерческой зоне, на другой стороне от «Леклерка», видел афишу? Сняли помещение, заканчиваем ремонт и вдруг – такой сюрприз! Это же чистый убыток! И никто не знает, насколько это затянется!

-Папа говорит, на пару месяцев,- сказала Клотильда.- Но это, конечно, предварительно. Я сегодня звонила Жану-Франсуа, чтобы пригласить их с Лиз на день рождения Мелиссы. Он сказал, что Лиз волнуется из-за карантина. Она вечно переживает за свои кредиты.

-Может быть, обойдется? – сочувственно заметила Анна.

-Уже нет! - Клотильда поднялась и посмотрела на изящные золотые часы на запястье.- Скоро президент будет выступать. Придете смотреть?

* * *

-Интересная женщина, - сказала Анна.- И чувствуется, с характером. Она знает Жана-Франсуа и Лиз?

-Немного,- улыбнулся Норов.

-Почему у тебя такой хитрый вид?

-Лукавый. Могу разыграть, но хитрить не люблю.

-Извини. Так почему у тебя лукавый вид?

-Потому что это и есть первая жена Жана-Франсуа.

-Клотильда?!

-Угу. Мелисса – их общая дочь. Клотильда во всей округе – первая звезда, не уверен, правда, что счастливая. Думаю, ей, с ее характером, деревенская жизнь дается непросто.

-Ее действительно легче в Париже представить, чем здесь. Даниэль рядом с ней совсем сдувается. Любопытно, она сознательно выбирает себе слабых мужей или так получается?

-Бремя сильных женщин. Им нравятся сильные мужчины, но жить они могут только со слабыми.

-Представляю, каким тяжелым был для Жана-Франсуа развод! Должно быть, ужасно больно, когда бросает такая женщина.

-Когда женщина бросает, это всегда больно. Дело не в ее внешности, а в том, любил ли ты ее.

-Разве тебя бросали женщины? – спросила она с веселым удивлением.

-У них при разводе, помимо моральных проблем, возникли еще и материальные, - игнорируя ее вопрос, сказал Норов.

-Совместное имущество?

-Да. Они жили в доме, купленном на деньги родителей; основную часть, понятно, дал отец Клотильды, он, как ты уже догадалась, человек состоятельный, но и Ванины тоже вкладывались. При разводе дом достался Клотильде; здесь суд всегда на стороне женщины. Собственно, Ваня не особенно и упирался, ему тогда было не до имущества. Клотильда выставила дом на продажу, но покупателей все не находилось, и практичная Лиз, с которой Ваня уже сошелся, убедила ее повременить. Лиз с отцом переделали дом в жит и сейчас сдают его туристам. Львиную долю отдают Клотильде, но что-то и им остается.

-Знаешь, а на мой взгляд, Клотильда гораздо больше подходит Жану-Франсуа, чем Лиз. Да и он ей – больше, чем Даниэль.

-Они росли вместе. Их отцы вместе учились в университете, до сих пор дружат, только отец Ванюши – восторженный левак, идеалист, бессеребренник, а папаша Клотильды – из богатой буржуазии. У него бизнес в Тулузе и в Альби, он очень влиятелен в местных политических кругах.

-Тоже левый?

-Нет, конечно! Он – из правых. Солидный консерватор, без крайностей, очень корректный, хотя в делах по-французски жесткий, своего не упустит. Клотильда меня как-то с ним знакомила. Она - единственная дочь, отец в ней души не чаял, сейчас у него внучка – любимица.

-Клотильда любила Жана-Франсуа, как думаешь?

-Думаю, была влюблена. Я различаю эти понятия; влюбиться можно и в актера на экране, а полюбить – это другое. Ваня был подающим большие

надежды музыкантом; красивый, обаятельный, длинноволосый, можно сказать, вылитый Шопен. Кло верила, что его ждет мировая слава. Ну а потом выяснилось, что Ваня – все же не Шопен. Быть женой неудачника Клотильда просто не могла, не ее стиль. У нее приключился роман, потом еще один, в результате Ване пришлось пойти лесом, а она помчалась куда-то дальше на своей модной тачке, проездом подцепив Даниэля.

-А где их второй ресторан?

-В Броз-сюр-Тарне, тот поглавнее.

-Успешный?

-Трудно сказать. Тут ведь окупаемость иначе рассчитывается, чем у нас. Если вложенные деньги за десять лет возвращаются, - уже хорошо. В Альби у нее - художественная галерея, выставляет здешних художников и скульпторов, но это, кажется, больше для души, чем для наживы. Но я не особенно в ее дела вникаю. Про то, что они с Даниэлем спортивный клуб открывают, я, например, впервые слышу.

-А у тебя с ней ничего не было? – вдруг спросила Анна.

-С чего ты взяла? – удивился Норов.- Нет, конечно!

-Правда? Раньше ты бы ни за что не пропустил такую женщину!

-Перестань, я уже много лет живу анахоретом. Кроме того, Ваня – мой друг. Как говорят евреи, есть же какие-то вещи!

-Никогда не переступаешь через свои принципы? – улыбнулась Анна.

-Бывает, - признался Норов.- Но всегда об этом жалею.

Она посмотрела ему в глаза.

-Ты говоришь о нашем случае?

Он смутился неожиданным вопросом.

-Черт, Нюта, какая ты все-таки...

-Прямолинейная? Ты всегда говорил, что я – прямолинейная.

-Дочь офицера. Я ничуть не жалею, просто... - он замялся, не найдя нужного слова.

-Понятно,- кивнула Анна и сменила тему.

-В общем, Клотильда блистает, а несчастный брошенный ею Жан-Франсуа сидит, никому не нужный, в Кастельно библиотекарем...

-И его новая бедная жена вкалывает с утра до ночи, - с готовностью закончил Норов, уходя от трудного разговора.- Ква?

-Они с Клотильдой поддерживают дружеские отношения?

-Да, у них все вполне цивилизованно.

-С Даниэлем ей, должно быть, проще, чем с Жаном-Франсуа. Мелкий коммерсант, мальчик на побегушках, с ним все понятно.

-Хорошо, что тебе все понятно,- усмехнулся Норов.

-На что ты намекаешь?

-Девине, как говорят французы. Угадай со второго раза.

-У тебя опять хитрый вид... Лукавый, извини... Постой! У нее любовь? Роман на стороне?

-Браво! Ты всегда была очень сообразительной, хотя и прямолинейной.

-С кем же?

-А ты взгляни на ее машину. Ничего не замечаешь?

Анна принялась изучать морковный «ауди».

-Цвет необычный, – задумчиво проговорила она.- Ты имеешь в виду, дорогая?

-Даю одну подсказку, тонкую. Это – седан?

-Нет, купе. И что из этого?

-Не улавливаешь? Вторая подсказка, очень толстая. В какой тачке была дамочка, из-за которой красавец на дороге получил в репу?

-Купе! – воскликнула Анна. – Ну, конечно! Это была Клотильда? Клотильда?!

Норов рассмеялся, не отвечая.

-Ну и ну! – Анна не могла прийти в себя. Ее круглые ясные глаза блестели, как блюдца.

-Я ее в то время еще не знал, хотя много слышал о ней от Ванюши, да и в это кафе уже наведывался. Познакомились мы с ней только прошлой осенью, к тому происшествию никогда не возвращались, хотя, конечно, сразу друг друга узнали. У нас с ней подобие дружбы,- нас связывает общая тайна.

-А кто избитый избранник?

-Понятия не имею. Я с тех самых пор его не видел, а ее, разумеется, не спрашивал.

-Так вот почему он не стал заявлять в полицию! Не хотел, чтобы узнали, с кем он встречался! Может быть, он и сам женат?...

-Не исключено.

-Ты рассказывал об этом Жану-Франсуа?

-Ну конечно нет!

* * *

На площадь плавно вкатился громоздкий серебристый «мерседес», проехал мимо Норова и Анны, притормозил на углу, сдал назад, поискал свободное место, не нашел и по-русски остановился прямо посреди дороги, перекрыв движение. Открылась дверь и показалась нарядная как для вечернего выхода Ляля.

-Привет! – крикнула она Норову и Анне, как старым знакомым. - А мы – за вами!

На Ляле было длинное черное замшевое пальто, из-под которого выглядывало черное короткое вечернее платье, с блестками на груди. Она была в ярком макияже, в ее ушах сверкали бриллианты, а на руках - кольца и браслет с камнями. Владимир тоже сменил молодежный джемпер на темно-синий клубный пиджак с золотыми пуговицами; он был в светлой рубашке, без галстука и выглядел вполне достойно.

Клиенты Даниэля и посетители соседних кафе посматривали на прибывших с любопытством, - таких важных и нарядных людей в их тихом городке можно было встретить совсем не часто.

-Хотим взять вас с собой! – продолжала Ляля.

Анна бросила вопросительный взгляд на Норова. Он скривился и незаметно помотал головой.

-Спасибо, но сегодня вряд ли получится. Я же предупредила по телефону... К тому же вы вон какие нарядные, а мы не одеты.

Владимир вразвалку приблизился к их столу и опустился на свободный стул.

-Хочешь, я тебе свой пиджак отдам? – весело предложил он Норову.- С Лялькой в придачу? А то на нее денег не напасешься. Поехали, Паш, хоть вмажем по-человечески. У нас столик заказан, в Шато Салет. Знаешь Салет? Тут, недалеко. Мы уж в дороге были, как Лялька говорит, давай ребят позовем, веселее будет. Звякнула вам, а вы – в отказ. Ну, она же упорная. Вы сказали, что в Ля-Роке сидите, она глянула по навигатору, а тут рукой подать! Считай, по дороге. Мы и завернули.

-Тут все рядом,- кисло согласился Норов.

-После Москвы здесь гонять - одно удовольствие: ни пробок, ни перекрытий, втопил сотку и вперед!

-В Москве – не так? – вежливо поинтересовалась Анна.

-В Москве я за руль редко сажусь. У меня там водитель.

-Да, поехали! – настаивала Ляля.- В Салете – нормальный ресторан, известный, его мишленовский гид рекомендует. Чего вам здесь торчать, в забегаловке?

-Тут тоже ничего, - снисходительно вступился за заведение Владимир.- Народ даже какой-то сидит. Просто там – ресторан, нормально покушать можно, а тут че? Только вмазать.

-Мы не ужинаем так поздно,- сказала Анна.- Извините.

-Фигуру бережете? – Владимир машинально ущипнул себя за толстую складку сбоку и вздохнул.

-Но один-то разок можно диету нарушить! - уговаривала Ляля.

-Как говорится, один раз – не пидарас,- добавил Владимир и первым засмеялся.

-Выпейте с нами по бокалу, - предложила Анна.- За встречу.

Владимир взглянул на массивные золотые часы.

-В принципе, можно, - согласился он.

Ляля вслед за ним посмотрела на свои часы, золотые с бриллиантами.

-Поехали, Вов, а то опоздаем! Меня здесь не вставляет.

-Не суетись.

Владимир потянул ее за рукав, и она нехотя опустилась на стул, подобрав полы пальто так, чтобы они не касались земли. Подошел Даниэль и поздоровался с особой церемонностью. Очевидно, и вид новых гостей, и их транспорт произвели на него впечатление.

-Спик инглиш? – спросил его Владимир.

-Un petit peu, – улыбнулся Даниэль.- Э литл бит.

Произношение у него было примерно такое же, как у Владимира.

-Вот тоже, балбес, блин, в кафе работает, а английского не знает! – ворчливо заметил Владимир Норову.

-Скажи по-русски, я переведу.

-Да коньячка, наверное, хлопну для аппетита, какой тут самый лучший?
А Ляльке – бокал вина.

-Шампанского, - уточнила Ляля и, посмотрев на Даниэля, добавила:-
Шампань.

Даниэль вопросительно посмотрел на Норова, тот перевел. Даниэль ответил, что вообще-то в их кафе шампанское по бокалам не наливают, - нужно брать бутылку целиком, но для друзей Норова он откроет.

-Только пусть полусладкое принесет!- спохватилась Ляля.- Деми-сюкре,
- пояснила она Даниэлю.

-У нас только сухое,- развел руками Даниэль.

-Во колхозаны, блин!- вздохнула Ляля.- Ну, ладно пусть несет, какое есть. Брют, брют,- покивала она Даниэлю.

-Мы, кстати, толком не познакомились,- сказал Владимир, когда Даниэль отошел.

Он достал из модной барсетки дорогое портмоне и протянул Норову визитную карточку на плотной глянцевой бумаге с триколором в углу. «Брыкин Владимир Ильич»,- было напечатано крупным шрифтом. - «Депутат Государственной Думы Российской Федерации». И еще ниже: «Доктор экономических наук».

Норов взглянул на нее, кивнул и небрежно сунул карточку в карман. Брыкин, наверное, ожидал другой реакции и насупился, отчего его неприветливое лицо сделалось еще непригляднее.

-У меня самого нет визитной карточки,- сказал Норов.- Я в настоящее время нигде не работаю, ничем не занимаюсь.

Брыкин сначала удивленно приподнял брови, затем, прищурившись, оценивающе посмотрел на Норова.

-Отошел от дел? – с доверительной фамильярностью спросил он.

-Вроде того,- сдержанно подтвердил Норов.

-Ясно, - понимающе усмехнулся Брыкин.

Видимо, он принял Норова за бывшего бандита или беглого бизнесмена, скрывающегося от российского правосудия.

* * *

Даниэль принес им напитки и пожелал приятного вечера.

-Ваше здоровье! - сказал Брыкин, чокаясь со всеми.- Будем!

Ляля отпила вина и поморщилась.

-Не люблю сухое. Кислятина. Может, хоть в Салете будет сладкое? Жером говорил, там нормально кормят. Жером Камарк, - пояснила она Норову и Анне. - Который нам шато продает. Мы сегодня там с ним обедаем.

-Слышал о нем? – спросил Брыкин Норова.

-Нет,- ответил Норов.- А должен?

-Он - маркиз!- воскликнула Ляля.- Самый настоящий. Прямо, в полный рост!

-Разве во Франции еще существуют титулы? – удивилась Анна.

-Официально – нет, их давно отменили, но все предки у него маркизами были,- уважительно пояснил Брыкин. – Он мне свою родословную показывал. Читать умучишься! Там все без дураков.

-Он чуть ли не сто сорок восьмой маркиз! – не утерпев, прибавила Ляля.

-Аж с одиннадцатого века, - подтвердил Брыкин. – Мать у него председатель какой-то комиссии... по историческому наследию что ли? Или как там она называется?...- Он посмотрел на Лялю, но та тоже не помнила. - В общем, что-то с дворянством связано. Папаша, правда, помер уже. Он тут самый знатный.

-Во Франции? – глаза Анны недоверчиво округлились.

-Ну, за всю Францию говорить не буду, но в Окситании - точно.

-У него свой родовой замок в Дордони! – было заметно, что Лялю восхищает знатность их нового знакомого. – Шато Камарк. Туда туристов водят, экскурсии устраивают, про его предков рассказывают, кто с кем воевал... Если сайт Дордони открыть, он сразу выпадает. Старинный замок, еще фиг знает когда его строили, при царе Горохе. Сам он там, правда, не живет, его брат всем этим бизнесом заправляет. Там тоже ресторан есть, но чисто так, - для туристов. А сам замок - офигенный, я фотки видела! Стены такие каменные, башни, бойницы, все дела. Жером обещал нас туда свозить. Мы бы его купили, но он его не продает.

-Да там и цена была бы космос! – хмыкнул Брыкин. – Замучишься после налоги платить. То, что мы сейчас берем, – лучше.

-Жером в Париже живет, - продолжала Ляля.- Элитной недвижимостью занимается.

-Не интересуешься, кстати? – деловито спросил Брыкин Норова.

Тот покачал головой.

-Он не только во Франции работает, а по всему миру. Серьезный парень. Меня с ним надежные люди свели.

-Не интересуюсь,- повторил Норов.

-Ну, может, кому-то из друзей понадобится. У него в Париже офис, в Бордо, в Лионе, кажется. Ну и здесь в Альби.

* * *

Ляля оглянулась по сторонам, рассматривая посетителей.

-Какие все же французы – чушки! – с чувством заключила она.- Без слез не взглянешь!

-Да ладно тебе придирааться, - снисходительно заметил Брыкин.- В Москве тоже всякого сброду полно.

Деревенская публика, собравшаяся на площади, действительно, смотрелась не особенно презентабельно. Посетители ресторанчика, в котором они сидели, выглядели еще относительно прилично: тут цены были повыше; в других заведениях градус пристойности заметно снижался.

-Вон у той тетки жопа на стуле не помещается, а она лосины напялила! – Ляля кивнула на немолодую толстую даму, одетую с чрезмерной яркостью, сидевшую в соседнем кафе за столом с пожилым длинноволосым мужчиной неряшливого вида.

-А помнишь, нам гид в Версале рассказывал, что какой-то знаменитый король у них только два раза в жизни мылся? – усмехнулся Брыкин.- У него даже прозвище было «Вонючка».

-Я их сейчас сфоткаю! – объявила Ляля, доставая телефон.- У себя на сайте размещу, напишу: «Элегантные французы». Пусть наши посмеются.

Норов, который еще недавно сам нелестно характеризовал гигиенические привычки французов, слыша насмешливые реплики соотечественников, почувствовал себя обязанным заступиться.

-Не надо забывать, мы в маленькой деревне, а не в Париже. Вы представляете наших пейзажей где-нибудь в Похмелюгино, в кафе на

площади? В Похмелюгино вообще есть площадь? А в Малой Тухловке? А в какой из наших деревень есть такая площадь, как здесь?

-В Москве!- хмыкнул Брыкин.- Красная. Сколько тут, кстати, населения?

-Тысячи две-три, не больше.

-Всего-навсего?! На две тысячи – пять, нет шесть кафе! Это только тут, а, поди, за углом еще имеется! Ну нет, с нами не сравнить, согласен. Если это место взять по числу душ, то дыра-дырой, а вид такой... внушительный! Ляльк, сколько в твоём Похвистневе кафе? Одно хоть есть?

-Да там полно и кафе, и ресторанов! – отозвалась Ляля, задетая.- Правда, я там не была уж не знаю сколько.

-Похвистнево – это где? – спросила Анна.

-В Поволжье. Я родилась там. Между прочим, это - не деревня, а районный центр! Там тридцать тысяч живет, даже больше!

-Тридцать тысяч, по французским стандартам, – крупный город,- заметил Норов примирительно.

Брыкин допил коньяк и удовлетворенно заметил:

-Умеют делать враги, не отнимешь.

Он подмигнул Ляле.

-Скоро свой лить начнешь, а?

Ляля, несколько обиженная его неуважительным отзывом о таком известном центре культуры как Похвистнево, чуть оттаяла.

-Ну, коньяк-то не знаю, а вино планирую прям со следующего года запустить,- подтвердила она.

-С этим Жеромом можно любые дела мутить,- доверительно сообщил Брыкин Норову.- У него связи - на самом высоком уровне... Если из России, допустим, надо бабки аккуратно сюда отогнать или спецразрешения какие-нибудь получить, ну, ты понял, да?.. Замок, который я Ляльке беру, - вообще - эксклюзив, его в продажах не было. Никаких объявлений, никакой рекламы. Жером нам его, можно сказать, по блату устроил. Умер прежний

владелец, а наследнику срочно деньги понадобились, а он – приятель Жерома. За него вообще-то трешник хотели.

-Три миллиона двести тысяч! – уточнила Ляля.

-А он нам его за два с половиной сделал. Я ему двушку официально безналом загоняю, а пол-лимона кэшем, и все чисто. Двести уже отдал, авансом.

-И еще двести пятьдесят перевели, когда компроми де ван подписали,- добавила Ляля.- Почти пол-ляма отвалили. Но шато – закачаешься! На горе стоит, рядом часовня, внизу собственный парк, а дальше – виноградники!

Должно быть, только русские, с их врожденной убежденностью в том, что законы существуют для того, чтобы их нарушать, могут с такой удивительной легкостью обсуждать в малознакомой компании свои темные сделки.

* * *

Из кафе на улицу выглянула Клотильда.

-Поль, Анна!- позвала она.- Президент уже начал! Вы идете смотреть?

-Пойдем? – спросил Норов остальных.

Брыкин сморщил свой кривой нос.

-Да ну его на хер! Все равно я по-французски не понимаю. Поехали, Ляль!

-Я хотела бы послушать, - сказала Анна.- Вдруг границы закроют? Как тогда возвращаться?

-Да найдем способ, не бойся,- заверил Брыкин.- Не здесь же торчать. Ладно, пошли, глянем на минутку. Вдруг что-нибудь умноебрякнет ненароком. Паш, переведешь?

-Мы же опоздаем! – напомнила Ляля.- И так уже опоздали. Жерому ждать придется!

-Да пусть подождет,- отмахнулся Брыкин, поднимаясь. – Никуда не денется. За те бабки, что я ему вгружаю, может и подождать.

Похоже, он быстро менял решения; его нынешний тон не соответствовал той уважительности, с которой он еще недавно отзывался о знатности Камарка. Впрочем, деньги ставили его, нового русского, выше французского маркиза, поскольку он был покупателем, а тот – всего лишь продавцом.

-У них, кстати, принято опаздывать, верно? – Брыкин посмотрел на Норова.

-Пятнадцать минут – норма,- подтвердил тот.

-Я хотя бы ему позвоню,- недовольно сказала Ляля.

Она набрала номер.

-Жером, бонсуар, се муа. Ну сом э...как сказать, задержимся? – обратилась она к Анне.

-En retard, - подсказал Норов.

-А, да! Ан ретар, - повторила Ляля с русским выговором.

-Да ты дай человеку телефон, пусть он объяснит!- нетерпеливо посоветовал ей Брыкин, и, обращаясь к Норову, прибавил:- Скажи ему, мы скоро будем. Пусть пока заказывает, что хочет, на всех, по своему усмотрению.

Ляля, не споря, передала Норову телефон.

-Добрый вечер,- сказал Норов по-французски.- Я говорю по просьбе ваших друзей...

-Надеюсь, с ними ничего не случилось? – перебил его мужской голос.- У нас встреча.

-Они немного задерживаются, приносят вам свои извинения...

-Где они? – Жером Камарк разговаривал без обычной французской учтивости, не церемонясь.

-В Ля Рок.

-Где именно?

-В Ля Рок,- сухо повторил Норов.

Своей интонацией он давал понять, что тон собеседника ему не нравится. Но Жерома Камарка это явно не волновало.

-Скажите им, я сейчас буду. До скорого. – И он положил трубку.

-Что говорит? – поинтересовалась Ляля.

-Что он за вами приедет.

-Ну вот, заставил человека сюда тащиться! – упрекнула Ляля Брыкина.

-За такими клиентами как мы не грех и побегать,- отозвался Брыкин.- Пусть спасибо скажет, что я его не в Москву вызываю.

* * *

Возможность введения карантина будоражила Францию уже несколько дней. Перед выступлением президента весь вечер на всех каналах обсуждалось только это. Политические комментаторы, ученые, врачи и политики спорили о том, объявят ли жесткий режим с комендантским часом, как в Италии и Испании, или все же оставят некоторые послабления. Вновь и вновь приводились цифры заразившихся и уже умерших; сравнивалась статистика разных стран. Много говорилось об отсутствии масок и перчаток, - средств индивидуальной защиты, - и удручающем состоянии госпиталей; звучали сомнения в готовности национальной медицины к эпидемии. Редкие заявления скептиков о том, что китайский грипп вовсе не столь страшен, как им пугают, тонули в громком и нестройном хоре взволнованных и встревоженных голосов.

Ситуация осложнялась тем, что в субботу должны были состояться муниципальные выборы, которым французы придают большое значение и в которых они всегда активно участвуют. Высказывались опасения, что из-за эпидемии выборы могут перенести на лето. Последнее слово в этих бурных дискуссиях принадлежало президенту; страна с нетерпением ждала его решения.

В кафе над барной стойкой висел большой телевизор; когда четверо русских вошли внутрь, свободных мест поблизости от телевизора уже не оставалось. Даниэль сбегал на улицу, притащил для Норова и компании стол, который втиснул посреди зала между другими. Русские сели напротив монитора, а Даниэль вновь убежал за их напитками.

Молодой красивый президент Франции говорил о надвигающейся угрозе и необходимости защитить пожилых людей. Забота об их здоровье требовала, по его мнению, целого ряда серьезных мер. Он проникновенно смотрел в камеру синими глазами и произносил слова хорошо поставленным голосом, то возвышая его, то доверительно понижая.

Его рыжеватые слегка вьющиеся волосы были тщательно зачесаны на висках, где они редели; загорелое лицо, мастерски покрытое тональным кремом, не блестело от влаги; яркий синий галстук был завязан убедительным, крупным узлом; из под рукавов пиджака выглядывали белоснежные манжеты с тонкими запонками. Он напоминал Норову статиста, попавшего в театр благодаря слащавой внешности и старательно, но безуспешно разыгрывающего на сцене пылкого героя-любownika.

-За километр видно, что пидарас, - поморщившись, заметил Брыкин, уверенный в том, что французы вокруг его не понимают.- Не то что наш.

-Насколько жена его старше? – подхватила тему Ляля.- Лет на тридцать? Как называются те, кто со стариками живет? Не педофилы, а эти...- она наморщила лоб, пытаясь вспомнить.- Зоофилы, что ли?

-Геронтофилы,- подсказала Анна.

-Во-во! Бабуля его вечно в камеру лезет, короткие юбки таскает или джинсы в облипку, все молодится. Смотреть противно. Кому она нужна?

-Ну, может, охрана ее харит полегоньку,- рассудительно предположил Брыкин.- А почему нет? Там же арабы в основном, в охране-то, им какая разница? Деньги плати да подставляй, куда совать. Может, они и его заодно от геморроя лечат, а, Паш? Как думаешь?

Ляля рассмеялась. Клотильда, следившая за выступлением президента из-за стойки, с любопытством поглядывала на русских.

Президент говорил, что не считает возможным отменять выборы, ибо демократию он чтит превыше всего, – в этом месте его голос зазвучал патетические, и он твердо опустил на стол крепко сжатые руки с отполированными блестящими ногтями. Однако с понедельника во Франции вводится особый режим, - президент осторожно прижал правую руку к сердцу, вернее к темно-синему, отлично сшитому пиджаку.

-Тебе не кажется, что он репетирует свои выступления? – негромко спросила Анна Норова.- Слишком декламирует, будто стихи читает. Только руками как-то он невпопад двигает...

Норову действительно показалось, что президент перепутал жесты, лучше было бы проделать их в обратном порядке: прижать руку к сердцу, признаваясь в любви к демократии, и обозначить твердость в соблюдении особого режима.

...Все предприятия, кроме тех, что обеспечивали жизненные потребности населения, переводились на работу по удаленному доступу либо временно закрывались. Переставали с понедельника работать рестораны, бары, театры, спортивные центры, почти все магазины, кроме продовольственных. Пожилым гражданам не рекомендовалось выходить из дома, кроме как в случае крайней необходимости. Требовалось соблюдение дистанции при общении, ношение санитарных масок и частое употребление дезинфицирующих средств.

Это означало – карантин. Президент, правда, всячески избегал этого слова, предпочитая ему другое, более мягкое «confinement», но суть от этого не менялась.

-Ну че там? – поинтересовался Брыкин у Норова.

-Карантин,- ответил Норов.- Все закрывается.

-Звезда рулю! - заключил Брыкин.- Сваливать отсюда надо.

* * *

Норов услышал снаружи громкое тарахтение мотоцикла, повернул голову и через стеклянные двери увидел, как перед кафе остановился черный «Харли-Дэвидсон» с хромированными трубами. Высокий стройный мужчина в черной коже не спеша слез с мотоцикла, снял шлем и, держа его в руках, вошел в кафе.

-Салю,- небрежно произнес он всем.

У него были темные вьющиеся волосы, орлиный профиль, густые брови, ясно очерченный рот, подбородок с ямочкой и быстрый взгляд острых черных глаз. Он был красив той резкой подвижной красотой, которая характерна для юга Франции, где она граничит с Испанией.

-Жером! – просияв, воскликнула Клотильда, выходя к нему из-за стойки и раскрывая руки для объятий. – Какой приятный сюрприз! Я тебя не ждала!

-Бонжур! – произнесла Ляля, вставая и улыбаясь.

Клотильда бросила на нее удивленный взгляд. Камарк расцеловался сначала с ней, затем с Лялей, потом с Брыкиным. С Даниэлем он целоваться не стал, ограничившись снисходительным кивком.

-Почему ты не предупредил, что приедешь?- упрекнула его Клотильда.

-Не собирался. Я на минуту, за друзьями,- ответил он, указывая на Брыкина и Лялю.

-О, это твои друзья?

-Мои русские очень важные друзья!

При этих словах, произнесенных довольно громко, все посетители устали на русскую компанию.

-Черт,- с досадой проворчал Норов Анне, незаметно отодвигаясь.- Только этого мне не хватало!

-Я вас познакомлю,- продолжал Камарк, не обращая внимания на посторонних.

Он представил Клотильду и Даниэля Ляле и Брыкину; последовал обмен приветствиями.

-Сит даун,- предложил Брыкин Камарку.- Летс дринк. Виски или коньяк? Зисис Павел и Аня. Зей а фром Раша. Рашин, короче.

Камарк посмотрел на Норова, и скулы его напряглись.

-Мы виделись,- холодно проговорил он по-французски.

-Правда? - отозвался Норов.- Не помню.

-Enchante,- так же холодно произнес Анне Камарк, чуть наклоняя голову.

Она ответила вежливостью. Брыкин почувствовал какое-то напряжение между ними и слегка нахмурился, пытаясь понять, в чем дело.

-Ну что, едем? – по-английски обратился Камарк к Ляле и Брыкину.

-Вы куда? – спросила Клотильда.

-Обедаем в «Шато Салет».

-Почему не у меня? – с шутливым укором осведомилась Клотильда.

-Извини, в следующий раз.

-Это он? – одними губами спросила Анна у Норова.

-Кто? - Норов сделал вид, что не понимает.

-Он! – уверенно заключила Анна.

-Разве тебе не интересно, что скажет президент? – спросил Даниэль Камарка.

Тот скользнул взглядом по экрану и усмехнулся.

-Я наперед знаю все, что он скажет, - негромко ответил он. - Завтра выборы, у его партии неважные шансы, агитация уже запрещена. Парень пользуется случаем выступить перед народом в роли отца отечества.

-Надеется перетянуть на свою сторону избирателей?

Камарк пожал плечами и помахал рукой характерным небрежным французским жестом, - показывая, что не относится всерьез ни к президенту, ни к его заявлениям. У него была красивая мужская кисть – узкая, смуглая, с длинными сильными пальцами, покрытая с тыльной стороны темными волосами. На запястье был золотой браслет, на большом и указательном пальце – массивные кольца.

Он говорил и держался свободно, чуть свысока, как человек привыкший быть в центре внимания. Находившиеся в кафе люди посматривали в его сторону с интересом и уважением. Он был весьма импозантен, в своей черной коже и своем элегантно высокомерии.

Президент, между тем, продолжал свое выступление. Он объяснял, что понимает, какими трудностями «конфинеман» может обернуться для населения. Он обещал всестороннюю поддержку: выплату пособий, отмену коммунальных платежей, кредитные каникулы и прочее в том же духе. На эти цели государство выделяло огромные суммы, миллиарды евро.

Президент чуть развел руки в стороны,- получилось опять невпопад: будто вместо поддержки, он выразил недоумение.

Камарк усмехнулся.

-Я даже знаю того, кто ему речи пишет, - заметил он по-французски Клотильде и перевел свои слова по-английски Брыкину.

-Ай ноу ту,- отозвался Брыкин.- Хиз вайф. Как сказать «бабушка»? – он посмотрел на Норова.

-Гранма,- подсказала Ляля.

-Хиз грама,- повторил Брыкин.

Камарк снисходительно улыбнулся, показывая, что оценил шутку, и потрепал Брыкина по плечу. Он со всеми держался мэтром, даже с Брыкиным.

-Приедешь завтра к нам в Броз-сюр-Тарн? – спросила Клотильда Камарка.- У Мелиссы день рождения. Мы собираемся в двенадцать. Она будет рада тебя видеть.

-Она меня помнит? Поцелуй ее за меня! Вообще-то завтра утром я собирался кое-что показать моим друзьям,- он кивнул на Брыкина и Лялю.- Они просили подобрать пару домов для их знакомых из России. Вряд ли мы к обеду успеем завершить... Погоди, а твой отец там будет?

-Конечно! Неужели он пропустит день рождения Мелиссы?!

Камарк заколебался.

-Мне нужно бы с ним переговорить... Я звонил ему пару раз, но он был очень занят... Попробую заскочить на минутку. Ничего, если я приеду с ними?

Просьба была не из приличных.

-Вообще-то мы рассчитывали на определенное число гостей, – замялся Даниэль.

-Даниэль! – предупреждающе подняла голос Клотильда.

-Не волнуйся, я заплачу,- насмешливо бросил Даниэлю Камарк. Это был ответ маркиза лавочнику.

-Дорогие соотечественники! - воззвал президент.- Мы с вами на войне!
Но мы обязательно победим!

На этой высокой ноте он завершил выступление. Камарк расцеловался с Клотильдой и отбыл вместе с Брыкиным и Лялей.

* * *

Слова президента о предстоящей опасности не вызвали у посетителей кафе особого страха. Деревенские французы, в отличие от парижан, чрезвычайно оптимистичны; они рождаются и умирают в незыблемом убеждении, что с ними никогда ничего плохого не случится, - для того, собственно, они и выбирают правительство, чтобы оно о них заботилось, - и на этом свете, и на том.

-Так я не понял, это карантин, или что? – спросил кто-то.

-Каникулы,- весело отозвался другой.

Несколько человек засмеялось.

-Какие ж каникулы, если из дома выходить нельзя! – возразила его спутница.

-Он не сказал, что нельзя, он сказал: «не рекомендуется».

-«Не рекомендуется», значит, нельзя.

-Это значит, что ты сам решаешь.

Клотильда с бокалом вина подошла к столу Норова и Анны и присела рядом.

-Какая глупость! – возмущенно проговорила она.- Всю страну запереть на замок!

-Но Кло, ведь это - эпидемия!- возразил Даниэль, тоже подходя и садясь рядом с ней.

Она взглянула на него, и он сразу струхнул.

-Я просто хотел сказать, что здоровье пожилых людей тоже важно,... - принялся оправдываться он.

-Я не собираюсь сидеть дома! – объявила Клотильда.- «Свобода» - это первое слово в девизе Франции. Я свободный человек!

-А вдруг полиция начнет штрафовать за нарушение конфинемана? – предположил Даниэль.

-Пусть только попробует! Я подам в суд! У меня есть право на свободу передвижения! Франция этого не потерпит, она выйдет на улицы! Будет хуже, чем с желтыми жилетами! Правда, Поль?

-Не уверен.

-Но почему? Разве это не возмутительно?

-Потому что французы страшно беспокоятся о своем здоровье. Количество аптек на душу населения здесь больше, чем в любой другой стране.

-Ты одобряешь введение конфинемана? – осторожно поинтересовался Даниэль. Чувствовалось, что он побаивается эпидемии.

-По-моему, это все равно что, увидев таракана, запереться в ванной.

-Но это же не таракан! – возразил Даниэль, несколько задетый.- Это опасное заболевание!

-Грипп. Не холера, не чума, даже не ВИЧ. Просто грипп.

-От него умирают люди!

-Люди рождаются, чтобы умереть, ты ведь слышал об этом? Посмотри статистику смертности на дорогах, - она в разы выше, чем смертность от этого вируса, но ведь никто не требует на этом основании запретить автомобили. Знаешь, Кло, поначалу я, подобно тебе, ожидал от европейцев если не больше мужества, то больше здравого смысла. Немного разочарован... Впрочем, это не мое дело,- неожиданно заключил он, обрывая себя на полуслове.- Мне нравится ваша страна, и не мне критиковать ваши обычаи.

-А вы, как к этому относитесь? – спросила Клотильда Анну.

-К карантину? Не знаю, еще не решила,- задумчиво ответила Анна.- Интересно, как далеко ваш президент намерен зайти? Он ограничится

одной-двумя неделями и призывами воздержаться от публичных собраний или же?...

-Будут ужесточения,- уверенно перебил Норов.- Дело не в президенте, этого захотят французы. Они испугаются.

-А я так не думаю! – возразила Клотильда и, повернувшись к мужу, спросила:- Ты испуган, Даниэль?

-Совершенно нет! – поспешно заявил он.- Ничуть! Я беспокоюсь за других. Например, за твоих родителей.

-А мне почему-то кажется, что ты слегка трусишь, – насмешливо и в то же время ласково проговорила Клотильда и потрепала его по волосам.- Ну-ка, признавайся! Поль, ты совсем не боишься?

-Простуды?

-Смелый человек!- улыбнулась Клотильда.

-Это я только при вас с Анной храбрюсь. А когда один остаюсь, в маске и перчатках хожу, чтобы от самого себя не заразиться.

Клотильда засмеялась.

-Кстати, что сказал по поводу нашего президента твой друг? – вдруг вспомнил Даниэль.- Он ведь что-то сказал, да?

-Он назвал его пассивным гомосексуалистом.

-Так я и понял!

-Он действительно так считает?! – поразилась Клотильда.

-Он лишь повторяет то, что твердит о вашем президенте наша пропаганда.

-У вас о нем так говорят?! Но ведь это совершенная неправда!

-Кого в России интересует правда? – пожал плечами Норов.

-В России гомосексуализм запрещен? – любопытствовал Даниэль.

-Официально, это - извращение. Гомосексуалистов презирают, особенно пассивных.

-Но почему, Поль? – недоумевала Клотильда.- Это же – личное дело каждого!

-Наш уровень цивилизации не подразумевает наличие у человека прав. Только обязанности перед государством, которые, впрочем, никто не собирается выполнять. Кстати, на Ближнем Востоке, где уровень цивилизации еще ниже, к гомосексуализму вообще относятся нетерпимо.

-Но ведь вы же – не Восток!

-Мы – Азия.

-Это вы-то с Анной – Азия? – засмеялась Клотильда.- Посмотри на себя и на нее. Тогда и мы с Даниэлем – Азия. Верно, Даниэль?

-А что ты думаешь о нашем президенте? – спросил Норова Даниэль.

-Судя по тому, как он заботится о своей внешности, он очень тщеславен,- заметил Анна.

-Я об этом не думала, а ведь это верно! – отозвалась Клотильда.- По-вашему, он – сильный человек или нет?

Вопрос прозвучал несколько по-женски.

-Разве в современной Европе может появиться сильный лидер? – отозвался Норов.- Европа давно одряхла, сила и красота уже много лет как вышли здесь из политической моды, настало время убогих и увечных. В политиках, правда, смазливость все еще поощряется, но это – рудимент. Я все ожидаю: какая из европейских держав первой изберет президентом умственно отсталого инвалида?

Клотильда вновь засмеялась.

-Tu es mechant,- шутливо упрекнула она. («Ты злой»).

-Добрый русский – это противоречие в терминах, - отозвался Норов.

-Русские – злые? – подняла брови Клотильда.- Не замечала.

-Русские – недобрые,- возразил Норов.- Это гораздо хуже.

Когда они прощались, Клотильда спросила:

-Вы будете завтра в Броз-сюр-Тарне?

-Еще не знаю, зависит от Анны,- ответил Норов.- Я предложу ей.

-А что там особенного? – заинтересовалась Анна.

-Там лучший рынок в регионе, - ответила Клотильда.- А завтра - еще и блошиный рынок, французы их очень любят, вам будет любопытно. Обязательно приезжайте! А обедать приходите ко мне! Я оставлю вам стол, договорились?

Глава четвертая

* * *

-Значит, ты избил самого Жерома Камарка? – весело спросила Анна на обратной дороге. – «Сто сорок восьмого маркиза»! «В полный рост»! Долго же ты искал, кого поколотить! Кстати, ты заметил, как Клотильда при нем меняется? Такая властная сильная женщина, и вдруг становится послушной, даже краснеет, как девочка!

-Она влюблена в него,- согласился Норов.- Но ей идет. Женщине вообще идет влюбленность.

-А мужчине? Я имею в виду, не похоже, чтобы он был влюблен в нее.

-У него серьезный роман с самим собой. На других уже ничего не остается.

Давно стемнело, они ехали узкой деревенской дорогой, непрерывно петлявшей, машин навстречу не попадалось, черный лес окружал их с обеих сторон, и Норов временами включал дальний свет. Анна, посерьезнев, замолчала, о чем-то думая, вглядываясь в темноту.

-А ты?.. – вдруг спросила она.– Ты когда-нибудь любил? Так, чтобы сильно, по-настоящему? Или это – нескромный вопрос?

Норов бросил на нее быстрый взгляд. Ее круглые, обычно ясные глаза были сейчас тревожными и темными.

-Случалось и мне, - проговорил он, стараясь придать своему тону легкую шутливость и уйти от серьезного разговора.- Только это было очень давно.

-Давно? – настойчиво переспросила она.

Он догадался, что именно ей хочется услышать, и на секунду помедлил с ответом.

-Очень давно,- все-таки выговорил он, наконец.- Лет сорок назад... даже больше.

Краем глаза он заметил, что высокие скулы на ее лице проступили резче. Она ждала иного.

-Мне кажется, в России эпидемия давно началась, только это скрывают,- перешел он на другую тему. – Сестра еще зимой говорила, что у них всю область накрыла волна какого-то очень заразного гриппа. Болели все подряд, даже школы на неделю закрывали. И резко увеличилась смертность от пневмонии. – Сестра Норова заведовала в Нижнем Новгороде хирургическим отделением в областной больнице, а ее муж, тоже врач, – кардиологическим отделением в железнодорожной клинике. – Она думает, что это и были первые волны вируса, просто его никто должным образом не диагностировал.

-Уже зимой? – рассеянно спросила Анна. Было заметно, что не это сейчас ее занимает.

-В Китае этот грипп официально начался в конце осени, а реально - раньше. Петербург и Москва кишат китайцами, про Дальний Восток я уж не говорю. От Москвы до Нижнего – рукой подать. Скорее всего, мы переняли эстафету у них первыми, еще раньше европейцев.

-Но китайцы объявили карантин, а у нас молчат.

-Зачем пугать баранов? Их надо стричь, а меры предосторожности дорого стоят. Сестра говорит, что больницы совершенно не готовы к эпидемии: средств индивидуальной защиты нет ни у врачей, ни у медсестер, тестировать нечем.

Анна не отозвалась и некоторое время они ехали, молча; фары рассекали темноту; салон машины отделял их от черного, холодного леса.

-Мы же пообещали друг другу всегда говорить правду, - виновато проговорил он.

-Да. Спасибо. Хотя, знаешь, я не уверена, что всегда хотела бы знать правду.

«Тогда лучше не спрашивать»,- подумал он, но вслух этого не сказал.

* * *

Как-то в спортивном лагере в палатке пловцов стали пропадать вещи из тумбочек. Воровали все подряд: продукты, привезенные родителями, сувениры и дорогие игрушки, не брезговали и мелочью, вроде значков и блокнотов. Ребята начали следить друг за другом; возникла неприятная атмосфера взаимной подозрительности.

Старшие организовали собственное расследование. Собирать улики и анализировать факты у них, разумеется, не хватало ни терпения, ни ума, все-таки они были спортсменами, а не сыщиками. Они предпочитали действовать силовыми методами: отзывали в лесок кого-нибудь из младших и там допрашивали с пристрастием. Наступила очередь и Павлика, которому в ту пору исполнилось одиннадцать лет, и он входил в младшую группу.

Трое парней отвели его на облюбованную ими опушку. Саня Пантюхин, высокий широкоплечий шестнадцатилетний перворазрядник, сел на пенек, двое других – на поваленное дерево. Павлик остался стоять, сильно волнуясь. Мальчики из его группы рассказывали ему про эти допросы; их там били, некоторые возвращались в слезах.

-Ты слышал о том, что у нас завелась крыса? – жуя травинку, лениво начал Пантюхин.

Он был очень сильным парнем, дельфинистом, пользовался авторитетом и у тренеров, и у ребят; Галка всегда назначала его ответственным за разминку, а иногда даже поручала провести тренировку целиком. Мальчики из младшей группы, в которую входил Норов, его не любили за командный тон, резкость и тычки, которые он раздавал направо и налево. Между собой они звали его Пантюхой.

-Слышал,- ответил Норов.

Он был натянут, как струна, и чувствовал, как колотится сердце.

-Ну, и что ты об этом можешь нам сказать?

-Ничего.

-Плохо, блин, что ничего,- проговорил Пантюха и сплюнул.- А может, это ты воруеть?

Сидевшие на дереве, впились в Норова взглядами, желая смутить. Павлик знал, что за этим обвинением последуют побои, так было с другими мальчиками. Он внутренне сжался.

-Я не ворую! – выговорил он.

Пантюха поднялся с пенька и стукнул его.

-Лучше признайся по-хорошему! – проговорил Пантюха тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – Где то, что ты стырил?

-Я не брал! – выкрикнул Павлик, отступая.

-А кто брал?

За этим вопросом последовала новая затрещина. Норов еще попятился.

-Ты! – вдруг с ожесточением выпалил он неожиданно для себя.

Пантюха остолбенел.

-Ты меня что ли обвиняешь?! Меня?!

-Тебя! Ты вор и трус!

Норов и сам не понимал, что выкрикивал от ненависти и страха.

В следующую секунду он уже валялся ничком, а Пантюха, сидя на нем, рывками впечатывал его лицо в жесткую неровную землю, покрытую редкой травой.

-Ты знаешь, что я с тобой за такие слова сделаю?! Ты у меня землю жрать будешь!

Было больно, рот был полон земли, но Норов молчал.

-Кончай, Сань, а то он Гальке вложит, - предостерег один из ребят.

-Пусть только попробует! Я ему глаз на жопу натяну.

Он отвесил Норову еще один подзатыльник, потом все-таки слез с него. Норов поднялся, стараясь ни на кого не смотреть. Лицо его было измазано землей. К щеке, к испачканной футболке и трусам пристали желтые колкие стебельки пожухлой травы; при падении он оцарапал коленку. Он отряхнулся, стараясь не расплакаться, и двинулся в сторону лагеря.

-Ты куда? – крикнул ему вслед Пантюха.- Стой! Я тебя еще не отпустил!

Норов не ответил и не обернулся.

В палатку, где его ждали мальчики из его группы, он не вернулся. Вместо этого он отправился в камеру хранения, куда ребята по приезду сдавали чемоданы. Сказав, что ему нужно переложить кое-что из белья, он получил свой чемодан, вышел с ним наружу, перелез в укромном месте через забор и пошел из лагеря.

Он не думал о том, что побегом усугубляет подозрения, он вообще ни о чем не думал; он действовал, подчиняясь безотчетному инстинкту. Остаться в лагере после пережитого унижения он не мог. Отомстить Пантюхе было не в его силах; а ежедневно встречать его, презрительного и безнаказанного, подчиняться его командам, было для него нестерпимо.

Под палящим солнцем, с тяжелым чемоданом в руке он преодолел три с лишним километра, отделявшие лагерь от железной дороги. И потом, обливаясь потом, еще четыре километра тащился по шпалам до ближайшей станции.

Неудобной ручкой он стер себе ладони до крови; приходилось поминутно переключать чемодан из руки в руку, но кисти уже не держали, пальцы разгибались. Он пытался нести его, взяв в охапку, но не получалось; он пробовал двигать его по рельсам, - чемодан срывался и падал.

Наконец, выбившись из сил, мокрый и измученный, с содранными саднящими ладонями, он добрался до станции. Денег на электричку у него не было, но он надеялся как-нибудь прошмыгнуть в вагон. Он хотел одного: уехать домой, подальше от этого позора, этой грубости и подлости: никогда не видеть ни наглого Пантюху, ни Гальку, его поощряющую, ни других ребят, это терпевших.

* * *

Но первыми, кого он встретил на станции, были именно Галька и Пантюха. Они стояли на перроне, у самого входа; высокая, крупная мужиковатая тренерша и высокий, широкоплечий самоуверенный Пантюха. Они приехали с водителем, на стареньком газике, который возил в лагерь продукты и почту. Норова хватились быстро; кладовщица доложила, что он забрал чемодан и не вернулся; Галька собрала ребят; Пантюха поведал о допросе, естественно, скрыв некоторые подробности, и они бросились в погоню.

Галька смотрела на Норова хмуро, Пантюха – с нескрываемым злорадством. Он не сомневался, что разоблаченный Норов попытается скрыться и вот - попался.

-Пойдем, - мрачно скомандовала Галька Норову и первой двинулась к газике.

Норов побрел за ней с чемоданом; Пантюха замыкал шествие, не сводя с него торжествующих глаз. Он даже разок подтолкнул его в спину.

Галька подошла к машине и открыла заднюю дверь.

-Ставь чемодан! – велела она.

Павлик поставил чемодан на сиденье, обшитое потрескавшейся черной кожей.

-Открывай!

Павлик открыл чемодан. Галька собственными руками перерыла все его вещи. Затем повернулась к Пантюхе.

-Ну?! – грозно выдохнула она.- Где?

Пантюха из-за спины Норова следил за обыском. То, что украденных вещей в чемодане не оказалось, его поразило. Не отвечая Гальке, он отпихнул Норова в сторону и, подавшись вперед, сам принялся рыться в его вещах. Галька ждала.

Спиной ощущая ее тяжелый взгляд, Пантюха вновь и вновь перетряхивал нехитрый норовский скарб.

-Ты говорил, он украл! – прокурорским тоном напомнила Галька.

Пантюха выпрямился, боясь посмотреть ей в глаза.

-Видать, спрятал,- растерянно предположил он.

-Где спрятал?

Грубое лицо Гальки было таким мрачным, что даже Норову сделалось не по себе.

-Это у него нужно спросить,- нашелся Пантюха.- Хотите, мы с ребятами с ним еще потолкуем...

-Заткнись! - отрезала Галька.- Норов, марш в машину! А ты хватай его чемодан и топай пешком в лагерь! Дуня с мыльного завода!

Эвфемизмов, заменяющих бранные слова, в небогатом лексиконе Гальки было немного; «дубль» был у нее самым частым. «Дуня с мыльного завода» произносилось в крайних случаях и звучало как прямое оскорбление.

-Галина Николаевна! – взмолился Пантюха.- Я-то причем? Он же сам из лагеря дернул!

Галька взглянула на него так свирепо, что он осекся. Дождавшись, пока Норов залезет на заднее сиденье, она взобралась следом. До самого лагеря она смотрела в окно, молчала и хмурилась. Норов трясся рядом, радуясь, что не нужно больше тащить чемодан, и размышляя о том, каким образом Пантюха будет ему теперь мстить. В том, что Пантюха непременно будет мстить, он не сомневался.

-Почему ты мне ничего не сказал? – сердито спросила Галька.

Норов только пожал плечами. А что он мог ей сказать? Что Пантюха со старшими ребятами его допрашивал и бил? Или что он не крал?

-Вечно именно с тобой все случается! – упрекнула Галька.

Норов виновато понурился. Он и сам это признавал.

-Знаешь почему?

Норов молча помотал головой.

-Потому что ты нарываешься! – заключила Галька.

Норов не считал, что он нарывается, но спорить, конечно, не стал, его положение и без того было незавидным. Побег из лагеря был серьезным проступком; Норову за него светило как минимум десять километров кросса, двести отжиманий и внеочередное дежурство по палатке, а, может, и пара. Галька вообще могла в сердцах вклеить и целую неделю.

И все же он испытывал к этой большой грубой женщине такую благодарность, что ему хотелось прижаться виском к ее сильному круглому загорелому плечу, выглядывавшему из короткого рукава футболки. Но он, конечно, скорее сгорел бы со стыда, чем сделал это; он никогда не позволял себе подобных нежностей даже с матерью. Вернее, мать никогда ему этого не позволяла.

-Сколько отсюда до станции? – спросила Галька у водителя, когда они подъезжали.

-Да, считай, километров восемь, - ответил тот.- Вроде того.

Галька посмотрела на Норова.

-Восемь километров с чемоданом! – хмыкнула она.- Ну ты даешь! Дубль. Ты бы на тренировках так пахал!

И неожиданно для Норова она положила свою тяжелую руку ему на затылок и примяла непокорный хохолок на его макушке, как после заплыва на соревнованиях.

-Кит,- проворчала она.

Ни Галька, ни Пантюха, ни Норов никому ничего не рассказывали о случившемся. Из своих помощников Галька Пантюху убрала, но ничем другим нерасположения к нему не показывала. Норову он, к слову, не мстил, возможно, Галька его предостерегла; он демонстративно Норова не замечал и не разговаривал с ним. Галька к Норову по-прежнему была строга и придиралась на тренировках чаще, чем к остальным.

* * *

Норов развивался быстрее своих сверстников и умственно и физически. Когда ему исполнилось двенадцать, он за одно лето вытянулся так, что Галька стала ставить его, как самого высокого, первым на разминках

на суше. Под ее суровым руководством он к тринадцати годам подошел ко второму взрослому, что для его возраста было совсем неплохо.

Однако на следующий год он прибавил лишь полтора сантиметра, в то время как ребята вымахали сантиметров на шесть-семь и не собирались останавливаться. Второй взрослый он все-таки выполнил, но из «направляющего в строю» откочевал в середину, затем и вовсе сделался замыкающим. Все остальные в группе были уже выше его на целую голову. До него еще не дошло, что теперь на один гребок своих товарищей, с их длинными руками, ему приходится делать полтора; он просто вдруг почувствовал, что выигрывать соревнования стало гораздо труднее.

Тренировались они каждый день, а во время школьных каникул переходили на двухразовые тренировки: утром и вечером. Бассейн был постоянно переполнен, старшие и младшие группы занимались совместно, человек по восемь на дорожке. Однажды средняя группа, в которой теперь был Норов, завершала тренировку, а взрослые спортсмены из сборной, закончив разминку на суше, начинали в воде. Норов, усталый, дотягивал последнюю сотку комплекса брасом, и тут на его дорожку прыгнул с бортика длинный, плечистый парень, полный сил. Он шел баттерфляем; не поднимая головы и не вдыхая, он в четыре гребка догнал Норова и обошел.

Он двигался в воде мощно и ладно, как огромная сильная рыба, «как кит»; волна, поднятая им, подхватила Норова и как будто немного снесла назад. Норова будто ударило током. В одну секунду он вдруг с пронзительной и обидной ясностью осознал свою физическую неполноценность. Он отдал этой проклятой хлорированной холодной безжизненной воде шесть с половиной лет, и если после всех усилий его, плывущего, просто сносило чужой волной, как щепку, как бумажный кораблик, - значит... значит, это не для него! Значит, ему нечего тут делать.

Это была его последняя тренировка; плавание для него закончилось.

Через неделю Галка прислала к нему ребят из группы, выяснить, в чем дело. Сначала он хотел соврать, что заболел, но потом, набравшись духа, сказал, что плаванием он больше заниматься не будет. В ответ на их удивленные расспросы, он, потупившись, объяснил, что понял, что не подходит для плавания по физическим параметрам. Добиться он ничего не

может, даже КМС не станет, а ходить просто, чтобы воду молотить, он смысла не видит.

Через два дня мальчик из группы принес ему записку в запечатанном конверте без марки, сообщив, что от Гальки. Сверху крупным старательным почерком было написано «Павлику», - она никогда не называла его так. Он ответил мальчику, что прочтет позже, но он не прочел. Он не смог вскрыть конверт, ему не хватило мужества.

С тех пор он возил записку с собой, сорок лет, не в силах ни выбросить, ни прочесть. Конверт лежал в его петербургской квартире, среди множества бумаг, с которыми он не знал, что делать, и каждый раз, когда он на него натыкался, его обжигало давнее чувство вины.

* * *

Спал Норов мало, вставал очень рано; безмолвные темные предрассветные часы с трех до шести были его любимыми. Накануне он заснул позже обычного, - приезд Анны разбередил его; но на ранний подъем это не повлияло.

Его повседневная жизнь подчинялась расписанию; в разные периоды оно менялось, но привычка к порядку оставалась. Теперь, когда ему не нужно было ездить на службу, он жил так: пробуждение, просмотр почты и работа с серьезными книгами,- выписки, заметки; первый завтрак, прогулка с музыкой, второй завтрак; спорт, обед, опять работа с книгами; вечерняя длинная прогулка с прослушиванием аудиокниг уже полегче, - мемуаров, биографий; чашка чая, карточные пасьянсы на ночь, - он разбирал их в планшетке, уже в постели; пятичасовой сон. Во второй половине дня он практически не ел, он вообще ел мало, как и спал.

В быту он соблюдал правила, к которым мать приучила его с детства: холодный душ, ежедневная смена белья, порядок в вещах и на рабочем столе. Брился он теперь, правда, лишь раз в три дня; при нынешней моде это было совершенно прилично, но его матери это не нравилось, и перед встречами с ней он всегда тщательно выбривался.

Гулял он каждый день, несмотря на погоду; выходил еще до рассвета, а возвращался уже после восхода. Как правило, он сначала поднимался в гору, примерно с километр по узкой асфальтовой дорожке, с одной стороны от

которой угрожающе нависала неровная каменная скала, а с другой – круто убегал вниз склон холма, закрытый редкими деревьями и густыми кустами. За холмом был другой холм, и там – еще один, и на нем дальними желтыми огоньками светился Капельно.

Когда он вышел в холодную влажную темноту, небо было черно-лиловым, глубоким, сплошным и беспросветным, каким оно часто бывает по ночам в марте и апреле. Невозможно было разглядеть пальцы вытянутой руки; он ступал наугад, но фонарика все равно не зажигал. Невидимая дорога под ногами была неровной, но он знал ее и чувствовал, и двигался уверенно.

Перед самым выходом из дома, он надевал наушники, выбирал в своих записях классической музыки какое-нибудь произведение, включал и, открыв дверь, нырял в эту густую музыкальную темноту, как в бескрайнюю стихию, как в тайну. Он сливался с ней, растворялся в ней, бездонной, наполненной музыкой, и плыл в ней свободно, как кит. Это было особое непередаваемое ощущение, глубокое, волнующее – мистическое. Сегодня он поставил третью симфонию Брамса, драматичную, но мажорную.

Наверху узкая дорога пересекалась с другой, более широкой, автомобильной. Можно было свернуть налево, и, описав длинный круг через лесопилку и Капельно, вернуться домой, или нырнуть направо, на тропинку, проложенную специально для рандонистов, - любителей лесных прогулок - и двигаться между деревьями по склону холма. Когда светало, оттуда открывался завораживающий вид на окрестности. А еще можно было пересечь трассу и по петляющей узкой дорожке брести между лесов, виноградников и полей к развалинам старинной часовни и маленькому кладбищу. Здесь были бесконечные возможности для прогулок, и каждый раз он выбирал маршруты, как музыкальные произведения.

Сегодня он свернул направо, в лес. Под утро температура опускалась, сейчас было не больше пяти градусов, на нем была теплая куртка и легкая шапка бини. Зачем она прилетела, Кит? (В бесконечных мысленных диалогах и спорах с собой он обращался к себе так, как когда-то называла его Галька.) В ней чувствуется какое-то волнение, особое напряжение, будто она хочет что-то сказать, но не решается. Что именно, Кит? Не знаю, как будто, что-то важное... Важное? У нее есть тайны, Кит? От тебя? Это что-то новое. Она действительно всегда была ясной душой, не очень тонкой, но прямой, без

двойного дна, может быть, даже без особой глубины. Когда-то ты знал ее наизусть. Да, но прошло много времени, она могла перемениться... Кто, Анна? Ну, нет, Кит, только не она. «Снегвсегда!».

После ее замужества ты оборвал переписку с ней. Не простил Гаврюшкина? Да, стыдно признаться, но не простил... Почему стыдно, Кит? Потому что не сумел простить. А почему не простил? На то были причины... Какие, Кит? Только честно? Я любил ее. Ты ее любил? Правда? Да. Еще как! Может быть, иначе, чем ей хотелось, - не как женщину, но как самого близкого друга, как младшую сестру, даже немного, как ребенка, как дочь.

Постой, Кит. Но ведь ты ушел от нее, бросил. Уехал в свой Питер и – Лыской звали! Так, кажется, выражалась одна из твоих домработниц? Пишите письма. Я уехал, потому что между нами начался интим! Если, конечно, можно назвать интимом то, что между нами тогда происходило в постели. Она лежала подо мной, неподвижная, одеревенелая, скованная. Не женщина, не любовница, а голый, худой персональный помощник, на которого зачем-то залез озверелый начальник. Да еще смотрела на меня своими ясными круглыми глазами. Никогда этого не забуду! Любой бы сбежал!

Зачем же ты это начинал? Да не я начинал, не я! То-то и оно, что эта дурацкая постель была мне совершенно не нужна! Я уклонялся, сколько мог, но ей так хотелось быть вместе везде, всегда! Она не понимала, что этим все ломает. Сближаясь, разрушает... Она любила тебя, Кит. Да, знаю... любила... Как было этого избежать? То и плохо, что два любящих человека не сумели остаться вместе. Плохо и глупо. Черт!...

На западе уже появился легкий просвет, серо-розовое сияние, будто кто-то медленно поднимал тяжелую черную глухую завесу. А на противоположной стороне неба, на востоке, ширилась и разгоралась рваная оранжевая полоса; поднималось солнце.

Ты был старше нее на пятнадцать лет, Кит, и в тысячу раз опытнее. Ты мог бы проявить терпение, пробудить в ней чувственность... Если, конечно, в ней она имелась! Ты сомневаешься в этом? Очень. Ну, во всяком случае, ты был обязан попытаться, а ты не пытался. Не пытался, правда. Это же было после уголовного дела и отставки... Внешне я держался, но по сути был тогда лишь мешком с костями. Мешком с переломанными костями, - ни чуткости,

ни нежности. Это был тяжелый период, больной. У меня о нем сохранились смутные воспоминания, разрозненные, ватные. Только некоторые сцены встают в памяти с необычайно яркостью. Хотя, пожалуй, лучше бы вовсе не вставали...

Но уехав от нее, Кит, бросив ее по-свински, ты избавил ее от всяких обязательств перед собой, не так ли? Не совсем. У нее с самого начала не было передо мной никаких обязательств. У меня были, у нее – нет. Так я это в ту пору понимал. Тогда почему ты ей не простил? Почему? Да, Кит, почему? Потому что с тех пор у меня не было женщин. Ни одной, даже случайно. А она преспокойно вышла замуж за Гаврюшкина и родила от него. А теперь оставим эту тему, я больше не хочу ее обсуждать!

* * *

Небо на Востоке уже сделалось малиново-ярким, тонкими контурами проступили на его фоне высокие редкие ветвистые деревья на далекой горе, словно нарисованные китайской тушью.

Эти ежедневные рассветы всегда были разными, порой они наполняли его особым вдохновением, сродни религиозному. Бог был в этом потрясающем малиновом небе, в мощно поднимающемся оранжево-красном солнце, в лиловой уходящей темноте с угасающими бледными звездами, в этих неповторимых красках, в пронизывающей музыке и чуть доносившихся сквозь нее голосах птиц.

Он пытался фотографировать эти рассветы, но камера не вбирала всю эту невозможную музыкально-цветовую палитру: от нежной, сладкой, щемящей, шопеновской пастели на востоке до потрясающей ослепительной и оглушительной бетховенской меди на западе. Объектив терялся в километрах перспективы, не видел границ между холмами, не улавливал бесчисленных переходов цвета.

Яркая охра открытой земли, золотые волнующиеся ветром поля, вздымающиеся по склонам; геометрически-ровные ряды причудливо изогнутых зеленых виноградников; красные маки в зеленой траве среди бело-серых камней; серебристый утренний иней на длинных стеблях травы и музыка, музыка!...- все это куда-то безнадежно исчезало с фотографий.

Он пробовал рисовать, даже брал уроки живописи у старого чудаковатого тощего англичанина, жившего в Кастельно. Тот хвалил его пейзажи, уверял, что у него большой талант, но он знал про себя, что это не так, что подлинного таланта у него нет.

Подлинного таланта у него, кстати, не было не только к живописи. У него его вообще не было. Это стало для него запоздалым открытием, огорчительным, но уже не мучительным. Пойми он это в молодости, он бы расстроился. Ведь он когда-то был честолюбив. Впрочем, о подвигах он мечтал больше, чем о славе. Многие не видят между этим разницы: Блок писал: «О доблестях, о подвигах, о славе», - для него это было едино. На самом деле, это как отдавать и брать. Норову в детстве и юности хотелось отдать жизнь за что-то высокое. Он был бы счастлив, если б это удалось. А слава... что слава? Он бы все равно ее уже не узнал. Но не удалось, жаль. Хотя, честно говоря, не особенно. Ибо сейчас, на пороге старости, он был счастлив, полным тайным счастьем. Непоследовательно, Кит. Да, действительно... но что поделать? Человеку тесно в тисках логики.

Прежде, когда он был богат, у него были долгие периоды бешеных загулов; он брал в постель по две, три, четыре женщины. Целомудрие пришло вместе с одиночеством; одиночество принесло покой и глубокое сокровенное счастье. Он привык к уединению, чистоте и счастью, он дорожил ими.

Восход сегодня был ярким, это означало скорую перемену погоды, сильный ветер, частый в этих краях. Раньше ветра навевали на него тоску и гнетущее давящее чувство вины, которое мучило его много лет.

Но в последние годы он начал выздоравливать; с наступлением ясных солнечных дней к нему возвращалось веселое расположение духа и любовь к жизни.

Он был беден в юности, швырял деньгами в молодости; он влюблялся и был любим; он кое-чего добился и многое потерял, - он ярко жил. Он был остро счастлив когда-то и оставался спокойно-счастлив сейчас, в наступающей старости. Он любил свои одинокие прогулки, рассветы и закаты, лесные запахи и шорохи. Любил книги, музыку, пение птиц, красоту соборов и лиц, долгие размышления. Любил спорт: бегать, подтягиваться, поднимать тяжести, боксировать.

Из этой, столь дорогой и любимой им жизни он хотел уйти добровольно и свободно; со вкусом счастья на губах, - не с горечью лекарств.

У него был пистолет, «глок», купленный по случаю в Монпелье у знакомых арабов, за большие деньги. Здесь он хранил его в спальне, в рюкзаке. Перед отъездом, он упаковывал его в герметичный пластиковый пакет и прятал в лесу, под развалинами заброшенного строения в паре километров от дома.

Он собирался застрелиться здесь, во Франции. Он не ставил себе определенных сроков, он мог сделать это в любую минуту: через неделю, завтра, сегодня вечером. Тем сильнее ему хотелось еще немного постоять на краю, насладиться, надышаться. Готовность к смерти делала любовь к жизни необычайно острой.

Глава пятая

* * *

Когда Норов вернулся, Анна уже сидела на кухне на высоком табурете в длинном светло-сером свободном платье из мягкой ткани, придававшим ей домашний вид, и пила чай. Большой стол был сервирован для завтрака на двоих: тарелки с приборами, салфетки, аккуратно порезанные фрукты, сыр и хлеб, коробочки с йогуртом, конфитюр. Норов почувствовал безотчетное беспокойство старого холостяка, не любившего мыть посуду. Продукты он сам покупал накануне ее приезда, но привык обходиться минимумом тарелок.

-Привет,- улыбнулась она.- Я тут похозяйничала, ничего? Будешь завтракать? Сделать яичницу?

-Спасибо, я и этого-то за день не съем.

Раньше она не умела готовить и вообще была лишена хозяйственных навыков. Ее домовитость, новая для него, очевидно, была результатом ее семейной жизни. Он почувствовал легкий укол запоздалой ревности, устыдился, подошел и поцеловал ее прохладную в щеку.

-А ты совсем не полысел! – весело заметила она.- Зря только на себя наговариваешь.

Он провел рукой по очень коротко остриженной голове.

-Густая шевелюра,- хмыкнул он.- Одна беда – волосы в глаза лезут.

-Я не сказала, что они густые,- запротестовала Анна. - Я сказала, что они есть. И ни одного седого!

-И еще я – огромный.

Она развела руками и покачала головой, показывая, что спорить с ним бесполезно.

-Чаю?

-Я выпью кофе.

-По-прежнему пьешь много кофе?

-Больше.

Она помнила, что разговоры о здоровье его всегда раздражали, и воздержалась от бесполезного замечания.

-Как спалось? – спросил он.

-Очень хорошо, только какой-то зверь всю ночь кричал под окнами. Ты не слышал? То так пронзительно, то жалобно, то сердито. Немного похоже на кошку, но иначе. Я так и не поняла, кто это.

-Это – сычи, такие маленькие совы. Под крышей живет целое семейство: родители и птенец. Очень симпатичные и общительные. Немного похожи на тебя.

-Я похожа на сову?!

-На сыча. Миниатюрная, а глаза огромные, круглые. Кстати, по-французски «chouette» означает не только сову, но и «красивый, милый».

-Как интересно! Я и не знала. Они считают сов красивыми?...

-Они и впрямь очень милы. По ночам они бурно дискутируют, наверное, спорят о политике. Это же – французские сычи, французы вечно спорят о политике. Я привык к их компании, мне даже нравится.

-А я уже сбегала к лошадям,- похвалилась Анна.- Лошади утром возле дома, в легком тумане,- это так необычно! Волнующе. Вид, правда, у них действительно не романтический, а довольно жалкий: грязные, отощавшие, я даже покормила их яблоками и хлебом. Представляешь, они ели хлеб и вот так кивали,- она покачала головой сверху вниз,- наверное, благодарили, видно, вконец оголодали.

-Во Франции даже лошади вежливы. Кстати, как думаешь, почему наши соотечественники не благодарят и не извиняются? Считают, что это унижает их достоинство?

-Просто не привыкли. Я ноги промочила в росе, поставила сушить кроссовки. Лиз совсем не ухаживает за лошадьми?

-У нас с ней по этому поводу было несколько объяснений. Я задавал тот же вопрос, что и ты, а она меня уверяла, что это – дикие лошади, и в специальном уходе они не нуждаются, им от него будет только хуже.

-Дикие лошади бегают в прериях! А эти – заброшенные!

-Примерно это я и пытался донести до нее, но без особого успеха. Впрочем, кое-чего мне все же удалось добиться. Видишь вон ту кабинку вдалеке? Ее поставили по моему настоянию. Лошади укрываются в ней от непогоды.

-Ты за нее заплатил?

-Естественно. Иначе ее бы там не было.

-Ты очень гуманный! – улыбнулась Анна.

-Вовсе нет. Просто во мне есть чувство ответственности. Летом я прошу держать лошадей подальше от дома, - от них летят мухи. Но они все равно приходят.

-Может быть, они тоже хотят поговорить с тобой о политике? Не ожидала я от Лиз такого равнодушия к животным! Ведь она сама завела этих лошадей, верно?

-Она. Я бы выбрал лошадей попородистее. Но ее не стоит винить; деревенский народ проще относится к смерти, меньше ее драматизирует. Здесь много заброшенных часовен, а рядом - небольших кладбищ, и это

воспринимается целостно: Бог, жизнь, смерть. Каждый день видишь на дороге раздавленных машинами зверьков, гуляя, натыкаешься на останки мелкой живности, растерзанной хищниками; замечаешь погибшие деревья, иссушенные паразитами, но это не портит ни общей красоты, ни радости жизни; смерть – необходимая часть того и другого. Здесь на природе полнее понимаешь жизненный цикл, привыкаешь к нему. Прошлым летом совенок выпал из гнезда, прямо на террасу. Случилось это днем, он еще не умел летать, солнце слепило его, было жарко. Кое-как он доковылял до крыльца, забился в угол, уткнулся головой в камень и затих. Я тренировался на веранде, заметил его, звоню Лиз: что делать? Она отвечает: ничего, ждать, может быть, мать его подберет. Трогать нельзя, иначе мать от него откажется. Я объясняю, что он не выдержит в такой зной, без еды, без воды.... «О, не волнуйтесь, месье Поль. Если он умрет, я приеду и уберу его, чтоб он вас не смущал».

-Как жестоко!

-Ква. Вернее, *c'est la vie, quoi*. Обратная сторона французской отзывчивости. Поверхностный народ, сентиментальный, готовый трогательно заботиться о брошенных животных или о клошарах, потому что это – наполняет их чувством превосходства. Но французы палец о палец не ударят, чтобы помочь тем, кто выше их умом. Когда в прошлом веке после революции здесь оказался цвет нашей интеллигенции: Бунин, Бердяев, Набоков, Ходасевич, Мережковские и многие другие, - десятки тысяч человек, переживших страшную катастрофу, потерявших все, что имели, то у французов они не вызывали никакого сочувствия. На них смотрели, как на непрошенных раздражающих гостей. До конца своих дней они так и оставались апатридами, людьми без гражданства, в отличие от современных выходцев с Ближнего Востока. Те находят здесь вторую родину, но не испытывают за это к французам благодарности. Впрочем, это скорее характеризует их, чем французскую отзывчивость. Все тот же жизненный цикл. Французы легко плачут, но и забывают столь же легко. В целом они довольно бессердечны, хотя не в той степени, что мы.

-Мы бессердечны?! Ничего подобного! Русские способны на самые глубокие переживания, глубже, чем все другие национальности! Мы можем ради дружбы или любви совершить настоящий подвиг!

-Можем. Но почему-то нас чаще тянет на изуверство. Я просматриваю уголовную питерскую хронику: дня не проходит, чтобы пьяный муж не зарезал жену, сожительница не зарубила любовника, чтобы кого-то не сожгли, не выбросили с балкона, не изнасиловали ребенка. Здесь такого нет. В общем, у меня не складывается впечатление о нас как о душевном народе.

-А Достоевский?! А Толстой?! А Пушкин?! По-твоему, они все чувства придумывали? А сами они разве не русские? Да я тебе тысячу примеров приведу, как мы кого-то спасали, жертвовали собой! И сейчас так поступаем. Да сам ты – разве бесчувственный человек?

-Абсолютно. Мне хоть в лоб, хоть по лбу.

-Ничего подобного! И я – не такая!

-Чувственная, да, Нют?

-Да ну тебя!

* * *

Норов включил телевизор и, щелкая каналами, сел с кружкой кофе на высокий табурет рядом с Анной. Главных тем было две: выборы, которые уже начались по всей стране с рекордно низкой явкой, и эпидемия китайского гриппа, стремительно распространявшаяся по Европе. На экране сменялись короткие репортажи о ходе голосования из разных городов; члены комиссии повсюду были в медицинских масках, избирателей перед входом в кабинку просили дезинфицировать руки специальной жидкостью. Все это выглядело непривычно и несерьезно, будто взрослые играли в детскую игру.

В студии, как и накануне, политологи, социологи, медики рассуждали о предстоящем режиме изоляции, «конфинемане». Говорили, как это принято на французском телевидении, громко, оживленно, поминутно перебивая друг друга. Каждый имел собственное мнение по любому вопросу, отличное от мнения других, и торопился его высказать; единодушие проявлялось лишь в призывах оставаться дома.

-Нагнетают,- хмыкнул Норов.- Пугают трусоватого обывателя.

-Кстати, наш президент посетил больницу, где лежат больные коронавирусом. Видел, наверное, уже в интернете?

-Нет еще. Живя здесь, стараюсь не читать российские новости, чтобы не портить себе настроение.

Анна взяла смартфон и нашла в интернете нужный сюжет. На фото президент России в сопровождении свиты двигался по коридору больницы. Медики были в обычной голубой униформе, чиновники в костюмах с масками на лицах, и лишь на президенте был ярко-желтый герметичный скафандр, делавшим его похожим на космонавта.

-Смело, ничего не скажешь, - усмехнулся Норов, разглядывая снимок.- Он теперь всегда так выходить будет?

-Пишут, что снимок сделан с айфона кого-то из чиновников. Айфон тут же уничтожили, чтобы не подвергать президента риску.

-Надо было заодно и чиновника уничтожить, и жену его стерилизовать, чтобы уж наверняка не заразить.

-Патриарх тоже оживился,- продолжала Анна, листая странички в смартфоне.- Давно о нем не было слышно, а тут в «мерседесе», с иконой объехал Москву, спасая город от эпидемии.

Она показала фотографии: по пустынной улице следовал кортеж; впереди черный лимузин патриарха, за ним несколько машин охраны. На другом снимке сам патриарх в торжественном облачении сидел на заднем сиденье «мерседеса» с иконой в руках. Перед ним, в специальных подставках стояли две бутылки с минеральной водой.

-Обращаю твое внимание на то, что минеральная вода - французская,- прибавила Анна.- Вот, видишь, название? А ведь ее, наверное, католики разливают или мусульмане.

-Чему ты удивляешься? Он и геморрой в Европе лечит, вместо того чтобы больным местом к чудотворной иконе приложиться! Знаешь, порой мне кажется, что нет у Бога злейшего врага, чем поп.

Анна посмотрела на него с некоторым удивлением.

-Как же ты с такими взглядами в церковь ходишь?

Норов смутился.

-А я больше не хожу... - с виноватой улыбкой признался он. - Перестал.

-Совсем? – недоверчиво ахнула Анна.

Он покаянно кивнул.

-Вот это новость! Ты же был таким верующим! Прямо-таки твердокаменным! Соблюдал все посты, все службы посещал! Каждый год я тебе постное меню организовывала! Такое было мучение! Ведь в то время рестораны еще постных блюд не предлагали. А сколько денег ты на церковь пожертвовал! Целое состояние!

-Зато теперь патриарху есть на что «мерседесы» покупать. А так пришлось бы ему по примеру его святых предшественников крестным ходом по Москве топать.

-Сколько книг я тебе на английском выписывала! – продолжала сокрушаться Анна.- И по евангелистике, и по библеистике... Ты ведь и меня приобщил, можно сказать, заставил службы посещать. Я ведь тогда была далека от религии. Да и сейчас – не так, чтобы очень... Но с Левушкой к литургии регулярно хожу. Исповедуемся с ним, причащаемся...

-А вот это – хорошо,- непоследовательно обрадовался Норов.- Это правильно. Умница ты, молодец. А вырастет мальчишка - сам решит.

-Это из-за книг в тебе такая перемена произошла?

-Да, нет... Книги меня как-то не особенно колебали. То есть, читая критические работы, я признавал их справедливость, но на мою веру они практически не влияли. Есть такие догматические формулы, с помощью которых ты можешь примирить со своей верой любые противоречия. Например, говоришь себе: да, все это верно написано, но Божий промысел непостижим и недоступен моему уму. У нас ведь - апофатическое богословие...

-Какое?

-Неважно, как-нибудь в другой раз объясню, – он отхлебнул кофе, потер лоб.- Не знаю, как произошло мое охлаждение, как-то само собой. И обряды мне не в тягость были: постился я всегда легко, даже с радостью; мне нравилось это особое ощущение легкости, оторванности от земного, которое наступает в середине Великого поста. И службы я любил... Я в Петербурге в Казанский собор ходил, Боже, какие там службы красивые! Священников и

дьяконов туда с особой тщательностью отбирают, все – видные, высокие, голосистые, просто картина! Хор замечательный, а какие распевы! Так бы стоял и слушал!

-Я в Казанском не была, а в Москве однажды в храм Христа Спасителя на праздник попала. Все так торжественно было, даже величественно... Очень сильное впечатление!

-И это при том, что Христа Спасителя - храм официозный, «ненамоленный», как наш народ выражается, «новодел». А как хорошо в каком-нибудь старом монастыре службу постоять. В Новодевичьем, например или Псково-Печерском... Но, знаешь, при всем том, как-то одиноко мне всегда было на службах. Отъединенно от остальных. Не ощущал я общности с собратьями во Христе, не получалось. Умное лицо ведь в нашей церкви – большая редкость, физиономии в основном малообразованные, невыразительные, а то и вовсе глупые. По большим праздникам появляются надутые чиновные рожи, вот, собственно, и весь контингент.

-Ну не совсем. Встречаются и интеллигентные люди, во всяком случае, по виду. Но редко, согласна.

-Очень редко. Да и то сказать, разве в церковь за спасением души идут? Кому это надо? Какая душа? Идут за чудом, за волшебством. О чем Бога просят? О смирении и милосердии? Смешно! О здоровье, о деньгах, о том, чтобы дочка удачно замуж вышла, чтобы ипотеку скорее вернуть, чтобы сына на хорошую работу взяли... Разве нет?

-Ну, наверное... В основном, да... так...

-В Казанском соборе чудотворная икона Божьей матери, к ней всегда очередь. Паломники отовсюду едут, туристов туда водят. Перед тем как к иконе подняться, табличка с надписью: «Дорогие братья и сестры, свои пожелания и молитвы заранее про себя произносите, пока в очереди стоите, а у иконы только креститесь». Что-то в этом роде. О том же и охрана каждые пять минут предупреждает. Думаешь, кто-нибудь слушает?! Вскрабкается к иконе по ступенькам какая-нибудь корова в лосинах, наклонится к Божьей матери, выставив на всеобщее обозрение свой толстый обтянутый зад, и давай шепотом перечислять Заступнице по списку самое необходимое. Чтоб уж сразу на всю родню дала, а то вдруг Богородица что-то забудет или упустит...

-Но, может быть, это везде так, я имею в виду, во всех странах? Суеверие вместо веры...

-Так тем более! Я годами смотрел на своих собратьев, сравнивал их с собой, а в моей голове крутился проклятый вопрос: что у меня с ними общего? Что, скажи, объединяет меня с этими добрыми, просветленными православными людьми, которые вот уже тысячу лет считают Николая-Угодника третьим лицом Святой Троицы, а Богородицу - вторым? Которые верят во все пеньки и пророчества, во всех юродивых и калек? Которые Сталина готовы канонизировать? Что у меня общего с паломниками, мотающимися со своими хворями и непогашенными кредитами от одной чудотворной иконы к другой, ныряющими подряд во все лужи, объявленные святыми источниками? С этими глупыми старухами, исподволь торопливо набивающими просфорами сумки?

-Но ведь это обычные люди! Зачем ты себя с ними равняешь?

-А с кем мне себя равнять? С чиновной сволочью, с казнокрадами, которые не знают, в какой руке свечку держать, и даже праздничную службу не желают отстоять рядом с народом, который они обворовывают; лезут со своими мордоротами-охранниками прямо к алтарю. Или с попами, которые им за деньги грехи отпускают и на новые грехи их благословляют?

-Ну, допустим, на грехи они никого не благословляют...

-Не скажи. Ведь доход-то попам от них, не от праведников идет. Зачем попам праведники? Им грешников подавай! Побольше да побогаче. А мне, Нютка, в отличие от них всех, включая попов, ни денег не надо, ни благ, ни прочие «великия и богатые милости». Мне и о здоровье стыдно просить, - если Богу угодно лишит меня здоровья, значит, так надо, верно? Придется обходиться без здоровья. Я даже на вечную жизнь не претендую, а ведь именно в этом - весь смысл христианства, в вечной жизни! Заветная мечта каждого христианина: жить вечно! Ради этого святые подвиги совершали, отшельники лишения терпели. А мечта рядового русского православного христианина – прожить триста лет, умереть молодым и со стоячим членом! Правда, правда! Ни в каком другом фольклоре нет такого количества сказок, где старые цари гоняют своих Иванушек-дурачков за молодильными яблоками и прочей виагрой. Но, так или иначе, я-то тут причем?

-Ты действительно не хочешь вечной жизни?!

-Как тебе сказать? Получится – хорошо, нет, - я ведь и так неплохо пожил, грех роптать.

-Чего же ты тогда от веры хочешь?

-Хочу быть лучше. Правда. Не красивее, не здоровее, а лучше. Добрее, терпимее, снисходительнее. Это труднее, чем круглый год поститься, даже, чем подвиг совершить. Подвиг – вещь разовая, а я хочу постоянно. Быть добрее к тебе, к Лиз, к Ване, к матери, к Кате, к тем немногим, кто мне дорог. Но разве рядом с этими людьми я становлюсь лучше? С ними я могу стать только хуже, ибо либо я должен уподобиться им, либо неизбежно впадаю в грех гордыни, ощущая свое над ними превосходство. Получается, что в церковь ходить – это для меня искушение. Ты понимаешь, о чем я?

-Понимаю, да... Я уверена, что на твой вопрос есть ответ... просто я его не знаю!..

-Вот и я не знаю. А может, если я живу иначе, чем вся эта моя многомиллионная братия, чувствую иначе, молюсь иначе, верю иначе,- может, у нас не один и тот же Бог?

Анна даже немного испугалась.

-Нет, такого быть не может!

-Ну, значит я не прав,- усмехнулся он ее убежденности.- Буду дальше думать. Оставим. И что это, право, за русская манера: проснуться не успели, а уже о Боге спорим!

-Несовершенство мира – не повод отвергать Бога! – не сдавалась Анна.

-Ба, какими сентенциями ты заговорила!

-Это не моя фраза, а твоя! Ты ее раньше часто повторял, я и запомнила. И еще у тебя была любимая присказка: если поп пьян, это не значит, что Бога нет!

Норов улыбнулся и кивнул.

-Не значит, конечно. Но зачем же я вновь и вновь хожу к пьяному попу? Какой Бог у пьяного попа?

* * *

В десять лет Норов свято верил тому, что настоящий человек обязан посвятить свою жизнь борьбе за светлое коммунистическое будущее всего мира и ради этого, если потребуется, бесстрашно умереть. Этому учила его мать, об этом говорили в школе. Норов боялся, что бесстрашно умереть у него не получится. Например, если неведомые враги не убьют его, а тяжело ранят; возьмут его, потерявшего сознание, в плен и потом станут пытаться. А вдруг он, не выдержав страшных пыток, которым фашисты подвергали наших разведчиков, выдаст важную тайну? И что тогда?! Как же после такого жить?!

Порой, в постели он представлял себе эту страшную картину: пытки, боль, предательство, позор... Нет, только не это! Лучше смерть! Он пугался до испарины и долго не мог заснуть.

Но чем старше он становился, тем заметнее делался для него контраст между парадными лозунгами и унылой неприглядной повседневностью. Он видел вокруг не социалистическое изобилие, о котором вещали по телевизору, а грязные улицы, ободранные пятиэтажки, заводские заборы с колючей проволокой, длинные очереди за продуктами, дефицит товаров первой необходимости, нужду, повальное пьянство, растущее озлобление. В подворотнях наглена шпана, готовая напасть, избить, ограбить. Лица людей не светились улыбками, они были неприветливы и угрюмы.

При этом он знал, как живет партийная номенклатура, чьих детей, учившихся вместе с ним, привозили в школу на государственных «волгах»; он бывал в их многокомнатных квартирах, обставленных дорогой импортной мебелью, видел забитые деликатесами холодильники. Порой ему казалось, что никто, кроме его матери, уже давно не верит официальной пропаганде, никто не желает бескорыстно трудиться на благо общества и уж тем более умирать за благо человечества. Каждый норовил урвать, обмануть, пролезть вперед. И он презирал за это окружающих.

* * *

До Броз-сюр-Тарна было около сорока километров. По дороге Норов вернулся к утреннему разговору.

-С нашим русским бесчувствием я, пожалуй, погорячился, - признал он.- Виноват. Конечно, мы способны на самое высокое самопожертвование. И великодушия в лучших наших представителях много, другое дело, что мало

их, этих лучших представителей. Возьми хотя бы девятнадцатый век: сколько примеров благородства! Одни декабристы и их жены чего стоят! Да и в двадцатом мы не только ужасы творили. В Отечественную себя не жалели... Но вот что касается наших великих писателей, которыми ты меня попрекнула, то, нисколько не умаляя их значения, замечу, что правды в их сочинениях могло бы быть и побольше.

-Что ты имеешь в виду?

-Да возьми хоть пушкинскую «Полтаву». Ведь не было никакого славного боя! Горстка измученных шведов, уставших после долгих переходов, встретила со свежей русской армией, которая в десять раз превосходила ее численно, и наши в упор расстреляли ее из пушек.

-Но Пушкин не писал историю, он писал поэму!

-Да, да, понимаю, поэтический вымысел, «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Только почему-то поэтический вымысел у наших лучших писателей всегда принимает характер национального хвастовства. Причем, начиная с наших первых летописей. Вечно мы тщимся доказать свое превосходство над другими народами, что, принимая во внимание нашу вековую отсталость от Европы, и глупо, и пошло. Пусть Пушкин не писал историю, но Толстой писал именно историю! Во всяком случае, на это претендовал. И что же получилось? Не стану заступаться за Наполеона, оставлю эту честь французам, но наш великий Кутузов совсем не был мудрым всепонимающим полководцем! Да и великим он вовсе не был. Он был талантливый генерал, смелый в сражениях, но в придворной жизни – льстец и угодник. Многие боевые генералы его за это презирали. Никчемному любовнику Екатерины Платону Зубову, который ей во внуки годился, а ему – в сыновья, он в постель кофе подавал. И при Аустерлице не посмел Александру возразить, в результате чего мы потерпели одно из самых сокрушительных поражений! Это при том что Толстой весьма нелицеприятно высказывался о доморощенном патриотизме!

-Да, встречала. Его наши либералы часто цитируют. Патриотизм – последнее прибежище негодяев, что-то вроде этого, верно?

-У нас в университете русскую историю XIX века Николай Троицкий читал. Когда ты училась, его уже в живых не было, а я застал, повезло. Гениальный историк! Хотя убежденный марксист, как и моя матушка. Автор

лучших работ о войне 1812 года. Я его лекции очень любил, даже на чужие курсы к нему бегал. Он меня в аспирантуру звал, да я не пошел. Меня тогда другое влекло: политика, реформы...

-У нас вообще не было истории, я же на романо-германской филологии училась.

-Про Достоевского и говорить нечего, национальная идея – его конек. И что ни слово – то выдумка!

-Ты же когда-то его так любил!

-Любил, да и сейчас люблю, а попробовал недавно перечитать и даже расстроился. Когда-то он большое влияние оказал на формирование моих религиозных взглядов, усиленное интерпретацией наших выдающихся мыслителей: Бердяева, Розанова, Мережковского и других. Помнишь его «Поэму о Великом Инквизиторе»?

-Нет, извини,- виновато улыбнулась Анна.

-«Человек свободен в своем выборе между добром и злом!» - вот его тезис, который в молодости меня прямо пьянил. О ней куча философских трактатов написана. Если коротко, то смысл ее в том, что Иисус повторно является к людям и встречается с Великим Инквизитом, который, по замыслу Достоевского, символизирует католическую церковь. Ну, католическую церковь среди наших писателей только пьяные не обличали... или нет, не так; обличали все, а пьяные русские писатели - с особенным азартом. Так вот Великий Инквизитор пространно и высокопарно упрекает Христа за то, что Он не послушал Дьявола, искушавшего Его в пустыне. Вот если бы Он по совету Сатаны превратил камни в хлебы и принялся раздавать их людям, то те бежали бы за Ним, как собачонки, соглашаясь с каждым Его словом. А если бы Он к тому же явил какое-нибудь чудо, то народная вера в Него стала бы непререкаемой. Ибо, как известно, нет более верного способа манипулировать толпой, чем раздача бесплатной жратвы и всякие чудеса. Но Иисус все это, разумеется, величественно отверг, ибо желал, чтобы человек верил свободно, а не по принуждению. Это, конечно, довольно грубое изложение, у Достоевского и поэтичнее, и намного длиннее.

-Погоди, - задумчиво проговорила Анна.- Но ведь Христос, помнится, кормил народ хлебами, разве нет?...

-Так о чем и речь! И хлебами кормил, и лечил, и чудеса показывал! И Достоевский, который на Евангелии гадал, подобно толстой купчихе, разумеется, об этом прекрасно знал и помнил. И бесстыдный Розанов, написавший целую книжку об этой сказке, тоже знал. И Бердяев знал, и все всегда знали. И главное, я сам знал! Только как-то не хотел уличать любимого писателя. А ведь помнил, с детства, с тех пор, как впервые Евангелие прочел. И всегда меня это смущало.

-Что смущало? Чудеса?

-Ну да, чудеса! Ну вот, зачем, думал я, вся эта чепуха нужна Богу? У него что, дел других нет, кроме как безногому инвалиду ногу приделывать? Да пусть он живет без ноги, ему же лучше, а то ему подавать никто не будет! Я уж не спрашиваю, зачем Бог сначала лишил его ноги, а потом опять ее отрастил, допустим, это моему разумению недоступно. Но Богу-то все заранее ведомо! Он же – Бог! Он – творец всего сущего, создавший все на свете, продумавший все законы физики, химии, механики и прочая и прочая! Неужто Он будет плевать в глаза слепому, как то делал Иисус, или из бесноватого дурачка придурь изгонять? Чуть какая! Он ведь если захочет – всех живущих одним разом вылечит. Или, наоборот, уморит. А такие трюки – в пору деревенскому колдуну показывать, шарлатану из оперы Доницетти.

-Но может быть, Христос хотел доказать этим, что он – Бог?

-А зачем Богу доказывать, что он – Бог? Да еще подобной ерундой! И никакой свободы Иисус человеку не оставлял. Или веруй или вечно будешь гореть в Геене Огненной. Вот и вся свобода!

-Не знаю, что тебе ответить...

-Скажи, что на твою веру это не влияет.

-Не очень,- улыбнулась Анна.- Хотя в чем-то я с тобой согласна...

-И таких выдумок в романах Достоевского чрезвычайно много, хотя не все они носят патриотический характер. Вот тебе, пожалуйста, еще пример, наугад. В тех же «Братьях Карамазовых» все тот же Иван, умнейший персонаж, который и придумал поэму о Великом Инквизиторе, рассказывает страшную историю, которую он якобы вычитал в газете. О том, как богатый генерал, имевший огромную псарню с сотней псарей, насмерть затравил собаками маленького дворового мальчика. И знаешь за что? За то, что тот,

играя, камешком, случайно зашиб ногу любимой генеральской борзой, и та охромела.

-Ужасно! Но почему ты считаешь, что это неправда?

- У тебя есть собака? Нет? Ну ладно, неважно. Скажи на милость, как можно «случайно» подбить собаке ногу камешком? Да еще борзой, самой быстрой в мире собаке? Которую к тому же охраняет целая сотня псарей?

-Слушай, а ведь действительно!.. По-твоему, мальчик сделал это нарочно?

-Думаю, он вообще этого не делал, а всю историю Достоевский выдумал. Ты только представь, какая участь ждала бы этого генерала, если бы подобный случай был действительно описан в газете! Суд, Сибирь или сумасшедший дом. Достоевский любил слезу вышибать из читателя, поражать его в сердобольное сердце. Многих поразил, в том числе и меня. Прямо, как тот мальчик - собаку.

-Жалеешь об этом?

-Нет, что ты! Я думаю, что если бы Достоевский писал о нас, о русских, так, как мы того заслуживаем, он никогда бы не стал великим русским писателем. Не стали бы его читать с такой жадностью. И никакой талант ему бы не помог. И если уж на то пошло, никто бы из наших писателей не стал, включая Пушкина.

-Почему?!

-Потому что правда в России никому не нужна.

-А здесь нужна?

Норов усмехнулся.

-Ты права. Пожалуй, и здесь не нужна,- признал он.

-А тебе нужна?

-А мне нужна! Хотя спроси меня, зачем, я не отвечу...

-А я с твоей мамой иногда по-прежнему созваниваюсь, - вдруг сказала Анна.- Мы с ней подолгу разговариваем. Она – очень умный человек, хотя порой бывает резковата. Но сердце у нее – золотое. Однажды Лев серьезно

заболел, нас с ним в больницу положили, так она сама примчалась, тут же с главврачом договорилась, чтобы Льва лучшие специалисты лечили. Чуть ли не каждый день приезжала, пока он не выздоровел...

-Смотри-ка! А мне она ничего не рассказывала.

-Ну, она вообще довольно закрытый человек. Я ее очень уважаю. Замечательная женщина!

-Это правда. Но в разведку с ней все-таки лучше не ходить.

-Почему? Она же не испугается, не подведет!

-Не испугается. Но пристрелит, если заметит, что ты боишься. Жалеть не умеет и слабости не прощает.

-Ты преувеличиваешь! Она сейчас стала гораздо мягче. Я помню ее пятнадцать лет назад – скала, а не человек! Да и ты заметно переменялся...

-Волос стало больше или тоже смягчился?

-И то, и другое, - улыбнулась Анна.

-Это, наверное, от радости, что ты прилетела.

* * *

В четырнадцать лет Норов записался в бокс. И для матери, и для сестры и для одноклассников это был дикий поступок. В интеллигентских кругах к боксу относились с презрением, считалось, что это спорт для шпаны из подворотен. В английской школе ребята занимались теннисом, плаванием, легкой атлетикой; девочки – художественной гимнастикой и танцами. Многие учились музыке или рисованию, но боксом не занимался никто.

Норову давно хотелось научиться драться. Ему было стыдно, возвращаясь вечером, при виде уличных хулиганов переходить на другую сторону улицы, чтобы не получить от них по голове. В те времена подростков с рабочих окраин переполняла агрессия. Дрались много, среди них это считалось доблестью. Бились двор на двор, улица на улицу, квартал на квартал. Рубились беспощадно, зверски: камнями, палками, железной арматурой, велосипедными цепями. Порой доходило до серьезных увечий. Изредка они совершали набеги на центр города, и горе было тем юнцам из

приличных семей, которые попадались им в руки. Их грабили, избивали, унижали.

Детские спортивные секции были бесплатными, и осенью, когда в них начинался набор, немало злых, драчливых мальчишек шло в бокс. Тренеры с большим наплывом не справлялись, и чтобы остудить подростков, они, нарушая все учебные предписания, устраивали между новичками бои. Ребята, не обладая должными спортивными навыками, не умея толком защищаться, дубасили друг друга немилосердно, после чего ряды желающих заметно редели.

Норов, зная, что мать не одобрит его выбора, не ставил ее в известность о своем решении. Но ему все равно пришлось признаться, когда после второй тренировки он вернулся домой с распухшим носом и фонарем под глазом. Мать, конечно, устроила ему разнос, требовала, чтобы он бросил «этот тупой мордобой», вернулся в плавание или занялся чем-то достойным, «как другие ребята». «Ты должен научиться думать головой, а не махать кулаками!» - бушевала она. Старшая сестра, которая уже успела окончить школу с золотой медалью и поступить в медицинский институт, выразительно крутила пальцем у виска: «Паша, ты совсем того, что ли?!...»

Норов, молча выслушав бурные излияния матери, взял из аптечки бодягу и, мрачно сверкнув на сестру подбитым глазом, удалился в свою комнату. К тому времени матери удалось сменить их тесную «двушку» на трехкомнатную квартиру, - в Горздраве приняли во внимание ее стаж, выдающиеся заслуги и наличие у нее разнополых детей. Теперь у Норова и сестры было по комнате, а мать по-прежнему самоотверженно спала на диване в гостиной.

К концу октября в группе бокса осталась лишь пятая часть от тех, кто пришел в сентябре. Норов остался, «перетерпел», как выражался его тренер.

* * *

-Если хочешь отвлечься, могу рассказать тебе кое-что любопытное про твоего приятеля Жерома Камарка,- весело сообщила Анна.- Вчера перед сном успела порыться в интернете. Он, оказывается, маркиз не в полный рост и даже не по пояс, - Ляля, наверное, будет очень огорчена. Титул присвоил его дедушка, который купил замок Камарк и стал называть себя маркизом Камарком. Поскольку титулов во Франции официально не

существует, нахального дедушку никто не одернул, тем более что замок он отреставрировал на собственные средства, вложил в него большие деньги, хорошее дело сделал.

-А чем дедушка раньше занимался?

-Дедушка, похоже, был авантюристом, сменил десяток профессий от страхового агента до продавца бытовой техники, но главным его достижением стало то, что он женился на богатой еврейке, вдове крупного коммерсанта. У них был единственный сын – отец Жерома.

-Так вот откуда у Жерома этот палестинский зной в глазах!

-У него, между прочим, и мать еврейка.

-Это – которая возглавляет комиссию по французскому дворянству? Как это по-французски! Французская знать с незапамятных времен смешивалась с богатыми евреями, для них это дело обычное. Поскреби русского аристократа, обнаружишь татарина, поскреби французского, найдешь еврея.

-На покупку и реставрацию замка ушла большая часть бабушкиных денег, а отец Жерома прогулял и свое наследство, и приданое жены, так что бедному Жерому кроме титула ничего не досталось. Папаша разбился на машине, нетрезвый сел за руль; вдова и дети устроили преждевременно усопшему маркизу пышные похороны. Французская аристократия оплакала его кончину.

-Наверное, титул помогает Жерому в его профессии. Одно дело – купить шато у заурядного агента по торговле недвижимостью, совсем другое – у маркиза! Уровень доверия повышается на порядок.

Глава шестая

* * *

В средние века Броз-сюр-Тарн был маленьким городком, но постепенно разросся и теперь насчитывал уже около десяти тысяч жителей, что по французским меркам делало его серьезной административной единицей. Он тянулся вдоль Тарна, километров на пять, выходя на реку древней крепостной стеной, вернее, ее сохранившейся частью.

Через весь его центр проходила широкая полоса парковки для машин, казавшаяся непропорционально огромной для скромных городских размеров. В будни она по большей части пустовала, но по субботам, в рыночный день, здесь в два ряда выстраивались фургоны и прилавки торговцев, покупатели съезжались со всей округи, становилось очень оживленно.

Норов и Анна приехали в начале одиннадцатого; утро вновь выдалось солнечным, день обещал быть теплым, как и накануне. Свободных мест для парковки уже не было ни на стоянках, ни на тротуарах перед домами. Французы обычно не бросают машины, где попало, но рыночные дни составляют исключение, полиция смотрит сквозь пальцы на нарушения.

Зная секреты местных улиц, Норов свернув в проулок, ловко припарковал машину во дворе в двух шагах от рынка, и они с Анной в людском потоке неспешно побрели вдоль рядов. Как ни страшна была угроза пандемии, но французская жизнерадостность брала над ней верх, и атмосфера на рынке царила праздничная. Тут и там активисты раздавали листовки; соседи и знакомые, заметив друг друга, останавливались, целовались и тут же вступали в оживленный разговор, мешая общему движению; их безропотно огибали. Манерные, немолодые гомосексуалисты плыли, держась за руки, бросая высокомерные взгляды на прилавки. Экстравагантные живописные оборванцы курили в сторонке и пили кофе из бумажных стаканчиков, с важностью обсуждая, куда катится мир. Масок не носил никто.

Анна, в больших солнцезащитных очках, с нескрываемым любопытством оглядывалась по сторонам. Повсюду торговали фруктами и овощами, сырами, домашним хлебом, выпечкой, было множество мясных палаток. Между продовольственными прилавками стояли стойки с одеждой, лежали на столах скобяные товары, и рядом – матрасы разных размеров. Большим успехом пользовалась национальная еда: вьетнамская, индонезийская, турецкая, которую готовили тут же и продавали горячей. Пахло пряностями.

-Как много людей! – весело удивлялась Анна. - А это кто – хиппи?

Перед ними неспешно двигалась молодая пара с двумя детьми. Оба были в ярких лохмотьях и сандалиях на босу ногу, их ступни были черными, у

парня с головы свисали длинные дреды, женщина была выбрита наголо; руки обоих были покрыты татуировками.

-Наверное, зеленые активисты,- предположил Норов.- У французов не разберешь. Давай их обгоним, а то пахнет от них, как от нестиранных дедушкиных носков. В зеленых мне не нравится, что они – грязнули. Заботятся о всяких там крысах и прочей живности, а на эстетические чувства окружающих им наплевать.

-Но они очень полезные!

-Только уж очень неумные. Идея сохранения природы – правильная, спору нет, но посвящать ей жизнь?... Слишком она растительная, я имею в виду, бездуховная, не требующая размышления. Ты представляешь зеленого с книжкой? Скажем, с Гете или с Монтенем? Я, правда, вообще мало кого представляю в наши дни с Гете или Монтенем...

Он посмотрел на группу молодых феминисток в кожаных куртках, широких юбках и грубых башмаках, с голыми ногами в татуировках, которые с громким смехом агрессивно прокладывали себе дорогу, покривился и заключил:

– Во всяком случае, не этих красавиц.

-А я в школе хотела вступить в Гринпис, в шестом или седьмом классе. Папа был военным, мы жили в маленьком городке, там не было своей организации. Я писала в головной офис письмо, просила меня принять, объясняла, что хочу быть полезной, готова на любую работу. А мне ответили, что пожертвования я могу отправлять по такому-то адресу. Представляешь, школьнице! Ну, откуда у меня деньги?! Я так обиделась и расстроилась!...

-Ты слишком серьезно к этому отнеслась. Но вообще я тебе скажу, быть зеленым в Европе весьма удобно: ты общественно полезен, всеми уважаем, избавлен от необходимости мыться, стирать и думать. Лучше этого – только быть чернокожим транссексуалом, никто против тебя пикнуть не посмеет из страха быть заподозренным в дискриминации. Увы, не всем везет. Я опять-таки, говорю про Европу, не про Россию. У нас такого растерзают.

-Здорово, что никто вокруг не понимает русского. Можно вслух говорить все, что думаешь! Знаешь, у меня складывается впечатление, что

для французов поход на рынок - больше тусовка, чем практическая необходимость.

-Ты права. Продукты тут ничуть не дешевле чем в супермаркетах и не всегда лучше качеством; сыры и колбасы так точно хуже. Думаю, рынок для них - многовековая традиция, способ социализации. Не представляю, как они будут жить, если из-за карантина их этого лишат. Обрати внимание: сегодня они целуются реже обычного.

-Ой, а мне показалось, все целуются! Такая милая привычка! И они довольно изящно это проделывают. В них вообще много симпатичного.

Они взяли немного фруктов у знакомого Норову продавца, который положил Анне в подарок лишнее яблоко и апельсин, затем подошли поздороваться к чете, продававшей ароматизированные масла собственного изготовления. Веселый торговец в кепке, пожимая руку знакомым, прыскал после дезинфицирующим гелем на ладонь им и себе. Так же он поступил и с Норовым.

-Такое правило, ква? – сказал он, подмигивая.- C'est drôle. (Смешно).

* * *

Блошиный рынок начинался с другой стороны стоянки, через дорогу. Народу здесь было даже больше, чем на продовольственном. Продавали все подряд: старую мебель, посуду, предметы домашней утвари, детские игрушки, в том числе и сломанные; пуговицы, нитки, старые журналы и фотографии. Покупали редко, но немало народу бродило по рядам и просто глазело.

Анна остановилась возле женщины, у ног которой на аккуратно расстеленном куске целлофана лежали вперемежку самые разные вещицы. Анна засмотрелась на старое, довольно большое распятие: строгий, простой крест, сантиметров двадцати пяти в высоту, и на нем – изломанная болью худая вытянутая фигура страдающего Спасителя, с упавшей к плечу головой и выступающими ребрами. Крест был из темно-коричневого дерева, а фигура - из черненого металла. Распятие странно смотрелось среди раскрашенных фарфоровых слоников, потускневшей кофейной пары, тощих диванных подушек и прочей ерунды.

Анна взяла крест в руку, подержала и вновь бережно опустила на землю.

-Нравится? – спросил Норов.

-Да,- кивнула она.- В нем столько... суровости. Непривычно. Наши совсем другие. Его на стену вешать?

-Да, например, в изголовье кровати. Купим?

-Даже не знаю... Я бы взяла Левушке...

-Bonjour, madame,- обратился Норов к женщине.- C'est combien? (Добрый день, мадам. Сколько это стоит?)

-Bonjour monsieur, - улыбнулась та.- Trente-cinq s'il vous plait. (Добрый день, месье. Тридцать пять).

-Не дороговато? – негромко спросила Анна.- Может быть, поторговаться?

-Здесь не принято. Торгуются на востоке, где цена специально завышается, чтобы потом ее сбросить. Французы просят трезво, больше двух евро она не уступит, а радости ей будет гораздо меньше. Зачем же лишать ее удовольствия?

Женщина с любопытством прислушивалась к их разговору.

-Vous etes d'ou? – спросила она. (Вы откуда?)

-Русские,- ответил Норов.

-Я слышу, что язык славянский, но не смогла угадать. Люблю русский язык, в нем столько музыки!

-В русском? – переспросил Норов.- А мне кажется, что по сравнению с французским, он звучит, как удары топора.

-Ну нет!- засмеялась женщина.- Мне нравится.

Норов отдал ей деньги, она положила распятие в бумажный пакет и поблагодарила за покупку.

-Какое красивое! - сказала Анна, доставая распятие и рассматривая его.- Спасибо тебе. Левушка очень обрадуется. Жаль, что не смогу сказать

ему, что это от тебя. Я ведь здесь тайком,- она виновато улыбнулась.-
Поехала на конференцию в Москву, и вот - сбежала...

-Зачем ему знать про меня?- пожал плечами Норов.

-Ну как же! – запротестовала Анна.- Я рассказывала ему кое-что... даже довольно много.

-О, ну в таком случае, он знает обо мне больше, чем мои сыновья,- усмехнулся Норов.

-Кстати, как они? Ты с ними видишься?

-Деньги можно перевести и заочно, иной потребности во мне у них не возникает.

-А у тебя в них?

-Наверное, во мне недостаточно выражены инстинкты, которые заставляют считать собственного отпрыска лучше прочих лишь потому, что ты произвел его на свет. Когда я встречаю талантливых молодых ребят, всегда стараюсь им помочь, в том числе и деньгами. Радуюсь, если у них что-то в жизни получается. Я был бы очень рад осмысленному общению со своими сыновьями, но как-то не сложилось. Должно быть, я что-то упустил.

-Сколько сейчас Павлуше лет?

-Скоро тридцать.

-Чем он сейчас занимается?

-Тем же, что и раньше, - ничем. Обдумывает выгодные проекты, на которые ему не хватает денег. Считает, сколько я ему не додал, обижается.

-А Ванька? Ты его очень любил...

-Ванька окончил школу и поступил на юридический.

-Что-нибудь читает?

-Так и не научился.

-Чем интересуется?

-Судя по тому, что он сильно растолстел, - едой.

-Мне жаль,- искренне сказала она.

-И мне,- он криво усмехнулся.

-По-прежнему винишь себя?

-Рад бы свалить вину на кого-то постороннего, да вот только на кого? Парни от разных женщин, а результат один. Значит, все-таки, mea culpa.

Они прошли еще немного и Анна вновь остановилась. На сей раз она заинтересовалась старинной металлической машинкой для измельчения перца. Пожилой француз хотел за нее 20 евро.

Анна нерешительно посмотрела на Норова.

-Можно я все-таки поторгуюсь? – попросила она.

-Можно,- кивнул Норов.- Только не при мне.

Он протянул французу двадцатку, взял машинку и отдал Анне.

-Спасибо, но мне неловко, честное слово. Я тебя разоряю!

-В пух и прах!

-Я бы сама купила. У меня есть деньги.

-Ты купила бы? – хмыкнул Норов.- Не поверю! Ты никогда ничего не покупаешь: только торгуешься и отходишь.

-Потому что цены всегда слишком высокие!

-Или кто-то слишком жадный.

-Я – жадная?! Ничего подобного! Я – очень щедрый человек...

-Самый щедрый в мире после Гаргапона и Скупого рыцаря. Кстати, что ты собираешься делать с этой машинкой?

-Не знаю. Просто поставлю где-нибудь на кухне. Она такая...изящная и совершенно ненужная. Будет создавать мне настроение.

-Первый раз вижу, что ты заинтересовалась чем-то бесполезным. Прежде ты отличалась исключительным практицизмом. Что с тобой творится? Так ты и музыку слушать начнешь, и книги читать.

-Я читаю книги!

-Поваренные?

-Исторические!

-Перестань. Не сочиняй, тебе не идет.

* * *

Анна наклонилась, чтобы посмотреть лежавшие на земле черно-белые фотографии, в древних белых рамках, которые продавал толстый меланхолический француз. Выпрямляясь, она вдруг покачнулась, на мгновение потеряв равновесие. Норов успел ее подхватить.

-Ой!- пробормотала она.- Прошу прощения.

-Что с тобой?

-Ничего... просто голова вдруг закружилась... - Она попыталась улыбнуться.- У меня бывает. Сейчас пройдет, не обращай внимания...

-Пойдем, сядем где-нибудь.

До спортивного кафе неподалеку она шла, опираясь на его руку. Они сели за свободный стол, она все еще была бледна.

-Тебе не холодно? – заботливо спросил Норов.- Может быть, переберемся внутрь? Или возьми мою куртку, сверху накинешь.

-Нет, нет! Тут так хорошо! Солнце, французы!..

Подошла пожилая официантка, веселая и бестолковая, - то ли пьяненькая, то ли обкуренная марихуаной. Норов попросил бокал вина, а Анна зеленого чая. Та никак не могла запомнить нехитрый заказ, радостно улыбалась, кивала и повторяла:

-Tres bien.

-Может быть, тебе тоже выпить вина? – спросил Норов.

-Мне в последнее время почему-то не очень хорошо от вина, голова кружится. Тут найдется где сполоснуть лицо?

-Конечно, пойдем.

Внутри кафе все столики были заняты. Перед барной стойкой на высоких табуретах сидели два небритых полупьяных грязных алкаша и о чем-то громко спорили с хозяином. На полу дремала облезлая собака, которая, казалось, тоже не просыхала и не успевала мыться.

Спортивные кафе в маленьких французских городках являются одновременно и самым популярными, и самыми значимыми заведениями. Здесь бывает и приличная публика, но много опустившихся, сомнительных личностей, а то и совсем бродяг. Они покупают лотерейные билеты, делают ставки на скачки, которые беспрерывно транслируют по телевизору, и курят на террасе марихуану, стойкий запах которой различим уже на подходе.

-Где туалет? – поздоровавшись, спросил Норов у хозяина.

Алкаши, услышав иностранный акцент, с нескрываемым любопытством уставились на него и Анну. Под их взглядами Анна невольно напряглась и взяла Норова под руку.

-По залу до конца направо,- ответил хозяин Норову.- Там дверь.

Он выразительно посмотрел на алкашей. Один из них кашлянул, поднялся на ноги, качнулся, но устоял. Норов почувствовал, как пальцы Анны на его руке сжались сильнее. Похоже, она ожидала неприятностей.

Алкаш еще раз прочистил горло и произнес хрипло, но учтиво:

-Месье-дам, позвольте я вам покажу.

Анна выдохнула, Норов рассмеялся.

* * *

Когда Анна вернулась на террасу, она выглядела уже лучше.

-Так непривычно видеть подобную вежливость от бродяги,- вспомнила она недавний эпизод.- Какие французы все-таки церемонные.

-Да, в быту они чрезвычайно вежливы и терпимы. Однако стоит правительству поднять на четыре цента цену за литр мазута или выдвинуть идею постепенного увеличения пенсионного возраста, пусть даже в далеком будущем, и вся Франция, негодующая и неистовая, тут же ринется на баррикады. За свои гражданские права французы готовы драться с полицией, крушить витрины, жечь машины, громить государственные учреждения.

-У нас такое представить невозможно!

-У нас все наоборот. Русский человек в быту груб, нетерпелив, агрессивен. Он орет матом на жену и детей, хамит незнакомым и по всякой ерунде лезет в драку, особенно если оппонент уступает ему в габаритах. Но перед властью он вмиг теряет всю дерзость; прижимает уши, трепещет и заикается. Какие нам баррикады! Нас можно вколачивать в землю, вместо шпал, класть сверху рельсы и пускать железнодорожные составы. Мы не издадим ни звука, чтобы там, наверху, кто-нибудь не подумал, что нам не нравится!

* * *

За стол в нескольких шагах от них сели трое пожилых англичан; две женщины и высокий мужчина в бейсболке с каким-то рассеянно-бесшабашным выражением гладко выбритого длинного лица. Все трое были голубоглазы, светлокожи и выделялись среди здешней южной французско-испанской пестроты.

-Hi, Paul! – крикнул мужчина Норову.- How are you?

Женщины тоже повернулись, заулыбались.

-Fine. And you, captain?

-Great, - энергично кивнул англичанин.- Beautiful country, nice climate... but, you know...- он поморщился, неопределенно мотнув головой в сторону рынка. (Отлично. Красивая страна, хороший климат... но, знаешь....)

-I understand, captain. My sincere condolences. (Понимаю, капитан. Сочувствую).

-Never mind,- великодушно отозвался англичанин, взмахивая рукой.- It's not your fault. However, we should accept the world how it is. (Переживем. Ты в этом не виноват. В конце концов, следует принимать мир таким, какой он есть).

-I'm not sure, captain. (Не уверен, капитан).

Англичанин подумал.

-Me too,- ответил он. (Я тоже).

-Знакомый? – спросила Анна.

-Ричард Гарднер, - ответил Норов. – Превосходный пилот, бывший командир экипажа, двадцать пять лет стажа, сейчас на пенсии. У него тут небольшой частный самолет, он на нем иногда катает друзей. Он и меня пару раз брал за компанию.

-За деньги?

-Да нет, просто не может без неба. Жалуется, что скучно.

-Какие же англичане чудаки! У него кто-то умер?

-Почему ты так решила?

-Ты выразил ему соболезнования.

-Ах, это! Я посочувствовал ему в связи с обилием тут французов.

-Не поняла?

-Ну, это его любимая присказка: Good country, good weather, but too many French. (Хорошая страна, хорошая погода, но слишком много французов).

-Ничего себе! – засмеялась Анна.- Он не любит французов?

-А кто из англичан их любит?

-Зачем же они здесь живут?

-Он же объяснил: красивая страна, мягкий климат.

-Я читала, что англичане недолголюбивают французов, но думала, это в прошлом...

-Они их, скорее, презирают.

-Презирают? За что?

-За все. За слабость, за неорганизованность, за неряшливость, за беспорядок в домах. Англичане и французы – очень разные. Дом – отражение мироощущения. Французский дом, он не приспособлен для жизни, это декорация. Английские – совсем другие: они солидные, добротные, красивые, в них продуманы все детали. Отличная система

отопления, удобная мебель, большие ваннные комнаты... Единственная беда – никаких кондиционеров, англичане их не выносят, хотя летом тут жарит – ужас! Выше сорока градусов порой поднимается. Когда богатые французы покупают дома, они стараются взять их у англичан. Правда, у тех и цена существенно выше.

-Если английские дома лучше, почему ты не снимешь у англичан?

-Во Франции – английский жит? Это неправильно.

-Но удобно!

-Мама в детстве учила меня, что жить нужно не удобно, а правильно!

-Это, наверное, правильно. Но удобно жить – лучше,- она улыбнулась.-
А кто эти женщины?

-Та, что поизящнее,- жена капитана, Дженнифер. А крупная дама - Лин, ее подруга. Обе немного говорят по-французски, что вообще-то большая редкость. Англичане, живущие здесь, очень плохо знают французский или не знают вовсе, но считают, что говорить по-французски – это шик. От их французского мухи дохнут. Хуже только французы по-английски изъясняются.

-Странно; жить во Франции и не говорить по-французски. Какой-то очень русский подход к чужой культуре.

-Англичане живут тут обособленной английской жизнью: ходят друг к другу в гости, играют в скрабл, выпивают. Пьют, кстати, весьма крепко, уважаю. Был я пару раз на их вечеринках. Если бы я попытался угнаться за этими двумя почтенными дамами, то через пару часов свалился бы под стол. Они не смотрят французское телевидение, не интересуются местными новостями, французскую политику считают чепухой, бытовые товары для дома, продукты и прочее стараются привозить с собой из Англии. Даже сыр, представляешь?

-Не верят во французское качество сыра?

-Они вообще не верят во французское качество.

-Но ведь французы – лучшие в мире сыроделы?

-Давно уже нет. Кажется, на седьмом месте. И по винам они утратили первенство. Даже круассаны лучше делают за границей, чем во Франции.

-А чем занимаются эти англичане?

-Сдают житы. Тут все сдают житы. Только англичане – англичанам, а французы – французам.

-Не смешиваются?

-Редко. Обрати внимание, они единственные, кто пьет тут вино. Современные французы предпочитают пиво. Это забавно. В тринадцатом веке, когда французы явились в Англию по призыву Иоанна Безземельного воевать с английскими баронами, они были поражены грубостью местных нравов. Их шокировало, что англичане ели на глиняной посуде и пили пиво, а не вино. Это явилось едва ли не главной причиной того, что, бросив гадкого короля Джона, они предпочли вернуться к себе.

-Теперь, получается, наоборот?

-Англичане умеют слушать, интересуются суждением собеседника. Французы спрашивают, не слушая ответов, перебивают, учат. Твое мнение их не интересуют, для них важно высказаться. Включи английские новости, ты увидишь спокойный разговор, прилично одетых ведущих, разумный диалог со специалистом. Французское телевидение напоминает еврейский кухонный междусобойчик. Все кричат, перебивают друг друга, несут, не думая, все что придет в голову. Никому нет дела до другого, и все красуются. Женщины-ведущие непременно хотят выглядеть секс-бомбами, даже если они не были таковыми тридцать лет назад, когда весили на пятнадцать кило меньше. Впрочем, у француженок есть одно существенное преимущество перед англичанками.

-Какое?

-Француженка, может быть, действительно реже принимает душ, но от нее пахнет духами. А от богатой англичанки непременно тянет псиной.

-Псиной?!

-Ну, да. У них же вечно – лошади, собаки. И никаких духов. Натурализм, ква? Лошади, правда, великолепные: в холке высокие, сантиметров 180, подобранные, ноги длинные. Очень похожи на тебя.

От неожиданности Анна округлила глаза.

-Я похожа на лошадь?!

-На породистую. – Норов кивнул, подтверждая. – Ты очень красивая! Статная.

-Спасибо. Сейчас зацокаю копытами от удовольствия. А как французы относятся к англичанам?

-Они их страшно не любят, но неохотно признают их превосходство. У англичан больше денег, а это всегда внушает уважение. Ты думаешь, почему со мной тут все почтительны? Потому что я огромный и умный? Отнюдь. Они принимают меня за миллионера. По их мнению, все русские – миллионеры. Туристический бизнес в этих краях во многом зависит от англичан, без них мелкие лавочники быстро загнутся. Но, так или иначе, а английская колонизация уже заканчивается. Они уже лет десять свои дома повсюду продают.

-Из-за Брексита?

-Не только. Их пребывание здесь – это историческая традиция, наследие большой культуры, которая умирает вместе со старшим поколением. Собственно, уже умерла. Жизнь тут – не только развлечение, она требует труда, терпения и немалых денег. Сад, уход за домом, всякое такое. Нынешняя английская молодежь равнодушна и к истории, и к культуре, да она, собственно, повсюду одинакова: пиво, тусовка, интернет, жратва. Молодежь охотнее в Испанию поедет; там море, пляжи, дискотеки.

* * *

Плаванье Норов не любил, но с ребятами из группы у него были хорошие отношения, а главное – в глубине души он был очень привязан к Гальке, даже любил ее, но как-то стыдливо, боясь хоть чем-то это проявить или показать. С боксом все было иначе. Азарт острого соперничества возбуждал его. Он любил бой, обязательный страх перед началом, который подкатывал к горлу и который каждый раз нужно было преодолевать; торжество от разгаданного маневра противника; радость точного удара, слепую злость от пропущенного, жгучее счастье победы.

После шести с половиной лет в плаванье, с его изматывающим однообразием, он без труда справлялся с рваным темпом тяжелых тренировок. Ему нравилась постоянная смена заданий: переход от скучной

«школы» - отработки ударов перед зеркалом – к «парам», в конце - рутина с мешком и, если повезет, несколько раундов вольного боя. Но атмосферу в секции он переносил с трудом.

Его новые товарищи все без исключения были из самых простых семей, многие - из нуждающихся и неблагополучных. Они не читали книг, плохо учились, сквернословили, их вкусы отличались грубостью, шутки были плоски; оставить похабную надпись в туалете считалось верхом остроумия. Их розыгрыши были жестоки и обидны. Кроме бокса они интересовались только футболом или хоккеем. У каждого из них либо родственник, либо друг чалился на нарах; в уголовниках они видели своих героев, брали с них пример, тянулись в их компании. Музыка существовала для них лишь в виде заунывного блатняка, который они напевали гнусавыми голосами. Среди них не было ни одного, с кем ему было бы интересно перекинуться хоть парой фраз.

В раздевалке нельзя было забывать ценные вещи, – они пропадали, и похитителей никогда не находили. Ребята обирали пьяных на улице и не стесняясь об этом говорили. Если им удавалось поймать в своих «курмышках» чужака, избить его, ограбить и унижить, то они этим хвастались. От подобных историй Норова выворачивало, он не всегда умел это скрыть.

Они с завистью рассказывали о том, как в других спортивных школах тренеры разрешают своим воспитанникам отрабатывать удары на людях в реальных обстоятельствах. Для этого начинающих спортсменов будто бы вывозили к пивнухе, и один из них с пустой канистрой нахально лез без очереди, провоцируя толпу. Возмущенные мужики осаживали зарвавшегося малолетку, он огрызался, ему вешали по шее, и тут уже вступали в бой его товарищи. Мужиков безжалостно метелили; а тех, кто не успел убежать, месили до полной отключки.

Вероятнее всего, это был боксерский фольклор, но подростки в секции верили в него самозабвенно. В доказательство они ссылались на своих старших приятелей, тоже боксеров, которые будто бы имели богатый опыт таких драк. Норов иногда пытался охладить их пыл трезвым упоминанием о том, что взрослые мужики не побегут от подростков, скорее они возьмутся за арматуру, делающую боксерское искусство бесполезным, - но его не хотели слушать.

* * *

С раннего детства приученный матерью к чистоплотности и порядку, Норов с нескрываемым отвращением отворачивался, когда ребята из секции по боксерскому обычаю сморкались на пол, а то и на зеркало, оставляя безобразные подтеки. Он не мог заставить себя даже отплеываться в ведро с водой возле ринга, что на тренировках было обязательным. Когда во время отработок приходилось обнимать потные немые тела партнеров, ныряя и уклоняясь, вдыхать едкий запах их подмышек, он невольно задерживал дыхание.

О гигиене юные боксеры вообще имели представление самое смутное. Горячая вода в душе часто отсутствовала, с весны по осень ее отключали, и, не желая лезть под ледяную струю, ребята после тренировок не мылись. Насквозь потные майки они, правда, изредка стирали с мылом в умывальнике и сушили их прямо в раздевалке, на батарее, отчего там всегда был тяжелый запах. Бинты они не стирали никогда.

В их характере и повадках была подловатая хитрость, свойственная подросткам с городских окраин. Работая в парах, они, пользуясь промахом товарища, часто норовили врезать ему побольнее. Норов, пропуская намеренные удары, про себя злился, но никогда не отвечал тем же; если ему случалось нечаянно стукнуть партнера слишком сильно, он извинялся. Это неизменно сердило тренера, довольно снисходительного, но на ринге по-боксерски безжалостного.

-Еще раз извинишься, я тебе так врежу, - мало не покажется! – бросал он Норову.- Будешь извиняться – бить не научишься. Пропустил – сам виноват! Это бокс, а не балет, понял, интеллигент?

Тренера звали Василий Сергеевич, но воспитанники почему-то именовали его за глаза Вась-Вась. Худой, сутулый, как все боксеры, с испытующим взглядом исподлобья серых волчьих глаз, в прошлом хороший боец, тренер был аккуратен в быту, всегда чисто выбрит и щеголеват в одежде. Как и все тренеры, он приписывал себе лишние тренировки, чтобы ему не сократили ставку; вывозя мальчишек на соревнования, обязательно кроил на питании и проезде, но к своим обязанностям относился добросовестно.

В группе у него были свои любимцы, с которыми он возился больше, чем с остальными. Норов в их число не входил. Тренер видел, как сильно отличается он от других ребят, надежд на него не возлагал, считал его приход в бокс недоразумением и, кажется, был уверен, что долго тут Норов не продержится. Порой Норов ловил на себе его взгляд, Вась-Вась смотрел на него с любопытством, как на диковинку. Он называл Норова «интеллигентом» и «залетным». Последнее звучало обидно, но Норов терпел. Хуже было то, что «залетный» закрепилось за Норовым как прозвище среди подростков в группе.

Глава седьмая

* * *

Ресторан, принадлежавший Клотильде и Даниэлю, был лучшим в Брозюр-Тарне, а, может быть, и во всей округе. Он назывался «Четыре сезона» и выделялся среди других заведений и остекленным дорогим фасадом, и интерьером. Все официанты здесь были молодыми мужчинами, носившими черные брюки и черные рубашки, - в итальянском стиле, ценимом французами. Во время обеда и ужина он всегда был полон, но сегодня народу здесь было даже больше обычного.

Клотильда, не желая терять выручку в рыночный день, не стала закрывать ресторан по случаю дня рождения дочери. С французской практичностью она поставила для своей большой празднующей компании дополнительные столы, расположив их на улице в ряд, чуть сбоку от входа и отгородив их от прочих посетителей переносными подставками с цветочными горшками.

-Черт!- спохватился Норов.- У нас нет подарка для Мелиссы!

-Но весь нас не приглашали на праздник,- возразила Анна.- Мы сядем среди обычных посетителей.

-Мы не можем не поздравить девочку!

-Почему? Мы не обязаны. Хочешь, просто развернемся да уйдем. Пообедаем в другом ресторане или вообще дома...

Но к ним уже приближалась Клотильда, нарядная, красивая, в темно-бордовом открытом бархатном платье ниже колен и туфлях на каблуке. Накинута сверху черная куртка несколько портила ее безупречную элегантность.

-Поль, Анна! Хорошо, что вы пришли! Рада вас видеть.

Она трижды расцеловалась с обоими.

-Trois fois, a la russe,- весело проговорила она.

От нее пахло дорогими духами. Вырез платья открывал полную грудь, на которой лежало ажурное золотое ожерелье.

-Я оставила вам стол, но лучше присоединяйтесь к нам!

-Неудобно, у вас семейный праздник,- попыталась уклониться Анна.

-Все будут только рады! Пойдемте.

Норов незаметно сделал Анне гримасу, показывая, что они попали в переplet. Та лишь развела руками: что поделаешь?

Гостей, собравшихся на день рождения Мелиссы, было человек двадцать, может, чуть больше, все принаряженные, веселые и оживленные. Франтоватый Даниэль сегодня щеголял в новом жилете; Лиз в светлом платье под расстегнутой курткой и Жан-Франсуа сидели рядом, в середине стола. Жан-Франсуа в пиджаке и рубашке имел куда более respectable вид, чем накануне. Неподалеку от стола играли дети; именинницу, очень хорошенькую девочку со светлыми волосами, уложенными локонами, можно было сразу узнать по белому платью и золотой короне на голове.

Лиз и Жан-Франсуа поднялись из-за стола навстречу Норову и Анне.

-Хотите, я посажу вас здесь? – спросила Клотильда.- Лиз, ты позаботишься о Поле и Анне? Жана-Франсуа просить об этом бесполезно, он и о себе-то не может позаботиться...

-Ну почему же? – весело отозвался Жан-Франсуа, тряхнув своим хвостом волос. – Я вполне в состоянии предложить Анне бутылку пива...

-Я позабочусь, не беспокойся,- отозвалась Лиз.

-Даниэль! – позвала Клотильда мужа.- Скажи, чтобы стол, который мы оставляли, Полю и Анне, поставили в конец, - так всем хватит места.

-Может быть, Поль и Анна сядут к нам? – предложил Даниэль.

Он и Клотильда сидели в начале стола, вместе с родителями Клотильды и Жана-Франсуа. Родители Даниэля, к слову, отсутствовали; то ли они жили слишком далеко, в другом регионе, то ли их не позвали.

-Спасибо, мы лучше здесь, с нашими друзьями,- ответил ему Норов, приветственно помахав рукой родителям Клотильды.

– Это Анна и Поль,- объявила Клотильда.- Они из России.

Появление иностранцев, да еще из столь экзотической страны заметно оживило французов. Они сразу заулыбались, желая сказать Норову и Анне что-нибудь приятное.

-Россия! – задорно крикнул с конца стола какой-то молодой мужчина.- Спасибо! Хорошо!

-К сожалению, это все, что я знаю на русском,- прибавил он уже по-французски.

-Отлично! – крикнул в ответ Норов, подражая его интонации.- Бонжур! Водка! Лямуртужур!

-Все, что я знаю по-французски,- заключил он на французском.

Все засмеялись.

-Остальное понятно без слов, - заверил отец Клотильды, пожилой представительный черноволосый мужчина с сединой на висках, поднимая бокал в честь новых гостей.

-Мелисса, дорогая!- позвала Клотильда.- Можно тебя на минутку?

Мелисса подбежала, слегка запыхавшись. Правильными тонкими чертами лица она напоминала отца, но глаза у нее были синими, яркими, как у матери. Ее подруги - две девочки примерно ее лет и мальчик помладше, оставив игру, наблюдали издали.

-Ей сегодня девять лет,- сказала Клотильда.- Поздоровайся с Полем и представься Анне.

-Bonjour, меня зовут Мелисса,- проговорила девочка вежливо.

-А меня – Анна, - Анна протянула ей руку.

Услышав непривычный акцент, девочка взглянула на нее с интересом.

-Анна – из России,- сказала ей мать.

-Очень приятно,- проговорила девочка, пожимая руку Анне.- А я – из Аквитани.

-Мы забыли дома подарок, извини, пожалуйста, - сказал Норов.- Можно мы сделаем его позже?

-Pas grave, (неважно),- отвечала девочка.

-В этом нет никакой необходимости! – поспешно прибавила Клотильда.- Не беспокойтесь.

-Я могу идти? – спросила Мелисса.

Она порывисто шагнула к отцу, потерлась виском о его бородатую щеку и вновь убежала к подругам.

* * *

Отец Клотильды был в хорошем темно-синем костюме, без галстука, в кашне, небрежно завязанном поверх пиджака. Его жена, все еще красивая женщина в длинном пальто поверх платья, с коротко постриженными густыми седыми волосами, даже когда улыбалась сохраняла отчужденное выражение лица. Рядом с ними сидели родители Жана-Франсуа: пожилой мужчина с длинным выразительным лицом, живыми карими глазами и шкиперской бородкой, и очень худая, смуглая женщина, южного яркого типа, с большими черными глазами и деревянными бусами на шее. Мужчины спорили о режиме ограничений, предложенном накануне президентом. Отец Жана-Франсуа горячился, отец Клотильды сохранял ироничное спокойствие. Некоторые из гостей прислушивались к их разговору, - тема была актуальной.

-Этих мер совершенно недостаточно! – убеждал отец Жана-Франсуа.- Они не дадут никакого результата. Необходим строгий карантин, как в Испании.

-Реми, карантин это удар по бюджету! - рассудительно возражал отец Клотильды.- С точки зрения медицины он не поможет, но подорвет экономику.

-Мне кажется, карантин нужно было вводить гораздо раньше,- поддержала Реми его жена.- Правительство, как всегда, упустило время.

-Обрати внимание, как одет отец Жана-Франсуа, - негромко по-русски заметила Анна Норову.- Он в летних сандалиях и толстых шерстяных белых носках! Прийти в таком виде на праздник!

-Франция,- улыбнулся Норов.- Свобода. Деревня. Теперь понимаешь, у кого Ванюша учится стилю? Худая женщина рядом с ним – Ванюшина мать. Ее зовут Шанталь.

-Никогда бы не подумала!

Анна невольно бросила взгляд на Жана-Франсуа, тот заметил это и ответил вопросительным взглядом.

-Я сказал ей, что это твои родители,- пояснил ему Норов.

-А,- Жан-Франсуа улыбнулся, показывая мелкие неровные зубы, и закивал.- Да, это мои старики. Славные, правда? Я не очень на них похож?

-Ну, некоторое сходство есть, - дипломатично ответила Анна.- А чем они занимаются?

-Оба на пенсии. Раньше отец преподавал французский язык в лицее, а мать – учила музыке.

-Значит, любовь к музыке у вас - наследственное?

-О, да. У меня еще трое братьев, все музыканты. Папа сам не играет, но он – меломан. Жить без музыки не может. Он слушает ее больше, чем я.

-Реми написал книгу о гонениях на евреев во время второй мировой войны,- не без гордости вставила Лиз.- Ее издали здесь и перевели в Израиле. Он возглавляет местную ассоциацию, которая расследует преступления нацистов против еврейских детей.

-Немцы здесь преследовали евреев? – спросила Анна.

-Немцев здесь не было,- ответил Жан-Франсуа.- Вишисты. Они пробовали ловить евреев, но в наших краях французы евреев не выдавали.

-Отец мне рассказывал, как бабушку с дедушкой укрывали в своем доме протестанты,- чуть покраснев, прибавила Лиз.- Говорили вишистам, что это их родственники.

-Так поступали многие, не только протестанты,- сказал Жан-Франсуа.- И католики, и атеисты.

-Ваша мать похожа на испанку,- сказала ему Анна.

-Есть немного, - согласился он.- В ней четверть испанской крови. А я? Тоже похож на испанца?

-Копия,- подтвердил Норов.- Вылитый Исаак Альбенис.

-Кто? – переспросила Лиз.

Анна тоже вопросительно посмотрела на Норова.

-Великий испанский композитор,- ответил Жан-Франсуа и с шутливой гордостью расправил узкие плечи.

* * *

-Наша экономика не выдержит длительного карантина, – терпеливо объяснял Реми отец Клотильды. - Ее и без того целый год разоряли желтые жилеты! Трудно сказать, во что обойдется даже один месяц. Я думаю, в десятки миллиардов...

-Причем тут деньги, если на кону человеческие жизни! – возражал Реми с какой-то юношеской пылкостью.

-А я и говорю про человеческие жизни! Про социальные гарантии, расходы на медицину, страховки, пособия. Карантин все это съест. Он уничтожит бюджет. Резко ухудшится уровень жизни, население быстро это почувствует.

-Экономика существует для людей, а не наоборот!

-Опять лозунги, Реми,- улыбнулся отец Клотильды.- Вы, социалисты, их очень любите, но платить за них почему-то должны мы, деловые люди. Кстати, сколько людей, по-твоему, будет спасено введением карантина?

-По подсчетам врачей, тысяч сорок, не меньше!

-То есть, ценой подрыва экономики можно в теории спасти сорок тысяч жизней. Подчеркиваю, в теории. Но во Франции в один месяц умирает больше! И не в теории, а в реальности. Но почему-то это тебя не волнует, не так ли?

-К тому же мы сейчас говорим об очень пожилых людях,- напомнила Клотильда.- С хроническими недугами.

-Каждая жизнь имеет значение! – возмущенно воскликнул Реми.

-Гибнут не только пожилые! – запротестовала Шанталь.- Молодые тоже!

-Очень редко,- спокойно заметила мать Клотильды.- Просто газеты пытаются раздуть из каждого случая целую историю.

-Но ни разу я не нашла рассказа о состоянии здоровья этих безвременно умерших молодых людей! – с иронией прибавила Клотильда.- А вдруг они тоже страдали какими-то хроническими расстройствами?

-Какие французы разные! – заметила Анна Норову.- Мне кажется, мы гораздо однообразнее.

-Мы однородны, ты права,- согласился Норов.- Странность – это признак индивидуальности, таланта. А мы, от президента до тракториста, будто из одной глины вылеплены. У нас одинаковые вкусы, взгляды: пельмени, парады, «ура!», шашлыки на праздники, салат «оливье», одна и та же комедия по первому каналу на Новый год. Зная одного русского, ты знаешь всех. Зная одного француза, ты знаешь лишь одного француза.

Даниэль до сих пор не принимал участия в споре, однако, видя, что семья жены выступает единым фронтом, он решил, что пора проявлять солидарность.

-Реми, признайся, что ты опасаешься за себя? – осведомился он.

Это прозвучало дерзко и не очень вежливо.

-Mais non! – тут же заступился за друга отец Клотильды. – Ты ошибаешься, Даниэль! Реми никогда не думает о себе, он –Дон-Кихот. К тому же он не толстый, не больной и не старый. В отличие от меня.

-Папа, перестань, какой же ты старый! – возмутилась Клотильда.- И совсем не толстый!

-Как обычно, он просто напрашивается на комплимент,- заметила ее мать. – Мужское тщеславие.

-Я уже записался добровольцем в группу, которая помогает пожилым людям с доставкой продуктов! - с торжеством сообщил Реми.

-А ты, Даниэль? – едко поинтересовалась Шанталь.- Ты тоже записался?

-Я?...- растерялся Даниэль.- Я... я еще не успел! Мне как-то не пришло в голову...

-Но ты сделаешь это? – не унималась Шанталь.

-Да, но... Но там одни хиппи,... - Даниэль поморщился.

-Неважно, кто они, - парировал Реми. – Важно, что они помогают людям!

-Если бы ты носил жилеты, как у Даниэля, тебе бы тоже это было важно,- с невинным видом проговорила Шанталь.- Хиппи могут его испачкать.

Даниэль не нашелся, что ответить.

-Не беда,- улыбнулся отец Клотильды.- Кло подарит ему новый.

* * *

-Надо что-то придумать с подарком,- сказал Норв Анне.- Мне неловко.

Анна подумала.

-Может быть, я незаметно отойду и поищу что-то на блошином рынке? Или погоди, у меня есть одна идея...

-Какая?

-Увидишь.

Она поднялась из-за стола и подошла к играющим в стороне детям.

-Мелисса, можно тебя на минутку?

Мелисса подбежала к ней и остановилась. Анна присела на корточки.

-У тебя есть сережки?

-Да, есть.

-Покажи их, пожалуйста.

Мелисса подняла прядь светлых блестящих волос, открывая маленькое ухо с симпатичной сережкой, из тех, что продаются в магазинах одежды в качестве сопутствующих товаров, по несколько евро за пару.

-Какие милые!- похвалила Анна.- Они тебе очень идут.

-Это папа подарил!- сказала Мелисса с гордостью.

-А мои сережки тебе нравятся? – спросила Анна, поворачивая к ней профиль.

В ушах у Анны было два тонких изящных кольца, большого диаметра в которых нитка белого золота переплеталась с желтой и розовой. Сверху они были обсыпаны мелкой кристаллической крошкой из циркония.

-Они очень красивые, - вежливо ответила девочка.- Это золото?

-Да.

-Настоящее?

-Настоящее,- подтвердила Анна.

Она вынула сначала одно кольцо, затем другое и протянула девочке.

-Держи. Это тебе.

-Мне?! – Мелисса даже отступила, не веря.

Ее подруги, слушали их разговор и с нескрываемым любопытством рассматривали красивую иностранку. При последних словах Анны на лицах девочек выразилось недоумение.

-Это наш тебе подарок, - улыбнулась Анна.- Мой и Поля.

Мелисса переводила взгляд с Анны на сережки в ее руке, не решаясь их взять. Она обернулась на мать, ища ее совета. Клотильда уже спешила ей на помощь.

-Анна! Это слишком! – попыталась протестовать она.- Мелисса не может принять такой подарок.

-Конечно, может,- возразила Анна.- У тебя будет две пары, Мелисса. Позволь я тебе поменять? Ты немного походишь в этих, чтобы доставить мне удовольствие, а потом, если захочешь, вновь наденешь свои. А еще сможешь носить одну папину, а одну – мою. Тоже интересно.

Мелисса, все еще колеблясь, подставила ей ушки, и Анна аккуратно заменила одни сережки другими. Норов обернулся на Жана-Франсуа, тот, переменившись в лице, сидел, сжав губы.

-Ванюша, она совсем не желала тебя обидеть,- мягко проговорил Норов.

-Да, да, я понимаю,- пробормотал Жан-Франсуа.- Просто...

-Просто ей хочется, чтобы у твоей дочери было две красивых вещи вместо одной,- перебил Норов.

Жан-Франсуа заставил себя улыбнуться. Лиз взяла его узкую кисть в свою большую ладонь. Мелисса тем временем теребила новые сережки и скашивала глаза в безуспешной попытке увидеть собственное ухо.

-Как тебе, мам? Хорошо? – спрашивала она.

Ее подруги взирали на подарок с детским восторгом и завистью. Клотильда сначала поцеловала дочь, затем Анну.

-Trois fois,- растроганно пробормотала она.- Спасибо.

Мелисса побежала к отцу, показывать ему подарок.

Французы за столом были скорее удивлены поступком Анны, чем восхищены. Пока она возвращалась к столу, они смотрели на нее с уважительно-непонимающими улыбками и кивали головами. Отец Клотильды поднял бокал с вином, показывая, что пьет за Анну; его жена сделала то же самое.

- Не слишком деликатно по отношению к Ванюше, но все равно хорошо,- одобрительно заметил Норов Анне.- По-нашему, по-русски. Дорогие сережки-то?

-Какая разница?

-Ну, все-таки...

-Примерно четыреста евро.

-Прилично.

-Я их у Юры купила, нам как раз на работе большую премию дали. Помнишь Юру, ювелира? Мы раньше у него подарки заказывали? Вернее, ты заказывал, а я ездила забирать и расплачиваться. До сих пор к нему заглядываю, когда нужно что-то починить, правда, почти не покупаю, хотя он по старой памяти подарил мне персональную скидку тридцать процентов. Он все время тебе приветы передает...

-Куплю тебе новые! - решил Норов.

-Не надо! Ты мне уже дарил сережки.

-Это когда же?

-Ты не помнишь?! Эх, ты! Я в них хотела приехать, но у них, как назло, застежка сломалась, Юра не успел починить. Ты мне, между прочим, много чего дарил... Вот это кольцо, например.

Она показала ему кольцо с красивым сапфиром.

-Ух ты какое нарядное! Это Юра такое засобачил?

-Ну прям, Юра! Это известная ювелирная фирма! Там внутри есть клеймо. Я его надеваю только по праздникам, а в обычное время храню в сейфе. И с собой привезла в коробочке.

-У меня был вкус. Ладно, кольцо можешь не дарить, оставь себе.

* * *

Между тем, в детской компании назревал конфликт.

По соседству с рестораном Клотильды располагалась недорогая пиццерия, в которой обедал народ попроще и попестрее. Территориальная граница между двумя заведениями условно определялась несколькими

кашпо с цветами, поставленными Клотильдой, а пространство перед ними было уже общим, так сказать, коммунальным.

В пиццерии крайний стол занимали две смешанные пары: давно не стираный француз лет тридцати с небольшим, а с ним – приземистая толстая молодая индонезийка, в таком ярком макияже, что ее можно было принять за актера театра кабуки. Компанию им составлял худой подергивающийся араб с бородкой, по виду наркоман, и бесполоая французенка, в расстегнутой кожаной косухе, из-под которой со впалой груди свисала грязная майка.

Очень смуглый диковатый мальчик, лет пяти, видимо, сын индонезийской женщины от предыдущего союза, возился с хромой неухоженной собакой. Мать время от времени подзывала его к себе, отрывала руками куски пиццы и засовывала ему в рот. Тот жевал, чавкая, частично проглатывал, частично выплевывал на землю под стол. Мать их с ворчанием подбирала и клала рядом с тарелкой.

Мальчик постоянно поглядывал в сторону Мелиссы и ее подруг, явно завидуя их веселости и желая присоединиться, но не зная, как это сделать. И вот в минуту, когда девочки что-то живо обсуждали, мальчик не выдержал, подбежал к Мелиссе, сорвал с ее головы золотую корону, сделал пару шагов в сторону и остановился, глядя на девочек с вызовом. Мелисса, застигнутая врасплох нападением, растерялась, но ее подруга, светловолосая девочка годом или двумя старше, решительно подошла к мальчику, выхватила из его рук корону и, строго погрозив пальцем, вернулась к своим. Лишенный трофея мальчик посмотрел на мать, плюхнулся на землю и пронзительно заверещал.

Мать вперевалку поспешила на помощь, дожевывая на ходу. Розовые лосины переливались на ее толстых бедрах, раскрашенное лицо было угрюмо. Мальчик, что-то плаксиво выкрикивая, указывал ей на подругу Мелиссы, отнявшую у него корону.

-Ты его ударил! – накинулась на девочку индонезийка с ужасным акцентом. - Он – маленький! Ты его бить! Нельзя бить! Я тоже тебя бить!

Девочка испуганно отшатнулась, выронив корону. Мать, молодая приятная женщина, вскочила из-за стола, но муж удержал ее. Французы, привлеченные резкими выкриками индонезийки, озабоченно смотрели на

детей, но никто не решался вмешаться. Норов поднялся и подошел к толстой раскрашенной женщине.

-Bonjour,- сказал он ей.

Та бросила на него враждебный взгляд и не ответила.

-Bonjour, madame! – повторил Норов с нажимом.

Индонезийка молча уставилась на него густо накрашенными черными глазами, такими черными, что зрачок казался неразличимым.

-Вы понимаете по-французски? – поинтересовался Норов, произнося слова как можно отчетливей.

-Я говорить французский! Я – француз! – сердито объявила она и в подтверждение хлопнула себя по толстой большой груди под обтягивающей майкой. Грудь задрожала, как желе.

-Вижу,- кивнул Норов.- Вы, конечно, знаете с какого слова во Франции нужно начинать разговор?

-Я знать слово! – парировала она.

-Какое?

Она опять замолчала, не сводя с него злых накрашенных глаз и пытаясь угадать.

-Со слова «Bonjour»,- подсказал Норов.

Она моргнула и не ответила.

-Не надо кричать на ребенка,- терпеливо проговорил Норов.- Ни на своего, ни на чужого. Это нехорошо. Дети пугаются.

-Он его ударил! – она показала пальцем в сторону сына.

Тот, продолжая сидеть на земле, было замолк, с любопытством наблюдая за происходящим: сначала за грозной атакой матери на девочку, а затем за ее диалогом с Норовым. Заметив интерес к себе, он тут же вновь принялся верещать и хныкать.

-Он понимает по-французски? – спросил Норов у матери.

-Я – француз! – повторила она.

И ее спутник, и другая пара, оставшаяся за столом, смотрели в их сторону и насторожено прислушивались к ее диалогу с Норовым.

- Я уже это усвоил,- успокаивающе заметил ей Норов.- Ты – француз. Liberté, égalité, fraternité. Bonnes manieres. (Свобода, равенство, братство. Хорошие манеры.) В глаза бросается.

Его голос был насмешлив и ровен, и это ее особенно злило.

-Ты француз?! – требовательно спросила она.

-Нет,- улыбнулся он.- Я русский. Enchanté.

-А я – француз!- теперь в ее голосе звучала агрессия.

-Брат, - обратился Норов через ее голову к ее спутнику.- Похоже, у твоего француза небольшая проблема с пониманием. Переведи, ей, пожалуйста, про хорошие манеры и про русских. Мафия, «калашников», ну ты знаешь?..

Но индонезийка уже и сама все поняла. «Калашниковым» во Франции почти официально именуют любое огнестрельное оружие, так что особых пояснений это слово, так же, как и «мафия», не требует. Индонезийка молча схватила сына за руку и довольно грубо встряхнула. Тот сразу успокоился и перестал пищать. Она повела его к столу; по дороге остановилась и исподволь бросила на Норова взгляд, одновременно испуганный и злой.

Норов улыбнулся девочкам, поднял корону, уже надорванную и смятую в перипетиях, и снова водрузил на голову Мелиссы.

-С коронами такое случается сплошь и рядом, - сказал он.- За них всегда воют.

Та улыбнулась, немного неуверенно.

* * *

Возвращение Норова к столу было встречено напряженным молчанием со стороны французов. Никто не высказал ему одобрения и не улыбнулся, даже мать девочки.

-Tu es voyou, Paul, - покачал головой Жан-Франсуа.- Merci quand même.

-Почему все ведут себя так, будто ты совершил нечто неприличное? - возмутилась Анна.- Ведь ты вступился за девочку!

-Французы до смерти боятся обвинений в расовой дискриминации, даже слов «араб» или «мусульманин» стараются не произносить,- пожал плечами Норов.- Правда, Ванюша?

-Вовсе нет!

-Тогда скажи, кто совершил последний теракт в Париже?

-Террористы.

-Вот видишь,- обратился Норов к Анне.

-En tout cas vous avez raison (В любом случае, вы правы), - твердо сказала Норову Лиз, выражая свое несогласие с мужем и остальными.

Официанты начали разносить горячее.

* * *

В редком потоке машин на дороге показался лихой черный «Харлей»; за ним на некотором отдалении солидно плыл серебристый «мерседес». Оба транспортных средства остановились прямо на пешеходной части, игнорируя запреты и правила.

-Прибыла аристократия,- негромко заметил Норов Анне.

-Ляля и Брыкин? – улыбнулась Анна.

-Они - аристократы духа.

Жером, снимая шлем, слез с сиденья, будто рыцарь - с седла лошади. Из лимузина появились Брыкин и Ляля.

-Русские? – спросил Норова Жан-Франсуа.

-Разве не видно?

-Жером! – просияв, воскликнула Клотильда, срываясь с места.

-Ты никогда меня так встречала! – упрекнул Норов Анну.

-Ты имеешь в виду, что я не кричала «Жером»? Но ты же не «Жером»!

-Но ты могла бы кричать: «Не Жером!».

-Я вообще стараюсь не кричать. К тому же ты не приезжал в офис на мотоцикле.

Брыкин в черной расстегнутой куртке с мехом норки внутри подошел к Норову и дружески обнял его.

-Классно, что вы здесь! А мы с Лялькой едем, гадаем: там они – нет?

Ляля, очень эффектная в обтягивающих кожаных джинсах, обтягивающем ярко-желтом джемпере и белом полупальто, чмокнула возле щеки Анны, не дотрагиваясь накрашенными губами, чтобы не испачкать помадой.

-Жером Камарк,- не без гордости представила Клотильда.

Сладко-почтительные улыбки на лицах гостей говорили о том, что они знают, кто такой Жером Камарк, и им льстит его присутствие за их столом. Жером с достоинством сделал полупоклон и, в свою очередь, представил всем Лялю и Брыкина, назвав их своими русскими очень важными друзьями. Последнего он мог бы и не прибавлять: и о национальности прибывших, и об их важности было нетрудно догадаться по их одежде и «мерседесу». Улыбки французов сделались еще слаще и почтительнее.

Ляля улыбнулась гостям и помахала рукой.

-Про нас, что ли? – спросил Брыкин Норова.- Че он там говорит?

-Что ты важный человек,- ответил Норов.

-А, ну это ладно,- снисходительно согласился Брыкин.- А то вдруг ляпнет че-нибудь, я ж не врубаюсь...

Он повернулся к Жану-Франсуа и Лиз.

-Извиняюсь, вы не могли бы подвинуться? – по-русски обратился он к ним.- Пардон, конечно. Бонжур, кстати. Просто нам рядом с ребятами сесть охота. Паш, скажи им.

Официанты, следуя указаниям Даниэля, уже несли им стулья и приборы. Переводить просьбу Брыкина не пришлось, Жан-Франсуа и Лиз догадались сами. Они сдвинулись, уступая место прибывшим, и это

пришлось сделать всем остальным. Жером, воспользовавшись тем, что Даниэль вышел из-за стола, чтобы отдать распоряжения, бесцеремонно занял его место между Клотильдой и ее отцом.

-Чем тут кормят-то? – спросил Брыкин, оглядывая стол.- Фуагрой, что ль? А на горячее что? Я, между прочим, голодный, как волк!

Он заглянул в тарелку Норова и подвигал своим большим кривым носом, принюхиваясь.

-Баранинка? Путевая, нет?

-Отличная,- заверила Анна.

Подошедший официант осведомился у Брыкина и Ляли что они предпочитают: рыбу или мясо.

-Мне баранинку,- попросил Брыкин.- А Ляльке – рыбку. Она же вечно на диете.

Многие русские предпочитают называть еду любовно-уменьшительными именами, бессознательно выражая то чувство нежности, которое она у них вызывает, и попутно подчеркивая, что едят они меньше, чем думают окружающие, глядя на них.

-На сегодня диета отменяется!- объявила Ляля.- Мне тоже баранинки охота.

-Гляди, только не это! - предостерег Брыкин, разводя руки на полметра от бедер.- Не того!

-Ко мне не пристает!- возразила Ляля.- Утром пробежусь километров шесть, разом все слетит.

-Что празднуем-то? – обратился Брыкин к Норову.- Жером мне что-то объяснял, но я не понял. Вроде, чей-то день рождения?

-Вон той девочки,- ответил Норов, указывая глазами на Мелиссу.

-Блин! А я без подарка.

-Жером тоже без подарка,- заметила Анна.- Но его это не волнует.

-Ему можно, он – маркиз, а мне, как говорится, Коран не позволяет,- возразил Брыкин.- Ляльк, ну и че делать?

-Да дай денег и всех делов! – не задумываясь, предложила Ляля.

-Сколько, сотку? Две? Три?

-Да они тут все облезут с трех сотен! – возмутилась Ляля.- Сто – выше крыши!

-Сотня - несерьезно,- поморщился Брыкин и полез в барсетку за деньгами. – Скажут еще, что русские – жмоты, на подарке решили закрыть.

Достав толстую пачку купюр по сто евро, он отделил три, потом одну вернул на место.

-Две дам, - решил он.- Три – много.

-Правильно! – поддержала Ляля.- А лучше – сотню.

-А давать-то как? Прямо так, что ли?

-Конечно! Двести – они всегда двести, им все рады.

-Подожди, я спрошу у Даниэля, может быть, у него найдется конверт,- сказал Норов.

Даниэль, оставленный без места, в это время стоял чуть в стороне, решая, где ему сесть. Норов, поднимаясь, перехватил его ненавидящий взгляд, направленный на Камарка, который уже что-то непринужденно рассказывал отцу Клотильды. Клотильда при этом весело смеялась.

-Как думаешь, он догадывается? – спросила Анна. Она тоже заметила эту сцену.

-Похоже, не догадывается, а знает.

И он направился к Даниэлю.

* * *

-Мы с утра кое-какие домишки присматривали,- принялся рассказывать Брыкин, когда Норов вернулся.- Жером нам показывал.

-Вы же уже выбрали шато!- удивилась Анна.- Или оно вам разонравилось?

-Да не об нас речь, хочу сюда ребят из Москвы затянуть, - объяснил Брыкин. -Я же не смогу сам этой херней заниматься, ну виноградом этим, вином, - у меня в Москве дел по горло. Я здесь подолгу торчать не буду: прилетел-улетел.

-Я что ли одна тут буду крутить? – живо откликнулась Ляля.- Я тоже в Москву хочу!

-Я ж тебе тысячу раз говорил: выбирай: либо шато, либо – Москва. За виноградником по-любому пригляд нужен. Поливать, обрезать, урожай собирать, разливать, продавать, короче – дел хватает!

-Ага! А ты в это время будешь телок снимать!

Брыкин хохотнул, довольный ее ревностью.

-Ну вот еще! – запротестовал он, подмигивая Норову.- Делать мне что ли больше нечего? У меня, Паш, такая мысль: чтоб Лялька одна тут не скучала, надо ей компанию обеспечить. Заодно, может, агенство по недвижимости откроешь на пару с Жеромом, слышь, Ляль? Он же по всей Франции домами торгует, ему русские клиенты нужны, он сам все время говорит. А если ребятам тут понравится, они своих жен привезут, подруг, всем только веселее будет. А то на Кот Дазюр целая колония русская, а тут – никого!

Живые карие глаза Норова потемнели. Мысль о появлении русской колонии не вызывала в нем энтузиазма.

-Нашли уже что-нибудь подходящее? – спросила Анна.

-Ищем,- ответил Брыкин.- Приличных домов тут в продаже мало. В основном – так, ерунда. Не дороже трехсот пятидесяти, ну, от силы четырехсот.

-Четыреста тысяч – тоже неплохо,- заметила Анна.

-Херня! - решительно ответил Брыкин.

-На четыреста тысяч в Москве вообще ничего не купишь,- поддержала Ляля.

-Сортир на Рублевке,- сказал Брыкин, и они с Лялей рассмеялись.

-Как вчера прошел ваш ужин? – продолжала Анна светскую беседу.

-Нормально покушали,- кивнул Брыкин.- Хороший ресторан. Я мясо брал, а Лялька рыбку. И подают так интересно... Ну, я имею в виду сервируют... Ляльк, покажь, ты же сфоткала?...

-Щас,- Ляля полезла за телефоном, потом принялась искать в галерее нужные снимки.- Где же тут у меня? Так, это я сегодня дома фотографировала.... А вот! Наше шато, смотрите!...Чудо, да?!

-Да ты шато потом покажешь! – нетерпеливо перебил Брыкин.- Ты сперва покажи, что мы вчера кушали...

Ляля скорчила гримасу и вновь принялась листать.

-Вот нашла! – она повернула к Анне монитор с изображением блюд.

-Да, интересно,- сдержанно проговорила Анна.

-А вот антре,- продолжала Ляля.- Тоже нормально, да? Смотрите, какие порции малюсенькие! Даже стремно.

-А десерт сфоткала? Шоколадный? – напомнил Брыкин.- Я сказал тебе, чтоб сняла...

-Да сняла, сняла... Вот он. Мильфей шоколадный. Первый раз такой видела.

-Глянь, Паш,- подтолкнул Брыкин Норова.- Ты че не смотришь?

-Меня не вдохновляют фотографии с едой,- поморщился Норов..

-Почему? – удивился Брыкин.- Тебе че, не интересно что ли? А мне вот интересно! Всегда фоткаю. Ляльк, а ты в Лондоне помнишь ресторан? – оживленно продолжал он.- Суши мы там кушали? Там еще актер был с Голливуда... этот... забыл его фамилию.... Который кофе рекламирует...

-А! Клуни! – воскликнула Ляля.- Конечно, помню. Я его там сфоткала втихаря. Сейчас найду...

-А суши сфоткала? – не унимался Брыкин.- Суши там, - спасу нет! Я лучше нигде не кушал. Караул, блин! Но дорогие зараза. Три фунта штучка, мы с Лялькой после считали. Охереть, да?...

-Четыре!- уточнила Ляля.- Даже четыре десять, где-то так. Вот, нашла. Паш, гляди...

-Нам пора домой,- перебил Норов, обращаясь к Анне.

-Куда собрался?! – возмутился Брыкин.- Не, я тебя не пущу! Даже думать забудь! Че нам тут без вас торчать, даже слова ни с кем не скажешь! Ну, не хочешь о еде, давай о бабах!

-Я тебе дам о бабах! – шутливо погрозила ему кулаком Ляля.

* * *

В пятнадцать лет при росте в 168 сантиметров Норов весил пятьдесят девять килограммов. Вась-Вась заставлял его сгонять несколько кило, чтобы он мог выступать в более легких весах. Сгонка давалась Норову трудно, после нее у него порой кружилась голова, но тренеру он об этом не говорил. Впрочем, главная проблема заключалась не в этом, а в том, что для легких весов ему не хватало скорости.

Реакция у него была хорошей, но не молниеносной. Он был приучен думать головой, тогда как в боксе нужно уметь думать ногами и руками, а голова – это всего лишь цель, в которую попадают, если ее своевременно не спрятать. К тому же он был слишком импульсивен и прямолинеен; при первом же пропущенном ударе терял хладнокровие и лез в размен.

Легкие и быстрые от природы противники подскакивали к нему, пробивали короткую серию, «просыпали горох», как это называлось в боксе, и тут же отскакивали. Их удары он держал, но очки шли им.

Накануне каждого соревнования Норов страшно волновался, терял сон, в результате чего выходил на ринг слишком взвинченный. В боксе поражение особенно болезненно: сначала тебе задают трепку, а потом еще судья под приветственные крики зала поднимает руку твоему обидчику. Воспоминания о проигранных боях мучили Норова неделями и месяцами.

Он был одним из двух «мухачей» в секции, и более тяжелые ребята относились к нему пренебрежительно. Норов злился про себя, но

переломить ситуацию не мог. Он очень старался, много работал, но у него не шло, в нем не было свободы, необходимой первоклассному бойцу, он слишком зажимался. Через полтора года после начала занятий боксом из семи зачетных боев три было им проиграно. Это был плохой результат.

На каждом занятии Вась-Вась забирал одного из мальчиков для индивидуальной работы и, «держа на лапах», исправлял ошибки. Такие уроки ценились подростками высоко, как награда. С наиболее способными ребятами тренер работал каждую неделю, а то и по два раза. Норова он брал на «индивидуалку» не чаще раза в месяц. В сущности, было ясно, что с боксом надо завязывать, но он все равно не бросал.

* * *

-Каково ваше мнение относительно карантина? - поинтересовалась Шанталь у Камарка.

-У нашего правительства нет своей стратегии, - пожал плечами Камарк.- Оно следует примеру других стран.

-Ну, не всегда стоит изобретать новое,- заметил отец Клотильды. Республиканская партия, влиятельным членом которой он являлся, поддерживала правительство.

-Вы тоже так считаете? – настаивала Шанталь.

Камарк, видимо, не желая спорить с отцом Клотильды, уклонился от прямого ответа.

-Я думаю о своей маме,- проговорил он, с той многозначительностью, которую французы и евреи умеют придать тривиальности.

-Сколько ей лет? – сразу заинтересовался Реми.

-Семьдесят пять.

Реми кивнул с пониманием:

-Да, она в зоне риска.

-Твой отец, кажется, готов сочувствовать всем подряд, - негромко проговорил Норов Жану-Франсуа.- Даже Камарку.

-Он такой,- с улыбкой согласился тот.

-То есть, ты – за карантин? – задорно спросила Клотильда Камарк.- А вот Поль – против!

Видимо, ей хотелось поддразнить Жерома. Все взгляды обратились на Норова. Ему совсем не хотелось ввязываться в дискуссию. Он сделал неопределенное движение, не подтверждая, но и не отрицая. Но Клотильда не унималась.

-Вчера ты сказал, что считаешь его вредным, помнишь?

На лицах французов отразилось удивление. Норов почувствовал легкую досаду и на Клотильду, и на ее гостей.

-Просто я не в такой степени гуманист, как месье Камарк,- сдержанно ответил он.

-Вы не разделяете гуманистических взглядов? – с иронией поднял одну бровь Камарк.

-Как вам сказать? Вы готовы ради своей престарелой мамы запереть на замок все население Франции и, по-вашему, это гуманно. Я так не считаю.

-Разве ради своей матери вы не сделали бы то же самое?

-О, нет. И я бы не сделал, и она бы не позволила.

-Почему, Поль? – удивилась Клотильда.

-Убежденная коммунистка. Считает, что человек существует для общества, а не наоборот.

-При всем уважении к твоей маме, Поль, я бы не хотела жить для общества,- засмеялась Клотильда.

-Такой подход в истории обычно плохо заканчивается, - поддержал ее Камарк. - Революцией и убийствами.

-Как и гуманизм,- пожал плечами Норов.- Террору большевики учились у якобинцев.

-Французы – народ импульсивный, но непостоянный,- заметил отец Клотильды.- Они могут отдать за общее благо жизнь, но жить ради общества? – он с улыбкой покачал головой.- Для этого они слишком непостоянны.

-У современных французов вообще иное отношение к человеческой жизни, чем у прежних марксистов, - сказал Камарк.- Мы умеем уважать чужую индивидуальность. Человек для нас - не безликая рабочая единица. Он – индивидуум, космос.

При этих словах французы, чувствительные к пафосу, закивали, выражая согласие.

Жан-Франсуа почувствовал в словах Камарка скрытую колкость в адрес Норова и счел своим долгом вмешаться.

-Русские люди не виноваты в том, что так случилось,- подал он голос.- Они пострадали от коммунистов больше всех.

-Это был их выбор,- усмехнулся Камарк.

-Нельзя винить целый народ, - возразил Реми.- Их обманули. Гитлер тоже поначалу обманывал евреев, прежде чем с ними расправиться. Некоторые богатые евреи-промышленники, не разобравшись, наивно поддержали его, и что он с ними за это сделал?! Вот и русские люди заплатили за свою веру в коммунизм.

Норов посмотрел на Камарка. Тот улыбнулся ему в своей вызывающей манере. Так же он улыбался ему тогда, на дороге.

-Вы правы, мы действительно гораздо меньше дорожим жизнью, и своей, и чужой,- согласился Норов. – Наверное, поэтому мы в сорок первом не отдали Москвы...

Удар был чуть ниже пояса, но очень чувствительный. Все, сидевшие за столом, поняли намек. Сдача немцам Парижа в 1940-м году до сих пор воспринимается французами как национальная трагедия и вызывает болезненные переживания.

Камарк сощурил глаза, улыбка на его лице стала злее.

-Я читал, что под Москвой вы использовали заградительные батальоны? Позади солдат лежали пулеметчики и стреляли при отступлении, не так ли? Та-та-та!

Он показал руками, как строчат из пулемета. Норов тоже заставил себя улыбнуться.

-Заградительные батальоны были лишь частью нашей стратегии,- кивнул он. Он нарочно говорил «нашей», и «мы», чтобы сильнее разозлить Камарка. -Мы еще отправляли в концлагеря семьи попавших в плен наших бойцов.

-Какая жестокость! – вырвалось у одной из женщин.

-Кстати, в конце войны мы не расстреливали дезертиров, мы их вешали.

Он обвел глазами французов; они были шокированы. Он улыбнулся.

-Господи, Поль, неужели это правда?! – воскликнула Клотильда.

-Это производило большее впечатление, чем расстрел. А как мы разминировали минные поля без саперов, знаете? Просто гнали по ним пехоту. Жуков уверял Эйзенхауэра, что так быстрее. Эйзенхауэр до конца жизни не мог прийти в себя. А как брали города к революционным праздникам, без подготовки, чтобы порадовать товарища Сталина, слышали? Сотни тысяч русских людей заплатили за это своими жизнями. Мы не стояли за ценой.

-Вы этим гордитесь? – с презрительным недоумением осведомился Камарк.

-Тем как мы вели войну? О, нет. Нашей способностью умирать – да. На той войне погибли два моих деда, один – родной, другой – двоюродный. Оба – офицеры; артиллерист погиб в сорок втором, летчик - в сорок третьем. Родному, артиллеристу, было двадцать семь, двоюродному двадцать четыре. Моя мать не знала своего отца, росла без него, моя бабка лишилась обоих сыновей.

-Сочувствую, Поль,- проговорил Реми искренне.

-Мне или им? Им повезло...

-Повезло, что убили?! – Клотильда не верила своим ушам.

-Это же славно – умереть молодым за родину! Звонко. Я им завидую. Нет, месье Камарк, за их спинами не лежали пулеметчики, они не слышали позади себя «та-та-та», как вы тут артистично показали. Родной дед,

артиллерист, вообще пошел на фронт добровольцем. Он был строителем, у него имелась «броня» - защита от службы.

Норов взглянул на Реми и великодушно прибавил:

-Он поступил, как Реми...

Реми даже легонько дернулся от столь неожиданного заключения.

-Ну, нет! - пробормотал он.- Тут нельзя сравнивать. Одно дело - война... Я же так не рискую...

За столом наступило неловкое молчание. Французы были смущены и в замешательстве.

* * *

Камарк отпил вина, то ли выигрывая время, то ли, чтобы дать улечься впечатлению, произведенному словами Норова. Он явно не привык проигрывать в споре.

-Тем не менее, в вашей истории был эпизод, когда вы отдали Москву,- напомнил он. – Великий Наполеон был в вашей столице.

Французы сразу оживились. Наполеон в той же степени является воплощением национальной гордости французов, как Иисус Христос – для русских.

-Москва в то время не была столицей России, - поправил Норов.- И мы ее не отдали. Мы ее сожгли. Дотла. Знаменитые церкви, великолепные дворцы, золоченую мебель, дорогие ковры, роскошные меха, старинные иконы, бесценные картины, статуи, - все! Не берусь даже сказать, сколько бы это могло стоить на нынешние деньги. Триллион? Два? Вы, должно быть, читали воспоминания французских офицеров, побывавших в том походе? Могу одолжить, у меня есть на французском. Они были потрясены беспощадностью московского пожара. Особенно тем, что мы бросили погибать тысячи раненных, которых не успели вывезти.

-Вы бросили раненых? – ужаснулась Клотильда.

-Не успевали их вывезти.

-Какое варварство! – не удержался Камарк.

-Именно так и сказал Наполеон, когда пожар вспыхнул. Его солдаты, едва придя в себя, бросились мародерствовать,- теперь Норов намеренно избегал говорить «французы», употребляя вместо него слово «солдаты». - Тащили все ценное, тележками и повозками. Ну, там было, чем поживиться! Уходя, Наполеон приказал в отместку взорвать Кремль; довольно мелочно со стороны великого завоевателя, вы не находите? Он считал варварством то, что делают другие, но не он сам. Весьма французский взгляд на вещи, позволю себе заметить. Но Кремль устоял; все-таки – это Кремль. Кстати, когда мы два года спустя вступили в Париж, мы не тронули там ничего. Не разбили ни фонаря, ни окна; не забрали ни лошади, ни курицы; ни бутылки вина, ни головки сыра. Мы не мародерствовали, не грабили, не насильствовали. Один русский граф, по фамилии Воронцов, заплатил долги нашей армии. Причем, не только трактирщикам и владельцам домов, в которых русские останавливались на постой, но и содержателям притонов, поставлявшим проституток. Он совершенно разорился при этом, но не хотел оставлять пятна на русской чести...

-А я и не знал! – поднял густые брови отец Клотильды.- Какие замечательные подробности! Обязательно почитаю об этом. А ты слышал? – спросил он Реми.

- К сожалению, нет,- виновато развел Реми руками.- Прости, Поль, мое невежество. Как ты говоришь, фамилия графа?

-Воронцов. В Париже улица названа его именем. Его позже высмеял Пушкин, который ухаживал за его женой.

-Браво! – с чувством произнес отец Клотильды.- Браво! Не Пушкину, конечно, а Воронцову! Русские не умеют ценить жизнь, потому что они умеют ценить честь. Так, Поль?

-Случается и нам совершать что-то достойное, - согласился Норов.

-Только не в Берлине, верно? – саркастически произнес Камарк.- Уж там вы отыгрались! И грабили, и убивали и насильствовали!

-Да, погуляли,- подтвердил Норов.- Одна к двадцати.

-Одна женщина - на двадцать солдат, вы хотите сказать?!

-Нет, одна изнасилованная немка на 20 изнасилованных и убитых русских женщин. Мы немки не убивали. Мы не убиваем женщин. Кстати, вы знаете, сколько русских погибло, участвуя в вашем «Сопrotивлении»?

-Нет, скажите,- улыбка все еще бродила на губах Камарка, но уже без прежней уверенности.

-Русские воевали в «Сопrotивлении»?- удивился отец Клотильды.

-Ну как же! – с укором отозвался Реми.- Во Франции жило очень много русских эмигрантов.

-Это были их дети, второе поколение эмиграции. Французы не давали им гражданства, но они все равно пошли воевать добровольцами. Их погибло около восьми тысяч...

-Как много! – вздохнул Реми.- Получается, каждый двенадцатый от общего числа.

-Интереснее другое. Если соотнести по национальностям количество воевавших в «Сопrotивлении» с убитыми, то получится, что мы, будучи здесь изгоями, погибали за Францию в три раза чаще, чем французы. Вам, наверное, покажется это глупым, месье Камарк?

Отец Клотильды поднялся, давая понять, что считает спор законченным.

-Предлагаю выпить за наши народы! – торжественно провозгласил он.- За русских и французов! За их великую культуру и историю!

Гости одобрительно зашумели, вставая.

-Ни хера не понял! – озабоченно признался Брыкин Норову, чокаясь бокалом с соседями.- Ты по-французски шпаришь спасу нет! Лучше, чем я по-русски! Я вижу, вы с Жеромом закусились, а из-за чего, не догоняю. Пьем-то хоть за что?

-За Россию! – нетерпеливо ответила ему Ляля.

-А, ну тогда – другое дело! – Брыкин приосанился.- За Россию – мы всегда! А может, мы им песню споем? Как ты, Паш? Ань, Ляльк, давайте, а? Врежем им, сука, по-нашему! Эту, про офицеров! «За свободу, за Россию, до конца!».

-Лучше не надо! - прервал его Норов.

-А че ты сразу «нет»?! Самое оно! Я вот только слов дальше не помню...

-Тем более.

Гости между тем опустились на свои места, немного растроганные и весьма довольные, будто сделали важное и полезное дело.

-Ты их нарочно дразнил, да? – тихо спросила Анна Норова.- Ведь ты же против всей этой жестокости! Сколько раз я от тебя слышала, что ты ее не выносишь...

-Но еще больше я не люблю, когда французы ругают Россию,- так же тихо отозвался Норов.

-А сам Россию все время ругаешь!

-Это – другое дело. Я ругаю, потому что люблю, а он – потому что не любит.

* * *

В пятнадцать лет Норов был беспросветно несчастлив, как бывает несчастлив человек только в юности.

Он был влюблен в девочку, учившуюся двумя годами старше, в выпускном классе. Стройная, сероглазая, изящная, кокетливая, в очках, ей шедших, с родинкой на щеке, насмешливая и остроумная, она всегда была в центре общего внимания. На переменах в коридоре или школьном дворе Норов видел ее в окружении одноклассников, слышал их смех в ответ на ее веселые реплики, и страдал от невозможности стоять с ней так же близко, говорить и смеяться, глядя в ее серые глаза. Она его не замечала, - он был для нее слишком юн.

Он мечтал о том, как они когда-нибудь где-нибудь вдруг ненароком окажутся совсем рядом, например, в переполненном автобусе, и он решится и заговорит с ней. У него даже было заготовлено несколько фраз, которые должны были, по его мнению, произвести на нее впечатление, но такого случая никак не представлялось, а когда он все-таки оказывался поблизости, на него нападала робость. Он не мог ни двинуться, ни раскрыть рта.

После занятий, следуя за ней на почтительном расстоянии, он провожал ее до дома; несколько раз незаметно проскальзывал за ней в подъезд и смотрел, как она поднимается по лестнице. Он знал, что она живет с родителями в трехкомнатной квартире, знал номер ее квартиры и рассчитал окно ее комнаты на четвертом этаже. После тренировки он, усталый и измочаленный, ехал не домой, а к ней, и, если ее окно было темным, то он подолгу ждал неподалеку от подъезда. Она готовилась поступать в медицинский институт, занималась на вечерних курсах, возвращалась поздно и грузный высокий лысый отец иногда встречал ее на остановке.

Когда в сумерках возникала ее легкая стройная фигурка в короткой юбке, спешившая к дому, сердце Норова срывалось и начинало бешено колотиться. Она исчезала в подъезде, через некоторое время в ее окне зажигался свет, изредка мелькал ее силуэт за темно-зеленой тяжелой шторой, и ему становилось хорошо и одновременно щемяще грустно от своего одиночества. Он писал стихи о любви, неровные и порывистые, должно быть, плохие, и никому их не показывал.

К безнадежной любви прибавлялись неудачи в спорте. Побед у него было больше, чем поражений, однако каждое поражение он воспринимал болезненно, забыть не мог, и победы на их фоне меркли. И еще его нестерпимо терзала социальная неудовлетворенность.

Он довольно много и неразборчиво читал по ночам, крадя время у сна. Стараниями матери у них дома была приличная библиотека, но он еще брал книги у одноклассника, чья мать была директором магазина, и в их квартире целые полки были заставлены собраниями сочинений и редкими подписными изданиями, распределявшимися только по благу.

Чем больше он читал, тем сильнее росло его раздражение от тусклой, грубой, унылой действительности. Он не понимал, как люди могут верить в потоки лжи, звучавшие по телевизору, как могут не замечать, что их бессовестно обманывают. Порой в нем все клокотало от ярости, он ненавидел ложь и несправедливость, царившую повсюду, он был готов взбунтоваться против строя, бороться, драться. Но как?

Дома он часто срывался и ссорился с матерью, в школе дерзил учителям; с одноклассниками держался насмешливо и вызывающе. Он стал хуже учиться и пропускать занятия.

Ему хотелось послать все к черту и уехать куда-нибудь подальше. Но куда он мог уехать, без профессии, без образования? Невозможность хоть что-то изменить в своей жизни часто приводила его в отчаяние, иногда он даже думал о самоубийстве.

* * *

Осенью девушка, в которую он был влюблен, окончила школу и поступила в медицинский институт. Почти сразу она начала встречаться со взрослым юношей, наверное, тоже студентом. Высокий, красивый, с дерзкими усами, к тому же модно одетый, он часто провожал ее домой после занятий.

Карауля возле ее дома, Норов видел, как они, весело болтая, заходят в ее подъезд и поднимаются по лестнице. Он задышался от ревности и ненависти к сопернику, даже не подозревавшему о его существовании. Когда тот через некоторое время выходил из подъезда и, насвистывая, беспечно шел к остановке, Норов испытывал жгучее желание броситься на него и избить, как собаку, разбить в кровь его красивую рожу, сломать ему нос, выбить зубы. Сейчас, когда он занимался боксом, он бы смог это сделать, несмотря на то, что парень была больше и тяжелее его.

Как-то промозглым осенним вечером Норов, по обыкновению торчал возле ее подъезда, ежась от холода и мелкого дождя. Была суббота, свет не горел ни в одном из окон ее квартиры, значит, дома никого не было, все куда-то уехали. Наконец она появилась вместе со своим студентом. Оба были веселыми, оживленными, несмотря на отвратительную слякотную погоду, должно быть, возвращались из компании, а может, из кино. По дороге студент обнимал ее за плечи, и сердце Норова упало, - раньше тот не позволял себе подобного; она ему не позволяла. Они вошли в подъезд, а Норов остался снаружи.

Через некоторое время зажегся приглушенный свет торшера в ее комнате, остальные окна оставались темными. Кровь ударила в голову Норову. Что они делают в квартире одни, без родителей? Пусть он скорее уходит!...

Летом, в спортивном лагере у него бывали тайные ночные свидания с девочками из соседнего пионерлагеря. После отбоя, сбежав от надзора вожатых, он, не замечая назойливых комаров, жарко целовал в отдаленной темной беседке какую-нибудь полногрудую неказистую толстушку, сопевшую от волнения. Весь в огне, преодолевая слабое сопротивление, он запускал нетерпеливую руку под блузку, задыхаясь, нащупывал упругую грудь и терял голову. Однажды он почти дошел до возделенной близости. Опрокинув девочку на траву, задрав ей юбку, он уже лежал на ней, не отрываясь от ее губ, не помня себя от возбуждения, шарил по ее бедрам, стягивая трусики, но тут темноту прорезал слепящий луч фонарика. Вожатые хватились девочки и отправились на поиски.

Старшим ребятам удавалось добиться всего. Они рассказывали о своих похождениях в подробностях; он слушал их с замиранием сердца, с остановкой дыхания. Неудовлетворенное желание, постоянно бродившее в нем, часто настигало его во сне помимо воли, и он просыпался, исполненный жаром, истомой и стыдом.

При одной мысли о том, что студент сейчас ласкает ее, раздевает, делает с ней то, о чем говорили другие, Норов под ледяным дождем мгновенно покрывался испариной. Он всматривался в ее окно, слабо освещенное ночником, пытался разглядеть контуры фигур, но ничего не видел. В интимном, слабом свете торшера ему чудилось что-то тайное, бесстыдное, запретное. Он дважды забегал в подъезд дома напротив, прыгая через ступени, взлетал по лестнице на четвертый этаж и прикидал к окну в подъезде, в надежде увидеть что-то оттуда, и тоже напрасно.

Наконец, не выдержав, он в отчаянии полез по водосточной трубе, проходившей посередине дома, примерно в полуметре от ее окна. Он надеялся добраться до четвертого этажа, и, встав ногой на подоконник, заглянуть в щель между занавесками. Труба была ржавой и ненадежной; кое-как закрепленная, она скрипела, хрустела, угрожающе оседала под его тяжестью. Когда Норов уже преодолел второй этаж, она все-таки оборвалась.

Все еще хватаясь за нее одной рукой, Норов грохнулся на мокрую, разбухшую от дождя, холодную землю газона. Он слегка подвернул ногу, но не расшибся, только порезал руку об острый край трубы и весь перемазался грязью с ног до головы. Он вскочил и первым делом бросил взгляд на ее окно, до которого так и не добрался. Он боялся, что она, привлеченная

шумом, выглянет и увидит его позор. Но окно оставалось все таким же неподвижным, загадочным, слабо освещенным. Норов, прихрамывая, побежал прочь.

* * *

Он брел домой по темным улицам; не разбирая дороги, шлепал по лужам. Коленка болела, он был насквозь мокрым. «Не хочу! Не хочу! Хватит!» - бормотал он сквозь стиснутые зубы как заклинание и мотал головой из стороны в сторону, будто от невыносимой боли. Он не хотел жить. Редкие прохожие не обращали на него внимания, все спешили по домам – спрятаться от мерзкой погоды. Когда он переходил дорогу, пролетавшая мимо машина обдала его холодной грязной водой из огромной лужи, и это стало финальной пощечиной судьбы.

Он знал, как поступит. Он дождется, пока мать с сестрой заснут, и ночью вскрыет себе вены. В ящике его письменного стола лежало лезвие, которым он точил карандаши, - оно вполне для этого подходило. И как только он понял, что выход найден, решение принято, что совсем скоро он разом оборвет свою опостылевшую жизнь, ему стало легче. Страха смерти он не испытывал вовсе, только радость от того, что все, наконец, завершится.

-Что с тобой? – ахнула мать, открыв ему дверь.- Где ты так испачкался?

-Упал,- коротко ответил Норов, стаскивая куртку и избегая смотреть на нее.

-Да ты весь мокрый! Ты же простынешь и сляжешь! Ну-ка скорее в ванную и под горячий душ! Я принесу тебе сухое белье.

Он продрог до костей, у него не было сил спорить, он подчинился без возражений. Он пролежал в горячей ванне не менее четверти часа, прежде, чем согрелся. Когда он, переодевшись, вышел, мать заставила его выпить приготовленный ею чай с медом и лимоном, натерла ему ступни каким-то жиром и велела надеть теплые носки. Затем сама уложила его в постель, чего давно уже не делала, дала ложку микстуры с отвратительным лакричным вкусом, погасила свет и села рядом.

Он был измучен и разбит; не глядя на нее, он нетерпеливо ждал, когда она уйдет, чтобы осуществить задуманное. И вдруг она в темноте положила голову ему на лоб и, наклонившись к его лицу, спросила тихо:

-Влюбился, да?

Он растерялся и от вопроса, и от ее прикосновения, от того, что ее тихий голос был не командным, как обычно, а совсем другим - сочувственным, ласковым. Слезы закипели на глазах, он зажмурился, чтобы она их не увидела.

-Что тут поделаешь? Терпи,- продолжала она так же тихо, почти дотрагиваясь губами до его лба.- Это пройдет, обязательно пройдет, потом будет хорошо, но надо потерпеть...

Не отвечая, он порывисто повернулся на бок, к стене, зарылся лицом в подушку и натянул на голову одеяло. Она гладила его поверх одеяла по спине и предательски вздрагивавшему плечу.

-Какой же ты у меня все-таки... открытый,...- прошептала она ему в затылок.

Он плакал, не открывая глаз, сжимая зубы, стараясь не выдать себя, не в силах остановиться, а мать сидела рядом, терпеливая, ласковая и любящая. Через некоторое время слезы принесли облегчения, и он как-то неприметно для себя успокоился и заснул.

Мать никогда не бывала с ним такой ни прежде, ни потом. И он навсегда сохранил к ней благодарность за то, что это было, и за то, что это не повторялось.

* * *

Клотильда подошла к русской компании.

-У вас все хорошо? Вам нравится?

-О да, - с улыбкой кивнула Анна.- Замечательно.

-Как вам баранина? Наш шеф прежде работал в Тулузе, в известном ресторане, сейчас он на пенсии, я уговорила его поработать здесь.

-Что говорит? – спросил Брыкин Лялю.

С того момента, как Клотильда подошла, Норов поднялся, он с детства был приучен матерью к тому, что нельзя сидеть, если женщина или старшие стоят. Брыкина этому, разумеется, не учили.

-Про еду спрашивает, понравилась, нет? – пояснила Брыкину Ляля.

-Гуд! – громко сказал он Клотильде и для большей убедительности поднял вверх большой палец. – Вери гуд! Лайк ин Москоу!

-Я рада.- Клотильда была польщена.- Анна, можно я украду у тебя Поля? Я ненадолго, честное слово...

Норов с Клотильдой отошли на несколько шагов от общего стола, ближе ко входу в ресторан. Клотильда достала тонкие коричневые сигареты с золотым фильтром и протянула Норову. Она и в этом отличалась от местных, большинство которых из-за дороговизны сигарет давно уже перешло на самокрутки.

-Не курю, спасибо,- ответил Норов.

-Разве? – удивилась Клотильда.- А я как-то не заметила!

Норов невольно улыбнулся. Было бы странно, если бы она заметила. Французы, по его мнению, вообще не отличались наблюдательностью; на других они смотрели, как в зеркало, простодушно ища возможности полюбоваться собой.

-Ты вообще никогда не курил?

-Из вредных привычек только пил, дебоширил и приставал к женщинам.

-Опять шутишь! Поль, я хотела поблагодарить тебя за Мелиссу, за то, что ты заступился за нее. Я не могла этого сделать при всех, ты же понимаешь...

-Еще бы! Вдруг кто-то подумает, что родная дочь дороже тебе толстой грубиянки с Таиланда, или откуда она там? Получится политически некорректно.

-Поль! – с укоризненной улыбкой воскликнула Клотильда. – Не надо на эту тему! Послушай, я потрясена подарком Анны! Наверное, только русские способны на такое! Даже не знаю, как ее отблагодарить...

-Похвали ее французский, она будет счастлива.

-Но у нее действительно хороший французский! Папа, кстати, удивлен тем, как свободно вы оба разговариваете, особенно ты его поразил. Попросил меня узнать у тебя, где ты учил французский?

-И здесь, и в России. Я люблю Францию.

-Несмотря на всю нашу политкорректность?

-И многое другое. За недостатки, может быть, еще сильнее.

Она засмеялась.

-Впервые слышу, чтобы политкорректность называли недостатком. Мне приятно твое отношение к Франции. И еще спасибо тебе за то, что поставил Жерома на место. Ему это полезно, он слишком самоуверен.

Норов посмотрел в сторону Камарка, который в чем-то напористо убеждал отца Клотильды. Тот хмурился и, скрывая нетерпение, машинально крутил высокий фужер с остатками красного вина, проворачивая его пальцами по скатерти за тонкую ножку. Похоже, разговор был ему не по душе.

-У Жерома есть основания быть самоуверенным,- дипломатично заметил Норов.

-Ты имеешь в виду его внешность или его происхождение?

-Тебя. Когда мужчину любит такая женщина, у него сразу повышается самооценка.

Вместо того, чтобы улыбнуться, Клотильда горько усмехнулась.

-Тебе не кажется, что моим отцом он интересуется больше, чем мной?

-Возможно, у него какое-то важное дело к твоему отцу.

-И у Даниэля – тоже. И у всех мужчин, которых я встречаю. Одним от моего отца нужны его деньги, другим – его связи. А я не нужна никому!

В ее ярких синих глазах стояла обида. Впервые она была так откровенна.

-Чепуха, - улыбнулся Норов.- Ты хороша и умна, а твой отец является приятным бонусом к тебе, отчего бы им не воспользоваться? Другое дело, что никто не любит нас так, как мы хотим, но тебя любят больше, чем других.

-Из-за моего отца!

-И из-за него в том числе.

-Знаешь, порой мне хочется убить Жерома!

-Думаю, не тебе одной.

-Он – страшный эгоист.

-Хорошо, что мы с тобой – настоящие альтруисты.

-Опять издеваешься? – она все-таки рассмеялась. - А у тебя никогда не возникает такого желания?

-Кого-нибудь убить? Разве что себя.

-Себя?! – недоверчиво повторила она.- Тебе хочется убить себя? Почему?

-Я не очень себе нравлюсь.

-Но не до такой же степени! Я тоже бываю недовольна собой... изредка... Но убить себя мне никогда не хочется!

* * *

-Мама, смотри, что еще мне подарили! – Мелисса подбежала к ним. В руках у нее был длинный золотой подарочный конверт, за которым Даниэль по просьбе Норова специально послал официанта в магазин на углу улицы, торговавший сувенирами и канцелярией.- Вон тот месье, - она, повернувшись в сторону Брыкина.

Брыкин между тем показывал Норову большой палец, довольный тем, что успешно справился с вручением подарка.

-Смотри, тут целых двести евро! – Мелисса открыла конверт.- Двести евро, мама, представь!

-Поль, это чересчур! – воскликнула Клотильда.- Какие вы, русские, все же...

Она не договорила и подошла к Брыкину и Ляле.

-Месье, мадам, вы очень добры,- с чувством проговорила она.- Но не было никакой необходимости в столь щедром подарке. Ваше присутствие здесь – само по себе честь для нас. Мы чрезвычайно вам признательны. Право, я смущена. Это большая сумма для маленькой девочки...

Норов перевел.

-Итс о,кей,- великодушно заверил Брыкин.- Пусть ваша дочка купит, что- хочет... Скажи ей, Паш, донт вари.

Он добродушно подмигнул Мелиссе. Та улыбнулась в ответ.

-Мама, а можно я эти деньги папе отдам? – вдруг негромко попросила она, беря мать за руку и заглядывая ей в глаза.

-Папе? – удивилась Клотильда.- Зачем?

-Мама, папе нужны деньги! Ему не хватает!

-На что не хватает? – Клотильда нахмурилась.- С чего ты взяла?

-Я слышала, как Лиз говорила, что им не хватает...

-Я думаю, ты не так поняла,- холодно прервала Клотильда. - И папе, и Лиз всего вполне хватает. У них все замечательно.

Она поискала глазами Жан-Франсуа, который вместе с Лиз уже перебрался на другой конец стола и подсел к знакомым.

-Это твой подарок, его никому не надо отдавать, а с папой я поговорю.

-Только ты его не ругай, ладно мам? – попросила Мелисса.

-Не буду,- пообещала Клотильда.- Смотри, бабушка тебя зовет.

Мать Клотильды действительно делала Мелиссе знаки. Девочка побежала к ней, оставив у матери конверт. Брыкин и Ляля мало что поняли из этого диалога; Норов сделал вид, что не слышал, но Клотильда была слишком раздражена, чтобы сдерживаться.

-Какая наглость со стороны Лиз жаловаться ребенку на нехватку денег! – вполголоса заметила она Норову, бросая гневный взгляд на Лиз. Та не заметила его, увлеченная беседой.

-Не думаю, что она жаловалась, скорее, Мелисса случайно услышала их разговор с Жаном-Франсуа, - заступился Норов.

-Зачем вообще обсуждать при ребенке свои денежные затруднения? Неужели нельзя найти другое время! Я обязательно скажу Жану-Франсуа...

-Лучше намекни об этом Жерому, пока ему не сказал этого твой отец.

Отец Клотильды на самом деле уже едва сдерживался. Он хмурился все сильнее и явно был готов вот-вот оборвать Жерома.

-Прости, Поль,- торопливо бросила Клотильда и поспешно направилась к ним.

Норов хотел сесть подле Анны, но его из ресторана окликнул Даниэль.

-Поль, на минутку!

* * *

Внутри ресторан был пуст - в солнечный день всем хотелось быть на улице; столы и стулья были вынесены наружу. Даниэль и Норов уселись на высокие крутящиеся табуреты возле барной стойки, и Даниэль велел девушке за стойкой налить Норову красного вина, а себе пива.

-Сегодня народу хватает,- заметил Даниэль.- Хорошо для бизнеса. Не знаю, как дальше будет.

-Никто не знает.

-Ловко ты отшил Жерома! - с удовлетворением проговорил Даниэль, поднимая бокал. – Сбил с него хоть немного спесь! Он к такому не привык, ему ведь обычно все поддакивают. А почему? Да потому, что он из старинной семьи и живет в Париже! Подумаешь! А сам-то он что сделал хорошего? Как говорил Фигаро, дал себе труд родиться! Ты смотрел «Фигаро», Поль? Моя любимая комедия! Две недели назад мы с Клотильдой ездили в Тулузу, там ее давали в театре. Обязательно посмотри! Правда, сейчас из-за карантина, театры, наверное, закроют. Черт, все закроют!... Жером просто нахально пользуется своим именем и семейными связями. Открыл агентство по продаже недвижимости, а его мамаша, благодаря служебному положению, подбрасывает ему интересные объекты: разные шато и поместья. Еще вопрос, насколько это законно!

Норов искоса взглянул на него.

-Разве я неправду говорю? – с вызовом осведомился Даниэль.

-В России агентами по продаже недвижимости, как правило, становятся люди никчемные,- заметил Норов. – Помню, была у меня в офисе уборщица, выяснилось, что она по совместительству работала еще и риэлтором, причем в двух или трех агентствах. Дорогие дома, между прочим, предлагала... Уволили ее за мелкое воровство.

-Да и здесь, во Франции - то же самое! – подхватил Даниэль.- Разве это профессия, риэлтор? В каждой деревушке по два-три агентства! На Жерома работает его имя! У кого еще купить старинный замок разбогатевшему выскочке, как не у французского аристократа! А в сущности, Жером – никакой не аристократ, а обычный коммерсант и думает только о своей выгоде. Ты слышал, как он обманул арабов?

-Нет, не слышал.

-Продал им замок Рош в Дордони. Знаешь Рош?

-Возможно, видел, не помню.

-Конечно, видел! Он раньше на всех открытках был. Там, правда, от замка одни развалины оставались, но смотрелись они очень живописно. Прямо на скале, - величественный вид. Так вот, Жером ухитрился продать Рош за четыре с половиной миллиона, хотя он и трех не стоил. Просто у арабов, которые его купили, денег – куры не клюют! Больше даже, чем у вас, у русских.

-Я меня клюют,- поправил Норов.

-Я не про тебя, а про твоих друзей, которые с Жеромом ездят. Их за километр видно. Короче, арабы еще шесть миллионов вложили в реконструкцию этого замка. Построили вертолетную площадку, огромный бассейн, хотя это категорически запрещено законом по охране памятников архитектуры. Но арабы, конечно, все устроили, ну, мы понимаем, каким образом... И тут выясняется! ...

Он хитро блеснул глазами и замолчал, выдерживая эффектную паузу.

-Что выясняется? – терпеливо спросил Норов.

-Выясняется, что гора-то проседает! – с торжеством заключила Даниэль.- Понимаешь, да? Поблизости строили железную дорогу, почва поползла, и трещины пошли через весь фундамент прямо по стенам! И ничего с этим нельзя поделаться! Они такие деньги вложили, а все зря! Рош разваливается! Причем Жером знал это с самого начала! Было заключение специалистов. Он знал, но ничего им не сказал!!

Искренне негодуя на Жерома, он столь же искренне радовался несчастью арабов, напрасно потративших огромные средства. Норов не переставал удивляться той ненависти к богатым, которую испытывает подавляющее большинство французов, включая даже таких, как Даниэль, который сам женился на богатой наследнице и отчаянно стремился разбогатеть.

-И что же арабы? – спросил он.

-Арабы на Жерома подали в суд!- мстительно заключил Даниэль.- Требуют вернуть стоимость замка, плюс то, что они вложили в реконструкцию, и еще компенсацию! Иск получается под десять миллионов! Только вообрази! У Жерома таких денег и близко нет! Даже если продать семейный замок Камарк, которым он, кстати, владеет пополам с братом, и еще его парижскую квартиру в придачу, то, может, и четырех миллионов не наберется.

Похоже, он был неплохо осведомлен о деятельности и финансовых обстоятельствах Жерома Камарка, вероятно, собирал информацию о нем.

-Мне говорили, что он в панике, только виду не показывает, - с нескрываемым злорадством продолжал Даниэль. – Бегает по всем знакомым, просит помощи. Видел, как сегодня он обхаживает Ришара, отца Клотильды, чтобы тот помог ему договориться замаять этот скандал? У Ришара связи везде; и в судах, и в деловых кругах.

-Поможет?

-Не знаю. Вряд ли. Слишком большая проблема. Ришар – умный человек, зачем ему в это вмешиваться? Но если Жером с арабами этот вопрос не решит - конец ему! Они его просто так не отпустят.

-Обанкротят?

-Могут кое-что и похуже сделать,- Даниэль понизил голос.- Ты же знаешь, у них тут мафия!

Он посмотрел на Норова и выразительно провел пальцем по горлу. По его виду было понятно, что он очень надеется на то, что благополучно разрешить вопрос с арабами Жерому не удастся.

-Я, собственно, хотел тебя предупредить. Вернее, не столько тебя, сколько твоих друзей... На всякий случай... Они ведь покупают у Жерома Паниссо?

-Да, какое-то шато, точно не помню названия, но, возможно, Паниссо.

-А за сколько, не знаешь?

-Кажется, за два миллиона. Плюс-минус.

-За два миллиона?! – Даниэль схватился за голову.- Паниссо – за два миллиона?! Они что, совсем безмозглые?!

-Может быть, они просто не настолько осведомлены, как ты?

-Но глаза же у них есть! В интернет-то они же могли заглянуть, посмотреть, что они покупают! Там должна быть история замка, была во всяком случае. Жером три года Паниссо продавал, я думал, он никогда не найдет на него покупателя. Замок в плохом состоянии, нужен капитальный ремонт. Летом прошлого года цена до девятисот пятидесяти тысяч упала. Жером даже временно снимал его с продаж, чтобы он глаза не мозолил. Ты что, вообще об этом шато ничего не слышал?

-Я не очень интересуюсь замками.

-О, с ним целая история! Прежний владелец был очень стареньким, к тому же инвалидом. Он в нем не жил, сдавал через местное агентство в качестве жита. А виноградники арендовали местные виноделы,- там ведь еще очень много виноградников, гектаров двадцать, если не больше.

-Да, они что-то говорили на этот счет.

-С этим вином тут тоже одни проблемы. Понимаешь, все местное вино продают две-три крупные парижские фирмы, они-то и диктуют цены виноделам. Виноград собирают сезонные рабочие, португальцы, испанцы, румыны, в общем, те, кто готов работать за гроши. Живут в бараках, прямо

рядом с шато. Клиенты, которые шато снимали, понятное дело, были недовольны, зачем им такое соседство? Цену-то за проживание с них драли приличную. И новому владельцу придется с этим со всем разбираться. Короче, Паниссо всегда был проблемным. Когда старичок-инвалид умер, Паниссо достался его племяннику, а у того нет денег, ни на содержание, ни на налог на наследство. Во Франции ведь очень большие налоги на наследство, ты в курсе?

-Сорок процентов, верно?

-Шестьдесят! А где тот возьмет эти шестьдесят процентов? В общем, племянник выставил Паниссо на продажу. И мать Жерома договорилась, чтобы Паниссо продавали эксклюзивно через агентство Жерома. Она же в Париже комиссию по историческому наследию возглавляет, ты в курсе? Говорю тебе, все выгодные контракты Жерома идут через нее! Да. И вот Жером с Паниссо возился - возился, и вдруг – такой подарок! Голубки из России!... Кстати, ты знаешь, что во Франции таких, как твои друзья, очень богатых и беспечных, которых легко обмануть, называют голубки? (Pigeons).

-Слышал,- холодно ответил Норов.- В России иностранцам не дают обидных прозвищ, к ним относятся уважительно. Никто, например, не называет французов «лягушатниками», только англичане да немцы.

-Да я тоже отношусь уважительно, - принялся оправдываться Даниэль.- Просто некоторые люди...

-Кстати, Жером заплатил за моих друзей? – перебил Норов.- Я имею в виду, за сегодняшний обед? Он ведь, помнится, обещал тебе вчера.

-Нет, конечно! – фыркнул Даниэль.- Он никогда не держит своих обещаний.

-Я заплачу.

Даниэль смутился.

-Не надо, Поль, все в порядке! Они же сделали дорогой подарок Мелиссе!

-Мелиссе, а не тебе. Они, может быть, и не такие ушлые, как твои друзья, но не жадные.

Даниэль был пристыжен.

-Поль, ну что ты обижаешься? - начал он.- Я же не хотел...

-Сколько?

-Нет-нет, даже не думай! Клотильде не понравится, если она узнает, что я взял с тебя деньги.

-Мы ей не скажем. Сотни хватит?

Норов положил на прилавок банкноту.

-Это много, Поль! Хватит и семидесяти.

Даниэль полез в карман за сдачей.

-Не надо,- остановил его Норов.- При случае, угостишь чашкой кофе.

-Угощу обедом! – пообещал Даниэль.

-Ты становишься мотом, - усмехнулся Норов.- «Голубком», а?

-Ничего подобного! Я просто честно веду бизнес... в отличие от Жерома.

Глава восьмая

* * *

-Не устала? – спросил Норов Анну на обратной дороге.

-Совсем нет. Чудесный день: так много новых впечатлений! Мелисса очень привязана к отцу, ты заметил? То и дело к нему подбегала. Жалко девочку, - должно быть, она сильно по нему скучает.

-Он тоже очень тоскует по ней,- отозвался Норов.- Мечтает со временем забрать к себе,- у него порой это прорывается в разговоре. Написал для нее несколько музыкальных пьес. Одна – действительно хороша, как-нибудь попросим, он исполнит на пианино.

-Интересно, когда ей будет четырнадцать лет, она останется с матерью или выберет его?

-До четырнадцати лет она еще успеет измениться. Возможно, он и сам, когда придет время, не решится предложить ей такой выбор. Он ведь понимает, что не сможет обеспечить тот уровень жизни, к которому она привыкла.

-Лиз сегодня была очень скована, будто не в своей тарелке. Почему? Стеснялась? Компания была не ее уровня?

-Ну что ты. Французы такими мелочами не стесняются, они очень самонадеянны. Любой клошар готов хоть завтра отправиться на прием в президентский дворец, прямо в своих лохмотьях. Мне кажется, Лиз побаивается Клотильду. К тому же они с Жаном-Франсуа должны Клотильде за дом.

-Она ее не любит, это точно. Вся напрягается, когда с ней разговаривает, у нее даже выражение глаз меняется. Наверное, она завидует ее богатству.

-Французы довольно завистливы, это правда. Как и мы. Может быть, в этой зависти – корень всех революций.

-И евреи завистливы. Лиз ведь – французская еврейка. Кстати, Реми – тоже еврей?

-С чего ты взяла?

-Ну, он же пишет о евреях.

-По-твоему, о евреях пишут только евреи?

-А кому еще это нужно?

Норов улыбнулся.

-Какой утилитарный подход! Нет, не всегда. Во всяком случае, не здесь, не в Европе. Реми - порывистый, горячий, готов всем подряд помогать и в то же время не лишен французского высокомерия.

-Вот как? А я не заметила.

-Под французской вежливостью прячется немало национального высокомерия. Реми мне нравится, хотя его взгляды я не разделяю.

-Это было заметно. Ты наблюдал за ним с симпатией.

-Отец Клотильды дразнит его Дон-Кихотом. Дон-Кихот, между прочим, совсем не такой приятный парень, как принято о нем думать. Не помню, кто из русских писателей говорил об этом.

-Почему неприятный?

-Нетерпим, жаждет исправить человечество, при этом живет в плену собственных фантазий. Сумасшедший идальго, который бросается с копьем на первого встречного. Борьба Реми за еврейскую правду отчасти напоминает войну с ветряными мельницами, - с кем бороться-то? Весь мир уже признал свою вину перед ними, заплатил им за их страдания с лихвой. Впрочем, это очень по-европейски: демонстрировать благородство и при этом исподволь стричь купоны.

-Что ты имеешь в виду?

-Понимаешь, тема холокоста изъезжена вдоль и поперек, но пока живы евреи, она будет актуальна. Браться за нее и безопасно и денежно, не то, что за иную острую социальную проблему. У меня особое отношение к войне, я сочувствую всем, кто в ней пострадал, вне зависимости от национальности: и англичанам, очень мужественно воевавшим, и французам, давшим слабину, и евреям, с которыми немцы действительно поступали отвратительно, и немцам...

-Немцам? Но они же начали эту войну!

-Мы всегда виноваты в своих проблемах, но разве это значит, что мы не заслуживаем сострадания? Кстати, мы, я имею в виду СССР, подписали с Гитлером грабительский пакт, так что отчасти разделяем вину за то, что случилось. Но ведь мы, как всегда, во всем неправые, как всегда, дороже всех заплатили!... Мы вечно платим кровью за свои ошибки. А вот людей, которые пытаются на этом сколотить моральный капитал, я не особенно уважаю. Мне вообще больше по нутру первопроходцы.

-Ты считаешь, что Реми просто пытается заработать на еврейской теме очки?

-Как и большинство тех, кто за нее берется. При этом он вполне искренен. Но какой-то душок в этом имеется, не то чтобы совсем коммерческий, но все же...

-Он на этом зарабатывает?

-Как сказать... Какой-то богатый американский еврей купил приличный офис для его организации. Другой издал его книгу... Нет, нет, я не хочу сказать, что он корыстен, повторяю, он совершенно искренен и увлечен еврейскими страданиями, но эти небольшие денежные вливания, несомненно, помогает его увлечению. К тому же данная тема укрепляет его репутацию. Во Франции репутация – важная штука, не то что у нас: вчера был уголовник, сегодня – сенатор. Благодаря своим исследованиям Реми ездит бесплатно по всему миру на конференции, проводит их здесь, получает гранты. Уважаемый человек. А попробуй он написать про нынешние гонения на христиан на Ближнем Востоке или про угрозу исламского терроризма! Никаких денег, да еще, пожалуй, голову оторвут.

* * *

Они поднимались в гору, навстречу им из-за поворота показался большой старый «вольво», почти целиком занимавший узкую дорогу. Метрах в двадцати от них автомобиль остановился, как ехал, не делая ни малейшей попытки прижаться к краю.

Со стороны Норова вдоль обочины шла глубокая водосточная канава, съезжать в нее было рискованно, он тоже притормозил. Пожилая женщина за рулем «вольво» сидела и смотрела на них голубыми овечьими глазами без всякого выражения.

-Ну и что теперь? - вслух осведомилась Анна обращаясь к даме.- Так и будем стоять напротив друг друга?

Она показала даме рукой, чтобы та чуть сдала свою машину, но та даже не сделала попытки сдвинуться с места. Норов хмыкнул, принял вправо, и, соскользнув двумя колесами в канаву, осторожно двинулся вперед. Машина приняла опасный крен, Анна вскрикнула и вцепилась в панель перед собой.

-Тише, тише, не так страшно!- успокаивающе пробормотал Норов.

Он с трудом объехал «вольво» и облегченно выдохнул.

-Господи! – воскликнула Анна.- Мы чуть не перевернулись из-за этой глупой коровы!

-Она не корова, - возразил Норов.- Она – англичанка. Они привыкли к левому рулю, и прут посередине дороги, а, встретившись, не знают, что делать. Возможно, она считает, что поступает вежливо, предоставляя мне инициативу.

-Вот глупая!

-Ну, предоставлять мужчине инициативу со стороны женщины не всегда глупо. Впрочем, хуже французов все равно не водит никто. Мы по сравнению с ними – нация асов.

-Но аварий-то у нас больше!

-Естественно. Асы никогда не соблюдают правил дорожного движения.

Анна улыбнулась.

-Знаешь, я поймала себя на том, что здесь я не отличаю по внешности евреев от французов. Они тут по большей части светлоглазые, светловолосые...

-У нас тоже такие были, пока мы их не выгнали. Здесь как-то не задумываешься о том, кто перед тобой: еврей или француз. Французские евреи – иные, чем наши; они ощущают себя частью французской культуры, да собственно, они и являются частью французской культуры. А наши столетиями ненавидели Россию и выплеснули эту ненависть в годы революции. Хотя без них русскую культуру представить тоже невозможно, особенно в XX веке.

-Их у нас сейчас совсем мало осталось, большинство уехало.

-Жалею об этом; они всегда были в авангарде социальных реформ, без них наша политическая активность внутри страны совсем застыла. Что поделаешь? Французские евреи считают Францию своей родиной, они живут здесь, сражаются за нее, умирают. А наши так и не полюбили Россию, она осталась для них «этой страной». Во Франции все хотят быть французами, ты сама только что видела, как гордо кричала та толстая гражданка, что она - француз. А в России русским не желает быть никто, даже мы порой не хотим.

Норов хмурился и говорил несколько рассеянно.

-Ты чем-то озабочен или мне кажется?

Он кивнул.

-Даниэль по секрету поведал мне, что господин маркиз собирается очень прилично нагреть наших новых знакомых на продаже замка...

-Правда?! Так я и знала! Какой он все-таки... этот Жером!... Он мне с самого начала не понравился! Вот мошенник!

-Вот не знаю, говорить им об этом или нет?

-Ну конечно сказать!

-Зачем?

-Ведь они – наши соотечественники! Их обманывают!

-У меня сто шестьдесят пять миллионов соотечественников и все они только и делают, что обманывают друг друга. Что такое для Брыкина лишний миллион? Подумаешь! Он еще десять украдет.

-Я считаю, им надо сообщить!

-А я в этом совсем не уверен. Ничего хорошего из этого не получится. Никому не нравится быть обманутым, при этом сердимся мы зачастую не на того, кто нас обманул, а на того, кто обман раскрыл.

-Я прошу тебя...

Он вздохнул.

-Ну... раз ты хочешь...

И добавил ворчливо:

-Приехала и вьет из меня веревки!

Она улыбнулась и быстро поцеловала его в щеку. От неожиданности он дернул руль и машина вильнула в сторону.

* * *

-Ты не помнишь, куда я сунул визитную карточку Брыкина? – Норов рылся на кухне в груде чеков, счетов и каких-то цветных рекламных рассылок. Все это он обычно складывал в углу большого стола, справа от

входа, в надежде потом разобрать, но никогда не разобрал, а выбрасывал, когда бумага накапливалось слишком много.

-Подожди, сейчас я помогу.

Анна подошла, перебрала бумажки и без особого труда нашла то, что нужно. Так было и прежде, - она всегда отыскивала документы, которые у него куда-то вечно девались. Иногда он просил ее сознаться в том, что она сама их и прячет, - дабы доказать ему свою незаменимость.

-Скоро вернусь. Дождешься?

-Ты куда?

-На улицу. Тут плохая связь, иногда берет, иногда нет. Надо либо подняться в гору, либо спуститься вниз – там она гораздо устойчивее. Заодно прогуляюсь немного.

-Можно я с тобой?

-Ну, конечно. Буду только рад.

Они вышли и в предзакатных сумерках начали неторопливо подниматься по узкой живописной дорожке, с одной стороны которой возвышалась темно серая скала в глубоких трещинах, с отвалившимися крупными камнями у подножья. С другой – круто обрывался вниз холм, открывая через редкие деревья на обочине дороги вид на старинный Кастельно. Небо еще нежно голубело и розовело, кое-где еще мелькали жемчужные облака, но уже тревожно горела вдалеке малиновая закатная полоса.

-Какой густой здесь воздух! – поразила Анна.- Его пить можно! А какие краски на небе! Сколько оттенков! Понятно, почему импрессионизм возник во Франции.

-А мне кажется, не из-за неба, а от французской небрежности и нетерпеливости...

-Ой, олень! – перебила она.- Смотри, олень! Там, на склоне! Настоящий!

-Это – косуля.

-А вон еще одна! Ой, они прыгают! Побежали! Никогда не видела так близко живых косуль.

-Тут есть и олени, но они подальше – в лесу.

-Фантастика! Невероятно!

Она глубоко вздохнула с радостной улыбкой.

-Рад, что тебе нравится.

-Не то слово! Ужасно нравится! Но знаешь, жить здесь долго я бы все равно не смогла. Приезжать на несколько недель, это одно, а жить... - Она покачала головой.

-Потому что – Франция или потому что - деревня?

-И по тому, и по другому. У Левушки там – школа, спорт, у меня - работа... Я привыкла, даже не представляю, каково это: сидеть целыми днями дома.

-Чем твой сын занимается?

-Единоборствами.

Норов усмехнулся, кивнул.

-Не одобряешь?

-Ну почему же? В обеспеченных семьях в России это в последние годы модно. При Ельцине все повально увлекались теннисом, теперь вот – единоборства... Интересно, если когда-нибудь у нас президентом станет бывший прыгун с шестом, все прыгать и скакать начнут?

-Чем тебе не нравятся единоборства?

-Мне кажется, в детстве полезнее заниматься классическими видами спорта: легкой атлетикой, плаванием, теннисом. Это формирует тело и укрепляет волю. Единоборства развивают самолюбие, дают мальчишке иллюзию превосходства над сверстниками, за них, на мой взгляд, лучше приниматься позже. Да и тут я бы предпочел что-то более определенное: бокс, борьбу...

-Это был не мой выбор,- проговорила Анна быстро и негромко, не глядя на него.

-Понимаю.

Норов достал телефон.

* * *

-Паш, ты? – Брыкин, похоже, обрадовался звонку. – А мы как раз до дома добрались. Отдохнуть хотим малость, а то, пока с Жеромом дома смотрели, намотались, блин, сил нет.... Мы с этих именин почти сразу после вас уехали. Сперва Жером, ну и мы за ним... Прикольные они, да? Французы, я имею в виду. Интересно за ними наблюдать. А вы чем занимаетесь? Опять секс? Садо-мазо?

Судя по его тону, он пребывал в превосходном расположении духа, которое Норову предстояло испортить, и от этого ему самому заранее было неприятно.

-Я по делу, - заговорил он. - Как название шато, которое ты покупаешь у Жерома? Часом не Паниссо?

-Паниссо! Я же тебе говорил. А что, поглядеть хочешь? Давай! С удовольствием покажу. Можно прямо завтра...

-У меня сегодня был один разговор... В общем, возможно, ты покупаешь его слишком дорого...

Хорошее настроение Брыкина сразу улетучилось.

-Что значит, «слишком дорого»? – отозвался он недовольно.- Для кого-то, может, и дорого, а для меня – нормально! Я ж не знаю, сколько у кого денег. Мне Жером скидку нормальную организовал....

-Мне сказали, что год назад замок стоил значительно дешевле.

-Сколько?

-Около миллиона

-Х---я! – решительно парировал Брыкин.- Туфта полная! Ты хочешь сказать, что Жером меня дурит?! Вдвое цену задрал? Жером?! Брось, Паш,

он же не аферист, не мошенник! Он – нормальный парень. Все же тут Франция, а не Россия!

-Обмануть везде могут. Проходимцы есть всюду.

-Какой он проходимец?! Он – маркиз, епть, на минутку!

Норову хотелось поскорее закончить этот разговор.

-Наверное, ты прав. Просто счел своим долго поставить тебя в известность...

-Не верю! – сердито заключил Брыкин.- Ни разу не верю! Х---я полная! Пое--нь!

Последовало еще несколько непечатных определений в том же духе. Норов повернулся к Анне и бросил на нее выразительный взгляд. Она покаянно развела руками.

-Ладно, - прервал Брыкина Норов.- Все понятно. Извини за беспокойство. Но все-таки проверь в интернете....

-Да я смотрел десять раз! И Лялька смотрела! Его вообще сперва в продажах не было, этого Паниссо! Потом где-то объявление мелькнуло, буквально недельку повисело, и опять пропало... За треху с хвостиком его отдавали, правильно? – он обращался к Ляле.- Ну, да, вот она подтверждает! Три двести! Где ты вообще дешевые замки видел?!

-Рад, что ошибся...

-Я тебе отвечаю, что цена - нормальная!...

-Пока,- сказал Норов и отключился.

-Теперь довольна? – с усмешкой посмотрел он на Анну.

-Прости, пожалуйста, - она с виноватой улыбкой взяла его за руку.- Ты был прав, как всегда. Не стоило звонить. Он сильно расстроился?

* * *

Они поднялись на гору и остановились у перекрестка.

-Ну что, налево или направо? – спросил Норов.

-Давай секундочку передохнем,- попросила Анна, держась за бок.

-Что-то случилось?

-Должно быть, устала. Почему-то стала быстро утомляться.

-Ты не больна? – спросил он, вглядываясь в ее лицо. Ему показалось, что в сумерках она вновь побледнела.

-Нет, просто опять немного закружилась голова. Здесь горы, высоко, а у меня низкое давление...

-Лучше вернемся,- решил он.

На обратной дороге он вел ее за талию. Прежде Анна никогда не жаловалась на здоровье, он даже удивлялся ее выносливости. В то, что причиной ее недомогания является усталость, он не верил, должно быть, она все-таки простыла в дороге и ей сейчас сильно нездоровилось. Но расспрашивать ее о болезнях было бесполезно, он знал, что она нипочем не признается.

-Мне надо подняться к себе, выпить таблетку и полежать минут десять,- виновато сказала она уже дома.

-Ты ложись, отдыхай, сколько нужно, приходи в себя, а я все-таки пройду. Вернусь часа через полтора и буду ждать тебя здесь.

-Спасибо,- она слабо улыбнулась и начала подниматься по лестнице, опираясь рукой на перила.

* * *

Подростки из секции по боксу относились к Норову как к чужаку. Он учился в английской школе, его мать была врачом, он не участвовал в их забавах, он выражался иначе, чем они. Время от времени они подстраивали ему мелкие гадости, которые находили остроумными. Например, возвращаясь в раздевалку после тренировки, он обнаруживал, что шнурки его ботинок намертво затянуты узлами. Чтобы их распутать, приходилось пускать в ход зубы и ногти. Бледный от ярости и унижения он возился со шнурками, делая вид, что не видит, как ребята переглядываются и пересмеиваются за его спиной. Он ненавидел их и в эти минуты. Зимой у

него прятали шапку и перчатки, а однажды облили водой брюки и, чтобы не тащиться домой по морозу в мокрых штанах, он долго сушил их на батарее.

Раз, ближе к концу тренировки, когда все уже работали на мешках, тренера вызвали из зала – позвонил кто-то из начальства. Двое парней, которых Норов подозревал в причастности к этим проделкам, тут же скользнули в раздевалку. Один из них был ровесником Норова, другой – старше на год. Оба были выше ростом и тяжелее килограммов на пять.

Делая вид, что он занят собой, Норов неспешно стянул перчатки, направился к выходу, но неожиданно свернул в раздевалку. Он вошел и остолбенел. Стоя спиной ко входу, спустив трусы, парни мочились в его ботинки. Их перчатки лежали на скамейке.

От бешенства у него потемнело в глазах и перехватило дыхание; не помня себя, он прыгнул вперед; тот, кто стоял ближе, лишь успел обернуться, все еще держа руками член, и Норов всю тяжестью засадил ему с правой через плечо, которое тот инстинктивно чуть успел приподнять. Удар пришелся в висок, парень завалился набок, глухо стукнулся головой о деревянную скамейку у стены и приземлился на кафельный пол, прямо в лужу мочи.

Второй кинулся в зал; Норов погнался за ним. У ринга тот развернулся, решив принять бой, но, прежде чем он встал в стойку, Норов схватил лежавшую с краю ринга полукилограммовую металлическую гантель и врезал ему по лицу сбоку. Тот пошатнулся, и Норов, бросив гантель, врубил ему двойку.

Два удара слились в один; парень рухнул ничком. Норов, все еще kloкочущий и кипящий, стоял над ним, тяжело дыша, сжимая кулаки в бинтах, готовый бить его и добивать без пощады. Ребята подбежав, окружили их, но никто не решался приблизиться, встать между Норовым и его поверженным противником. Тот лежал неподвижно, из-под его головы ползла лужица крови.

Норов схватил стоявшее возле ринга ведро с водой, в которое боксеры плевали и сморкались во время тренировки, и вылил его на распростертого обидчика. В эту минуту в зал вернулся Вась-Вась; боксеры расступились, давая ему дорогу. Вась-Вась присел на корточки перед лежавшим

подростком, перевернул его на спину и осторожно ощупал залитое кровью лицо. Тот приоткрыл глаза и застонал.

-Похода, нос сломан, - озабоченно проговорил он. - Ты как? Живой?

Подросток смотрел на тренера бессмысленно, кажется, он не понимал, что происходит.

-В травмпункт надо его везти,- заключил тренер.- Скорую вызывать.

Он поднял на Норова сердитый взгляд.

- Ты че, интеллигент, долбанулся, что ли?! Ты ж его чуть не убил, мать твою! А я тебе врежу?! За что ты его?

Норов не ответил. Лица подростков, толпившихся вокруг, были испуганными. Никто не ожидал от Норова такой вспышки.

* * *

Бродил Норов дважды в день: утром и после обеда. Вечерние прогулки были длиннее утренних,- километров по десять-двенадцать; для них он выбирал другой маршрут и слушал уже не классическую музыку, а аудиокниги. Таким образом, в день он проходил не меньше двадцати километров, и примерно полтора часа тратил на тренировки.

Художественную литературу Норов давно уже не читал; его большая электронная библиотека состояла из книг по искусству, музыке, философии, теологии, психологии, но больше всего – по всеобщей истории. Однако, аудиоверсий интересующих его работ на русском языке практически не существовало. На английском, разумеется, было гораздо больше, но, хотя он свободно читал и говорил по-английски, на слух улавливал далеко не все, и это его раздражало.

Он несколько лет упорно искал возможности соединения прогулок с чтением, пока, наконец, почти случайно, не наткнулся на сайт одной библиотеки для слепых, где какой-то умелец разработал программу озвучивания книг электронными голосами. Плата за это взималась символическая.

Электронные голоса резали слух, сплошь и рядом неправильно ставили ударения, безбожно перевирали имена, особенно иностранные; стихи, если

они встречались, превращали в неразличимую кашу, но других вариантов не было, и постепенно Норов привык.

Однако сегодня ему было не до книг. Он начал было «Закат Европы» Шпенглера, но тут же потерял мысль и переключил смартфон на музыку. Но и музыку он едва слышал. Он думал об Анне. Она волнует тебя, Кит, да? О, да, очень!.. Это забавно. Помнишь, как к постели с ней ты готовился, как к бою? Еще бы, конечно, помню, но с тех пор она очень переменилась. В чем, Кит? Стала старше и поправилась? С каких пор тебе начали нравиться возрастные женщины? Сам не знаю... но эти легкие, грустные морщинки в уголках ее круглых глаз, в них – пережитое страдание, они трогают меня, наполняют нежностью к ней. Любому человеку глубину придает только пережитое страдание... У нее чудные губы. А какое тело, Кит? Полные длинные ноги, плавные бедра, мягкий живот... Все, как ты любишь. А плечи! Какие роскошные плечи! Сколько ей лет, Кит? Тридцать восемь? Сорок? Какая разница, сколько? Она стала редкой красавицей, она не была такой в двадцать пять. Тебе не нравятся спортивные животы у женщин, Кит? Не очень, даже в зале стараюсь на них не смотреть. Во-первых, они выглядят совсем не женственно, а во-вторых, женщина, которая так старается ради собственного живота, не умеет отдаваться. Она может быть в постели агрессивной, но не беззаветной. В женщине я все-таки больше всего люблю женственность.

А может быть, все дело в том, что у тебя давно не было женщин? Ну нет, меня же волнуют не все женщины подряд, а только она. Пикантно, Кит. И как же ты намерен поступить? Я намерен... не поступать никак. Что значит, «никак»? Я постараюсь, чтобы между нами ничего не случилось. Но почему, Кит?! Она же сама прилетела к тебе! Она любит тебя, а ты ее! Вы вдвоем, во Франции, что может быть романтичнее? Неужели ты действительно собираешься отказаться от того, что может стать одним из самых ярких твоих переживаний? Яркие переживания ломают нашу жизнь, я не хочу вновь причинять ей боль. Ни ей, ни себе. Я устал чувствовать себя виноватым. Я дорожу своим покоем. Но если она сама этого хочет, Кит! И что из этого? Однажды я пошел на поводу ее желаний, ничего хорошего не получилось. Ты оказываешься от своего счастья, Кит! От своего и ее счастья. Я отказываюсь от горя, ее и своего.

* * *

Зазвонил телефон, высветилось имя Брыкина. Норов поморщился. В России он несомненно пропустил бы звонок, но здесь он почему-то чувствовал себя обязанным помочь соотечественнику, несмотря на то, что приятных чувств Брыкин в нем не вызывал. Брыкин был вне себя.

-Паш, ну че?! Прав ты был, насчет этого козла! Кинул меня, гад! И как я прохлопал? Сука! Надо было все проверить, а я повелся! Думал, он нормальный, а он – пидарас законченный! Урод!

Последовала длинная тирада, состоявшая по преимуществу из непечатных слов и выражений.

-Паниссо действительно стоит гораздо дешевле, чем он тебе продает?

-Считай, вдвое! За лям его в прошлом году отдавали, даже меньше! Мой айтишник все концы раскопал, прям скриншот мне прислал, копию объявления. У меня теперь – вся картина, как на ладони. Вот подлюка, бя! Маркиз долбаный! И еще прячется, сука! Названиваю ему, а он трубку не берет! Я его размажу! Он не с тем парнем связался! Он думает, я ему - кто? Лягушатник что ли какой-нибудь? Лох сладкий? Я его, пидараса, на тряпки порву, из одного маркиза семь этих... баронов заделаю!

Брыкин опять перешел на нецензурную лексику.

-Погодь! – прерываясь, воскликнул он, хотя Норов все это время молча шагал, терпеливо его выслушивая.- Кажись, Лялька вон до него дозвонилась. Я тебе потом перезвоню, давай Паш!

Перезвонил он минут через пятнадцать, Норов уже свернул к дому.

-Назначил я ему встречу! - мрачно сообщил Брыкин.- Не стал ничего по телефону объяснять, просто сказал, что вопрос серьезный, ждать не могу. Он было жопой крутить начал: давай потом встретимся, сегодня суббота, у меня дела. Я ему: какие еще дела, ты че! Я тебе про бабки говорю! Бабки – это и есть дела! Короче, в восемь тридцать у него в офисе, в Альби. Через два часа, даже меньше.

-Ну ни пуха!

-Погодь. – Брыкин секунду помялся. - Паш, у меня к тебе просьба,- тон его переменялся, стал просительным.- Не в службу, а в дружбу, а?

-Слушаю.

-Поехали со мной, а?

-К Камарку?

-Ну! Ты пойми, я сейчас в таком состоянии!... Меня, бля, колотит всего!... Я его, бля, убить готов! Ты прикинь, я начну на него орать, он мне слово против скажет, я ж его, суку, прямо на месте уделаю! А толку? Он, поди, еще полицию вызовет. А ты сумеешь с ним разобраться. Ты лучше меня всю эту французскую херню знаешь...

-Что ты имеешь в виду?

-Ну, как с ними разговаривать, как держаться, где надавить. Ты сегодня вон как его при всех уделал!

Норов не поддался на лесть.

-Тебе лучше взять адвоката,- сказал он.

-Да какого еще адвоката! – взорвался Брыкин.- Говорю тебе, я ему аванс уже перечислил и еще две сотни наличманом вгрузил! Считаю, полляма! Бабло же теперь вытаскивать с него нужно! А у меня на наличку ни документов, ни расписок! Я ж думал, он нормальный.

-Ну, он вполне нормальный коммерсант...

-Какой он коммерсант! Жулик, бля! Были б мы в Москве, из него бы сегодня же отбивную сделали! А тут че я с ним сделаю? Да я заплачу, Паш, ты не сомневайся! Сколько надо – столько и отдам, ну, в разумных, конечно, пределах...

-Дело не в деньгах...

-А в чем, бля? Ты помоги мне, а я помогу тебе. Я по Москве много каких вопросов могу решить... И с ментами, и с фээсбэшниками. Я ж понимаю, ты не просто так здесь торчишь, значит, в России проблемы есть....

-Я не поеду к Камарку, - прервал Норов.- Извини.

* * *

Анна пила на кухне чай в своем длинном мягком платье. Выглядела она гораздо лучше, чем когда они расстались.

-А я уже собиралась отправляться на твои поиски. Сделать тебе кофе?

-Да, спасибо. Как ты себя чувствуешь?

-Здорова, как французская овца, по мне, кажется, видно. Попробуй, кстати, финансьеры, которые приготовила Лиз, они и впрямь отличные.

-Знаю, она угощает меня время от времени. Сейчас не хочу, благодарю.

-Ты чем-то расстроен?

-Не то, чтобы расстроен... Только что разговаривал с Брыкиным. Относительно Паниссо все подтвердилось. Брыкин в бешенстве, жаждет разорвать Камарку в клочья.

-Его можно понять. Когда тебя обманывает человек, которому ты доверял, это ужасно неприятно.

-Он назначил Камарку встречу, просил, чтобы я поехал с ним. Обещал помочь мне сняться с розыска.

-С какого еще розыска?

-Он полагает, что я здесь прячусь от правосудия.

-Господи, какой он все-таки неумный! Нельзя же всех мерить на свой аршин.

-Ну, у него-то как раз проблем с правосудием нет.

-Но это не отменяет того, что он – жулик. Надеюсь, ты ему отказал? Их аферы нас совершенно не касаются. Мы выполнили свой долг: предупредили об обмане, а дальше пусть они сами разбираются. Ты не возражаешь, если я съем еще один финансьер? Тебе останется только три?

-Ешь, конечно. Ешь все, мне будет только приятно. Помнится, раньше ты не ела сладкого.

-Раньше я ужасно боялась поправиться. Была худой и зажатой и страдала от скрытых комплексов. У меня их была целая куча.

-Теперь меньше?

-Больше. Но я научилась с ними жить.

-Это мудро.

-«Я научилась просто, мудро жить,/ Смотреть на небо и молиться Богу».

-Нютка! – воскликнул Норов с веселым недоумением. -Ты читаешь Ахматову?! Я был уверен, что ты и стихи – несовместимы.

Она смутилась, будто ее уличили в проступке.

-Я тоже раньше была в этом уверена. Но сейчас читаю... иногда...

-А сыну читаешь?

-Когда он был младше, читала, детские. Теперь он подросток и не очень их воспринимает, может быть, еще время не пришло?

Телефон, который Норов, придя, выложил на стол, зазвонил. Норов взглянул на монитор.

-Опять Брыкин! Даже связь появилась, что значит русское упорство!

-Не отвечай,- пожала плечами Анна, но он уже ответил.

-Я думал, ты нормальный мужик, - начал Брыкин с обидой.

-А я ненормальный мужик,- отрезал Норов и отключился.

-Что за идиотская у нас манера начинать разговор с претензий! – хмыкнул он.

-Вот привязался! – покачала головой Анна.- В конце концов, это просто неприлично. Мы с ним едва знакомы...

Телефон опять зазвонил.

-Опять он? – спросила Анна.- Не отвечай, ну его!

-Слушаю,- сказал Норов, поднимая трубку.

-Паш, ну ты че, бросишь меня на растерзание этому пидарасу? – сейчас тон у Брыкина был иным.- Прямо, как есть, нахер, да?

-Он не сделает с тобой того, чего ты больше всего боишься.

Норов отломил кусочек бисквита, лежавшего на тарелке, и отправил в рот.

-Русские своих не бросают!

-Считай, что татарин!

Он закончил разговор, убрал звук и положил его монитором вниз.

-Зачем я только уговорила тебя в это вмешаться! – сказала Анна.- Еще раз извини.

Норов, не отвечая, взял пульт и включил телевизор. На главном информационном канале по-прежнему обсуждали предстоящий карантин. С тем же неослабным французским воодушевлением ведущие и гости в студии рассуждали о наличии защитных масок и необходимость тестов, изредка отвлекаясь на муниципальные выборы и мимоходом отмечая рекордно низкую явку.

На другом канале шла такая же дискуссия; то же было и на третьем, и на четвертом. Менялся лишь интерьер студий, да лица экспертов, но спорили об одном и том же, с одинаковой горячностью, перебивая друг друга и не слушая вопросов. Казалось, разные актеры разыгрывают одну и ту же сцену.

-Смотри, смотри! – воскликнула Анна.- Этот профессор только что был на другом канале! Вон, с бородой. Когда же он успел сюда перебраться?

Норов щелкнул пультом, возвращаясь на предыдущий канал: профессор по-прежнему сидел там, рассуждая о надвигающейся эпидемии.

-Наверное, на одном из каналов передача идет в записи,- предположил он.

-Неужели режиссеры не видят, что это нелепо!

-Что ты хочешь от французов? Они очень небрежны. Зато прекрасные говоруны, посмотри, сколько экспрессии! Теперь полгода других тем не будет, кроме карантина. – Он выключил телевизор.- Пойду позвоню Ванюше. Вдруг у него есть хороший адвокат?

-Ты все-таки хочешь помочь этому наглому Брыкину?

-Я чувствую себя почти что виноватым за то, что такое желание во мне действительно присутствует.

* * *

Голос Жана-Франсуа прозвучал непривычно резко.

-Да, Поль! Ты хочешь отменить завтрашний совместный обед?

-Нет, с чего ты взял?

-Не знаю... Черт! – он шумно выдохнул в трубку.- Извини, я немного не в себе.

-Что-то случилось?

-Нет, нет, так... эмоции... Наверное, на меня так подействовала встреча с Клотильдой и Мелиссой. А потом я еще слушал музыку и, видимо, еще не отошел... В общем, все в порядке. Считай, что я уже вернулся. Значит, обед остается в силе?

-В 12 часов, как договорились.

-Мы будем ровно в полдень, ты же не любишь, когда опаздывают.

-Благодарю.

Было слышно, как Жан-Франсуа хмыкнул. Мысль о том, чтобы прийти куда-то вовремя, кажется французам забавной.

-Чуть не забыл! Мелисса просила передать благодарность вам с Анной. Она под огромным впечатлением от вас обоих, хочет написать Анне письмо. Между нами, Поль, Анна – замечательная женщина. Я рад за тебя. Кстати, как правильно пишется имя твоего приятеля, который покупает Паниссо у Камарка? Мелисса собирается написать благодарность и ему тоже. Ты ведь сможешь ему передать?

-Постараюсь. Его имя я пришлю тебе позже, в смс. Под диктовку ты наделаешь ошибок.

-Почему? Оно – длинное и сложное?

-Русское. Я еще не встречал француза, который был бы в состоянии правильно записать обычное русское имя.

-Но твое имя я пишу без ошибок!

-Тебе на это понадобилось два года. Откуда, кстати, ты знаешь про Паниссо?

-Мой бог, да это известно всему Тарну! Ты полагаешь, русские каждый день покупают в наших краях замки?! И за сколько Камарк им его всучил, если не секрет?

-За два с половиной миллиона.

-О-ля-ля! – рассмеялся Жан-Франсуа. Теперь он вполне пришел в себя.- Бывает же такое! Везет Камарку, тот еще прохвост! (coquin). Ты говоришь за два миллиона?!

-Я сказал, за два с половиной.

-Они уже подписали предварительное соглашение?

-Ну, да, и к тому же мой приятель отдал Жерому кучу наличных.

-Черт! Где вы русские берете деньги?! Не мог бы ты при случае показать мне подходящее местечко? Мне много не надо.

-Покажу,- пообещал Норв.- Но, боюсь, тебя туда не пустят, ты не пройдешь фейс-контроль.

-А что не так с моим лицом?

-Худое, умное и честное. В гильдию новых русских тебя не примут.

-Жаль!- вздохнул Жан-Франсуа.- Что ж, придется и дальше торчать в медиатеке. Надеюсь, твой приятель, купив Паниссо, счастлив?

-Был счастлив до тех пор, пока не выяснил, что его надули. А сейчас он очень несчастлив. Собирается прибить Камарку.

-Камарка многие хотели бы прибить,- сочувственно заметил Жан-Франсуа.- Я лично двоих знаю, не считая Даниэля. Но судя по тому, что Камарк процветает, сделать это не так-то просто. Твой товарищ намерен отказаться от сделки?

-Не могу тебе ответить. Мне кажется, он сейчас и сам не до конца понимает, чего он хочет. Конечно, прежде всего, он жаждет вернуть свои деньги.

-Понятное дело! Не уверен, что ему это удастся. Про наличные, думаю, он в любом случае, может забыть. Что касается предварительного соглашения – надо смотреть договор. Деньги могут быть возвратными, а могут оставаться у продавца, это зависит от условий.

-Вряд ли Камарк подписал договор на невыгодных для себя условиях.

-Можешь не сомневаться. Наверняка, он из каждого пункта попытался выжать максимум пользы для себя. Мне кажется, у твоего друга неприятности.

Судя по голосу, его это совсем не огорчало.

-Мне тоже так кажется, собственно, поэтому я тебя и беспокою. У тебя есть хороший адвокат?

Жан-Франсуа подумал.

-Такого, которому можно было поручить тяжбу против Камарка? Сложная задача. Возьмутся-то многие, в этом я не сомневаюсь; твой друг – богатый человек, денег - море, грешно было бы не откачать у него немного. Но судиться не означает выигрывать, правильно? Камарк наверняка наймет отличного адвоката, какую-нибудь знаменитость из Парижа. Может быть, твоему другу тоже имеет смысл поискать там? В ассоциации моего отца есть одна дама, очень деловая, я слышал о ней много положительных отзывов, но все-таки одно дело – Тарн, другое - Париж. Хочешь, узнаю у отца ее телефон и завтра тебе скажу?

-Завтра будет поздно. Они сегодня встречаются у Камарка в офисе.

Жан-Франсуа присвистнул.

-Когда?

-В половине девятого.

-Ну, за час ты вряд ли кого-нибудь найдешь! Тем более что во Франции никто в субботу не работает.

-Кроме Лиз. Но она не адвокат.

-Сегодня даже Лиз не работает. Извини, Поль, но ничего на ум не приходит.

-Pas grave. Спасибо за готовность помочь. Ну что, до завтра?

Жан-Франсуа замялся, прежде чем попрощаться.

-Знаешь, Поль, это, конечно, не мое дело,- осторожно заговорил он. – Но мне кажется, если твой друг сильно зол на Камарка, то ему не следует встречаться с ним один на один... Лучше поручить такие переговоры юристу или опытному посреднику. Камарк очень хитрый человек. Он уже не раз попадал в переделки и всегда выходил сухим из воды. Он умеет манипулировать людьми, может спровоцировать человека, подстроить какую-нибудь ловушку, а потом все обернуть против него.

-Я понял, Ванюша. Спасибо за предупреждение. Постараюсь его отговорить.

* * *

-Ну что, нашел адвоката? – встретила его Анна.

-Боюсь, придется ехать самому.

-На встречу Брыкина с Камарком?! Зачем?!

-Потому что Брыкин сейчас в бешенстве и способен натворить что угодно. Камарк – ловкий парень, что ему стоит раздражить Брыкина и подставить. Согласись, будет обидно, если он и деньги потеряет, и еще влипнет в скверную историю.

-Какое нам до этого дело? Зачем тебе ввязываться в какие-то разборки между двумя жуликами! Да пусть они хоть съедят друг друга!

-Да, но... - он замялся.- Нютка, я почему-то я не могу бросить этого дурака в такой ситуации! – выпалил он виновато.

Она подошла к нему и взяла за руку.

-Но ты уже отказал ему,- ласково проговорила она, убеждая.

Он ощутил запах ее духов, женский, низкий, пачули и ваниль? встретился с ней взглядом, невольно опустил глаза, прежде чем она заметила, что ее близость волнует его, увидел грудь, прорисованную под тонкой серой тканью, понял, что она без бюстгалтера, высвободил руку и отступил.

-Я вернусь часа через два, - не глядя на нее, произнес он.- Если вдруг задержусь, ты ложись спать, не дожидайся.

-Я еду с тобой!

-С какой стати?

-Чтобы быть с тобой!

-Даже не думай!

-А я и не думаю. Я просто еду.

Он посмотрел в ее круглые решительные глаза и сдался.

-Хорошо, переодевайся, только быстрее! Жду тебя в машине.

Не отвечая, она вышла в прихожую, накинула поверх платья свой синий пуховик, и сунула босые ноги в кроссовки.

-Ты не будешь переодеваться?

-Пока я буду наверху, ты уедешь! А то я тебя не знаю!

-Черт! – проворчал он.- Ты стала совершенно несносна!

-Мне кажется, я всегда такой была. Хочешь, я сяду за руль?

-Как-нибудь сам справлюсь.

Уже в машине он набрал Брыкина.

-Диктуй адрес,- хмуро проговорил он.

-Приедешь?! – обрадовался Брыкин.- Ну ты ваще! Человек! Вот это, блин, по-нашему, уважаю! Сам погибай, а товарища выручай! Я, между прочим, сам такой! Вдвоем мы этого гада нагнем! Ты, Паш, никогда не пожалеешь, имей в виду! Я тебе потом...

-Диктуй адрес,- перебил Норов.

-Адрес... так... где он у меня? Блин, он в телефоне, по которому я с тобой разговариваю!

-Спроси у Ляли.

-Да я ее не взял с собой, дома оставил. Ей этот Камарк совсем мозги запудрил! Она все поверить не может, что он аферист, твердит, что это недоразумение.

-Ну, сбрось мне, когда закончим разговор.

-Да у меня скорость сто сорок, останавливаться неохота. Я тебе так объясню, без адреса. Там все просто...

-Ты что, на такой скорости по телефону разговариваешь?

-А че особенного? Я ж не двести топлю. Короче, у него контора прямо на главной площади. Если на костел смотреть...

-Ты имеешь в виду, на Собор?

-Ну, да. Собор, костел, какая разница?

-С какой стороны смотреть? С входа в Собор?

-Да не со входа, а снаружи!...

-Понятно. Попробуем проще. Как называется его лавочка?

-Так и называется: «Агенство Камарк». Там еще рядом, ресторан такой...

-Следи за дорогой, я найду.

-Ты когда будешь?

-Минут через сорок, я уже выехал, только гнать не стану.

-Ну, давай, Паш! Я начну базар, а ты подтягивайся. Допрыгался маркиз! Мы ему башку в жопу засунем, как, сука, страусу! Мы его, бля...

Норов отключился, не дослушав.

-Куда, по-твоему, прячет голову страус? – спросил он Анну.

-В песок?

-Скажи об этом при случае Брыкину.

-А он думает, куда?

-Пусть сам тебе сообщит. У наших соотечественников вообще довольно своеобразные представления о флоре и фауне.

* * *

Подростки в секции после той драки косились на Норова неприязненно, но шутить над ним уже не пытались. Работая с ним в парах, они проявляли повышенную осторожность и в защите страховались больше обычного. Зато чернобровый высокий Леха из старшей группы, чемпион города по юниорам в полусреднем весе, с которым Норов едва был знаком, встретившись с Норовым в зале, сам подошел и одобрительно хлопнул по плечу.

-Все правильно сделал. Если, бля, по-хорошему не втыкаются, учить их надо. А то они, бать, доброту за слабость принимают.

Леха был не из тех, кого можно было заподозрить в излишней доброте.

Парень, которому Норов сломал нос, на тренировках не появлялся, может быть, решил с боксом завязать. Его товарищ держался от Норова подальше. Вась-Вась о случившемся не заговаривал, будто ничего и не было, но Норов порой ловил на себе его прищуренный взгляд исподлобья. Вась-Вась тер пятерней подбородок, задумчиво крякал и сплевывал в ведро. В отличие от своих подопечных, он был культурным человеком и на пол сморкался лишь в исключительных случаях. Наконец, недели через полторы, он подозвал Норова и объявил:

-Больше вес не гоняем, в шестьдесят переходим, там попробуем. Другую музыку будем крутить: над ударом работать.

Тренировки Норова стали тяжелее и дольше. Отпустив остальных, Вась-Вась оставлял его на занятия следующей группы и мучил еще не меньше часа: заставлял молотить тяжелой кувалдой по старым автомобильным покрышкам, сваленным в углу зала, с силой швырять на пол и в стену тяжелые мячи, выпрыгивать со штангой и, держа двадцатикилограммовый гриф, вставленный в упор, имитировать удары.

Когда измочаленный и мокрый от пота Норов без сил падал на высокий край ринга, Вась-Вась безжалостно поднимал его и гнал к тяжелому мешку.

-Ну, давай еще пятьсот левых боковых и на сегодня – все. Только нормально бей, без халтуры!

Удары он считал сам, вслух. На второй сотне у Норова падали руки, на глаза наворачивались слезы.

-Устал, что ль? – ворчал тренер. – А с чего, вроде, только начали? Интеллигент. Никакого в тебе терпения нет, привык, чуть что - сразу в морду! А бокс – это дело такое, тут важно перетерпеть.

Теперь он каждую неделю занимался с Норовым индивидуально, таскал его на лапах, командовал:

-Двойка, уклон, правый прямой, левый боковой, занырнул влево с подшагом и еще двоечку! Ты вкручивай кулак, вкручивай! Теперь джеб, правый прямой, левый боковой, уклонился и по печени. На той же ноге оставайся, на левой! Так, тройка, все прямые и апперкотом заканчивай. Вся серия легкая, отвлекающая, только последний удар сильный. Бедром бей! Быстрее! Еще быстрее, в боксе бьют быстро! Пока соображать будешь, тебя уже на жопу посадят! Да ты полегче молоти, мы ж не на силу работаем, а на технику. Бьет, блин, как копытом. У меня суставы-то – не резиновые!

Последний упрек был, на самом деле, скрытой похвалой. Вась-Вась делал его редко и не всем.

Результат таких нагрузок сказался довольно быстро, уже через три месяца. За мелкие проступки, вроде опозданий и недоработок на занятиях, тренер наказывал всю группу,- он считал, что это сплачивает коллектив. Ребята в течение раунда должны были сидеть на корточках, прижавшись спиной к стене и держа в вытянутых руках двухкилограммовые гантели. После первой минуты большинство подростков, морщась и постанывая, роняли руки. Самые сильные выдерживали две минуты. До гонга Норов доходил один.

* * *

-Кто-то обещал не гнать, - напомнила Анна, когда они уже мчались в Альби.

-Разве я быстро? – удивился Норов.

-Сто тридцать!

Норов взглянул на спидометр, сбросил скорость и покосился на ее круглые коленки, сдвинутые под длинным мягким платьем. Выше начинались длинные плавные бедра. Он вновь перевел взгляд на дорогу.

-Извини, увлекся.

-Но вообще-то мы поступаем неправильно,- покачала головой Анна. Думая о предстоящей встрече, она не замечала его взглядов.- Ты сам говорил, что Брыкин – не очень хороший человек.

-Негодяй,- подтвердил Норов.- Но, когда человек тонет, спасаешь его, не интересуясь его нравственными принципами, верно?

Несмотря на субботний вечер, автомобильное движение было оживленным, видимо, перед лицом надвигающегося карантина французы испытывали потребность в активности. Из-за пробки на въезде в Альби дорога заняла больше времени, чем предполагал Норов; они прибыли туда уже без четверти девять. Норов оставил машину в подземном паркинге под крытым рынком в центре города, и они вышли на большую красивую площадь, освещенную прожекторами, мощеную гладким булыжником, посреди которой находился знаменитый собор Сан-Сесиль. Сложенный из розового камня, он горделиво возносился ввысь и прожекторы снизу высвечивали его резную, остроконечную главу, пронзающую густое темно-синее небо.

Анна остановилась, замороженная видом Собора.

–Какая красота! – восхищенно произнесла Анна.- Ты только посмотри!

Норов в это время набирал Брыкина, но гудки шли без ответа.

-Надеюсь, до драки у них еще не дошло! – с досадой проворчал Норов.

-Я хочу сделать фотографию! На фоне темного неба - потрясающе!

Анна с телефоном в руках начала настраивать кадр.

-Подожди меня здесь, в каком-нибудь из кафе, я постараюсь не задерживаться, - бросил Норов, осматриваясь и соображая, куда ему двигаться.

-Да, хорошо. Я, может быть, никуда не пойду, здесь погуляю. А то я в домашнем платье, неудобно в кафе входить.

Норов взглянул на нее и увидел, что она расстегнута. Было прохладно, градусов 12 или около того, и дул сильный ветер.

-Застегни пуховик,- сказал ей Норов. – Ты же простужена.

-Все в порядке, не волнуйся, - не спуская восхищенного взгляда с Собора, ответила она, но капюшон все же набросила.

Не переставая набирать Брыкина, Норов направился вдоль площади, разглядывая вывески. Народу было много; в каждом из бесчисленных кафе, вокруг площади, сквозь стеклянные витрины виднелись посетители. На тротуаре на углу, подложив кусок картона, сидело двое грязных молодых парней с большой сонной собакой – попрошайки, обязательной атрибутом французских городских пейзажей.

- S'il vous plaît,- канючил один, адресуясь к прохожим.

Другой курил косяк, поглаживал собаку по холке и что-то ей бормотал.

Долго искать Норову не пришлось; агентство «Камарк» располагалось между кафе и магазином сувениров, наискосок от входа в Собор. Над дверью красовалась большая вывеска готической вязью; в стеклянных освещенных витринах с обеих сторон от нее висели фотографии: дома на продажу и апартаменты в аренду.

Норов приблизился ко входу, стеклянные двери автоматически разъехались перед ним; он удивился и вошел.

Агентства по недвижимости, как правило, размещались в одной, от силы – двух комнатах, но офис Камарка был просторным, с хорошим ремонтом и дорогой современной мебелью, он производил впечатление. В светлой прихожей в будние дни, вероятно, сидела секретарша, сейчас ее стол пустовал. Норов прошел по коридору, по обеим сторонам которого располагались кабинеты; он заглянул сначала в один, затем во второй.

Каждый был рассчитан на двух сотрудников, но людей в них не было. Оставался последний кабинет, в конце.

Еще в прихожей, Норов машинально отметил про себя, что в агентстве очень тихо: никаких голосов не было слышно. Куда же подевались Брыкин с Камарком? Уже уехали? Но почему офис открыт?

* * *

Смена весовой категории в боксе – все равно, что переезд в другой город: иной удар, иной темп боя, иной рост противников. Норов, догнав вес до шестидесяти, перемахнул сразу через две. Здесь уже били жестко, зевать не приходилось.

Главная проблема заключалась в том, что все его соперники теперь были значительно выше его и, чтобы подобраться к ним поближе, ему приходилось непрерывно финтить: нырять, уклоняться, подсаживаться. Это забирало много сил, в третьем раунде дыхалка срывалась, ноги останавливались, плечи опускались, но его выручал удар; если он попадал, то это, как правило, решало.

-Хорошо,- ворчал Вась-Вась, когда Норов выигрывал тренировочные бои.- Но плохо! Ты на один удар надеешься: прорвался, шлепнул и порядок! А о том, что пропускаешь, пока к противнику подбираешься, не думаешь! А ты должен весь бой отработать, от и до: подошел на ножках, пробил и отошел на ножках.

Классический «челнок» советской любительской школы Вась-Вась заставил сменить Норова на фронтальный; то есть, переносить вес с ноги на ногу не вперед-назад, а из стороны в сторону. Это позволяло, не разрывая дистанцию, дольше оставаться в зоне удара, вкладываться в боковые и апперкоты. Но значительно возрастал и риск пропустить.

Легких боев у Норова теперь не было; после первых же соревнований в новом весе голова от пропущенных ударов так гудела, что ночью он не мог спать и его подташнивало. Но он выиграл все три боя, причем, второй - нокаутом. Его уверенность в себе росла, он знал, что «шлепнуть» он может.

* * *

Последний кабинет, несомненно, принадлежал Камарку; и размерами и убранством он существенно отличалось от комнат, в которые Норов уже успел заглянуть. Он вообще больше напоминал библиотеку в дорогом старинном особняке, чем современный офис; мебель здесь была антикварной, на стенах висели картины и черно-белые фотографии, на полу лежал ковер, темно-красный с темно-зеленым рисунком.

Впрочем, едва Норов вошел дверь, ему стало не до мебели и не до картин. В нос ударил тяжелый, тошнотворный запах крови. Кровь была повсюду: ею был залит инкрустированный стол в стиле ампир, забрызганы бархатные темно-зеленые кресла, уютная софа на гнутых деревянных ножках и высокий шкаф красного дерева с резными ящичками. Но больше всего ее было на ковре и полу вокруг ковра. Посреди страшной буро-красной лужи, уже отчасти впитавшейся в ткань, ничком лежал Жером Камарк, вернее, то, что осталось от Жерома Камарка.

Его повернутая набок голова была превращена в месиво. Розово-белая пена вытекших мозгов застыла в черных блестящих длинных волосах. Лица уже не было разобрать. Бокс приучил Норова не бояться крови, но от увиденного его замутило.

Неподалеку от головы Камарка на ковре валялся небольшой прямоугольник белой бумаги. Норов наклонился; это была визитная карточка Брыкина, такая же, как та, которую Брыкин давал ему, только на английском языке и в темно-красных брызгах.

-Идиот! – с чувством выругался Норов.- Ты бы еще на стене кровью написал, что был здесь!

Стараясь не испачкаться, Норов поднял карточку и торопливо вышел из офиса на улицу. Здесь все было по-прежнему: освещенная площадь с собором посередине, толпы веселых людей, витрины кафе и сувенирных магазинов. Откуда-то доносилась музыка. Норов ощутил на лице остужающий ветер, несколько раз глубоко вдохнул холодный воздух, и почти бегом двинулся к тому месту, где оставил Анну. Быстро миновав несколько домов, он спохватился, что все еще держит карточку Брыкина в руках; он остановился возле ближайшей урны, порвал карточку на мелкие клочки и выбросил. Потом тщательно вытер испачканные кровью пальцы

небольшой влажной салфеткой, пачку которых всегда таскал в кармане куртки.

Анна уже закончила фотографировать. Издали заметив Норова, она тронулась ему навстречу.

-Ты уже? Так быстро? Все в порядке? А где же Брыкин?

Он схватил ее за руку и быстрым шагом повел к рынку.

-Что-то не так? – спросила она.

-Потом, позже.

По лестнице они торопливо спустились в паркинг. Свет здесь был тусклым, желто-мертвенным. Людей кроме них тут не было, и большинство мест для машин уже опустело. Норов все еще не выпускал руки Анны из своей.

-Да что случилось, скажи! Ты меня пугаешь!

-Камарка убили.

На мгновение она потеряла дар речи.

-Кто убил? – прошептала она, наконец.

-Брыкин. Он был там, я нашел там визитку Брыкина.

-Господи! – ахнула она. – Как же он смог?!..

-Садись в машину, едем

-Он его застрелил? – испуганно спросила она, пристегивая ремень.

-Нет. Забил насмерть. Похоже, врезал ему по голове чем-то тяжелым, когда тот еще сидел за столом. А после, когда Камарк упал на пол, продолжил колошматить, не мог остановиться. Я такого зверства еще не видел.

Анна побледнела и глубоко и прерывисто втянула в себя воздух.

-Можно я открою окошко?- спросила она, держась за грудь.

-Конечно.

Выезжая из паркинга, он достал телефон и набрал Брыкина, но связь, прерванная под землей, еще не восстановилась. Маневрируя по городу

среди других машин, они выбрались на трассу. Норов выжал газ и сунул Анне телефон:

-Звони Брыкину.

Она набрала номер, и пока они оба ждали ответа, стрелка спидометра взлетела к ста шестидесяти.

-Потише! – взмолилась Анна.- Пожалуйста! Мне и так страшно!

-Хорошо, извини.

-Не отвечает. Господи, неужели он способен на такое?!

Она не сводила глаз с сосредоточенного мрачного лица Норова, обращенного к дороге, словно ожидая, что он ее разуверит.

-Попробуй набрать Лялю.

-Тоже гудки, - сообщила она через минуту.

-Плохо.

-Ты думаешь, он сбежал? Прячется? И Ляля тоже?

Норов покосился на нее. Она была очень бледна.

Он еще сбросил скорость.

-Ляли там не было,- сказал он.

-Где же она?... Послушай, мне вдруг пришло в голову... Там случайно не осталось твоих отпечатков?

Норов нахмурился.

-Не исключено. Когда я входил в кабинет Камарка, кажется, брался за ручку двери.

-Надо вернуться и их стереть!

-Поздно. А вдруг там уже полиция? В любом случае, мы можем привлечь внимание. К тому же даже если мои отпечатки обнаружат, кто станет меня разыскивать? Лучше бросить все как есть. Черт!

* * *

К чемпионату города среди старших юношей Вась-Вась начал готовить Норова за два месяца. Сначала нагрузка шла по возрастающей, тренировки шли по два с половиной, три часа, так что к концу каждой Норов выматывался полностью. За две недели, до соревнований, когда ему казалось, что он уже больше не выдержит, тренер сбросил нагрузку, оставив только тренировочные бои и работу на лапах.

-Ты выиграешь,- внушал ему Вась-Вась.- Ты можешь, ты готов.

Но Норов нервничал.

Соревнования шли во дворце культуры, в два дня, в субботу и воскресенье. Зал был полон зрителями. В четвертьфинале Норов попал на бьющего крепкого парня, и в первом раунде, неосторожно рванувшись вперед, пропустил несколько чувствительных ударов. Вась-Вась крепко выбранил его в перерыве; во втором раунде он собрался, зажал противника в углу и правым апперкотом отправил в нокаут. Полуфинал был сравнительно легким, Норов взял все три раунда, в третьем рефери отсчитал его сопернику нокаунт.

В финале ему предстоял бой с очень высоким худым парнем, с длинными, как у паука, руками и ногами, к тому же левшой. Левшей Норов не любил, левшей никто не любит.

-Ты главное не торопыжничай,- напутствовал его Вась-Вась.- Не кидайся сходу, понял? Просто делай свою работу; подвигайся, туда-сюда, животик ему потрогай. Влево его закручивай, влево... Все, как на тренировках, ничего не надо придумывать.

Но Норов слишком горел. Он попробовал, не тратя времени на подготовку, сократить дистанцию и сразу же получил по голове. Раздраженный, он повторил попытку и вновь пропустил.

Паук работал на отходах; не подпуская Норова, он держал его на длинной, удобной для себя дистанции, а когда тот пытался прорваться; бил быстро и точно и тут же отступал. Норов, теряя терпение и осторожность, упрямо преследовал его по всему рингу, но переломить ход встречи ему не удавалось; длинный Паук ускользал от него, как ловкий матадор от неуклюжего быка, успевая при этом ударить и заработать очки. За весь

первый раунд Норов не попал по противнику ни разу. Он был зол, унижен и сконфужен.

-Что ты творишь?! – кричал на Норова Вась-Вась, сердито размахивая перед его лицом полотенцем. – Ты чего прешь, как трактор?! Я чему тебя учил? Ты через корпус на него заходи! Подсел, уклонился, дал по ребрам - перевел на голову; с правой начал, правой закончил... И дергай его, дергай! Не лезь под его колотушки.

Тяжело дыша, с красным от ударов и стыда лицом Норов слушал и кивал. Он сам понимал, что делает совсем не то, что надо, но едва прозвучал гонг, все наставления тренера вылетели из головы, Норов ринулся в атаку.

Паук по-прежнему не шел в размен. Он знал свое преимущество и не менял тактики; бил и отходил. Норов горячился, пропускал и снова лез. К концу второго раунда у него была рассечена бровь и начал заплывать глаз.

-Пашка, мать твою! – бушевал Вась-Вась.- Ты боксировать будешь или подставляться?! Что ты, как баран, на один тычок зарядился? Ты работай, блин, работай! Правой в корпус, уклон, уклон, показал, обманул, ушел влево – пробил! Если ты эту херню опять крутить начнешь, ему победу досрочно отдадут, за явным преимуществом! Проиграешь, я тебя своими руками порву!

У Норова шумело в голове, он плохо соображал. У него ничего не получалось, все шло не так, он был близок к отчаянию.

* * *

Когда они подъехали к дому, Анну знобило, она куталась в пуховик.

-Опять температура? – спросил Норов.

-Не знаю... Я просто немного устала...

Он дотронулся тыльной стороной ладони до ее лба и щек. Лицо ее горело. Бережно обнимая ее, Норов ввел ее в дом и проводил ее до лестницы.

-Иди к себе, я сейчас принесу тебе чаю с медом. У тебя ведь есть что-то от простуды?

Она молча кивнула и начала подниматься.

Минут через десять он вошел к ней с небольшим подносом, на котором стоял чайник, чашка и баночка с гречишным медом. Она лежала в постели, и в свете неяркого ночника ее круглые глаза воспаленно блестели. Сейчас они казались оливковыми, почти темными.

Он поставил поднос на тумбочку, сел рядом с ней на край кровати и протянул ей чашку.

-Только осторожно, горячий.

Она улыбнулась, на ее глазах показались слезы.

-В чем дело?

-Всегда я делала тебе чай, а теперь вот ты мне... Ты так беспокоишься за меня... я очень расстроена...

-Ты очень дорога мне...- просто сказал он.

-Правда?

Он только укоризненно усмехнулся и покачал головой.

Она отставила чашку на тумбочку с другой стороны кровати и взяла его за руку.

-Ты не сердись больше? Ты простил меня? – тихо спросила она.

Он наклонился и молча поцеловал ее маленькую трогательную руку с легкими пальчиками, такую неожиданно детскую у взрослой крупной женщины. Она обняла его за шею и притянула к себе. В следующую секунду они уже целовались жарко, задыхаясь. Он совсем забыл, какие у нее полные сочные губы, как черешни, казалось, они не помещались во рту. Ее длинные гибкие руки сплелись за его спиной, это было волнующим щемящим ощущением для него, он отвык.

Он ласкал под платьем ее длинные полные ноги, плавные бедра; еще не решаясь снять с нее трусики, коснуться ее тайны, он гладил ее мягкий живот, поднимался к мягкой груди и с радостью чувствовал, как соски оживают и твердеют под его пальцами. Ее поцелуи были жадными, рот влажным, а дыхание горячим и прерывистым. Пьяный от ее зрелого ждущего его тела, срывая с себя одежду на пол, он нырнул к ней и, когда ее длинные ноги поднялись, впуская его и заскользили вдоль его бедер, когда он

услышал ее слабое постанывание, он ощутил, что сейчас умрет от острого неожиданного счастья.

* * *

Норов понимал, что после двух проигранных раундов спасти его может только мощный удар, но надо было потушить горячку.

-Давай! – рявкнул Вась-Вась, отвешивая ему напоследок две оплеухи.

Норов вскочил. Вся его воля сейчас была направлена на то, чтобы совладать с захлестывавшим азартом, с обидой от того, что заветная победа уплывает их рук. Еще в конце второго раунда, он услышал, как Паук хрипло задышал открытым ртом, это означало, что он спекся. Он много двигался в первых двух раундах, к тому же при его росте ему, наверняка, приходилось сгонять килограммов по шесть, это не могло не сказаться на выносливости. Появлялся шанс к нему подобраться.

Норов наступал на Паука, держа его в прицеле прищуренных глаз. Не спешить, только не спешить! Злость придавала ему силы, он был весь на острие. Отяжелевший Паук сбавил темп, реакция его чуть замедлилась. Норов бросил легкий обманный джеб, Паук ответил, Норов ожидал этого; он подсел и встретил его правым прямым по корпусу. Это был хороший удар, первый хороший удар, - жесткий и точный. Он почувствовал, как у Паука внутри что-то екнуло.

На второй минуте он опять провалил Паука, нырнул за его плечо и засадил по печени. И опять получилось хорошо, кулак почти целиком вошел под ребра. Паук схватился за бок и хлопнулся на колени. Судья оттолкнул распаленного Норова, шагнул к Пауку и начал считать.

-Один, два, три...

Норов ждал, не сводя с Паука прищуренных глаз. Все внутри него прыгало и клочотало. Зал бушевал. Его болельщики и все подопечные тренера, настоящие и бывшие, включая уже совсем взрослых, неистовствовали:

-Сажай его, Паха! – орал он.- Добивай! Грузи до талого! Не отпускай!

Паук встал на счет «шесть», прижимая локоть к корпусу.

-Ты побегай, побегай! – кричал ему из угла его тренер.

Но Норов не дал ему передышки. Едва рефери скомандовал: «Бой!», он ринулся на раненного Паука, поджал его к канатам, пробил легкую, отвлекающую серию; уклонился влево, подсел, чуть стукнул левой по локтю, которым Паук инстинктивно прикрывал больную печень, и когда рука Паука непроизвольно дернулась вниз, срубил его на подъеме чистым левым хуком.

Паук завалился под канаты, раскинув длинные руки; одна из них нависла над краем ринга. Огромный зал дворца культуры, в которой проходили соревнования, взорвался криками и аплодисментами. При счете «восемь», Паук завозился, перевернулся, но подняться не смог.

Зал ревел и завывал. Выиграть финальный бой нокаутом, да еще в безнадежной ситуации – кто мог поверить в такое три минуты назад? Вскочив с мест, зрители орали, свистели, выкрикивали имя Норова.

Потом Паук, немного пришедший в себя, сгорбившись, сидел на стуле в углу и плакал от боли и обиды. Его тренер обнимал его и гладил по вздрагивающей, мокрой от пота спине. Норов подошел к нему, тронул за плечо.

-Прости, - сказал он.- Спасибо за бой.

Затем он вернулся в свой угол, где его ждал счастливый Вась-Вась и некоторые из старших ребят.

-Молоток!- радостно приговаривал тренер, стаскивая с него шлем и поливая голову водой.- Красиво уделал. Как мы, интеллигенты, любим: бах – и убрали!

Рефери вывел Норова и Паука в центр ринга и под оглушительные крики зала поднял Норову руку. С разбитой физиономией и заплывающим глазом, Норов все еще не мог поверить до конца своему счастью. У него кружилась голова, слезы застилали ему глаза, ряды зрителей сливались в одно смутное пятно. Он, поворачиваясь в разные стороны, бормотал «спасибо» и как-то виновато махал зрителям руками в бинтах.

* * *

Он лежал на спине с открытыми глазами, неподвижный, опустошенный, в сладкой истоме, почти счастливый. Анна, повернувшись на

бок, положив голову ему на плечо, и закинув на него полную длинную ногу, согнутую в коленке, обнимала его длинными гибкими руками. Ночник по-прежнему горел, освещая низкий потолок с выступающей черной балкой, тяжелую серо-серебристую штору над окном, телевизор на дальней стене и разбросанную по полу одежду.

-Ты очень красива,- тихо сказал он, вспоминая ее запрокинутое лицо с опухшими от его поцелуев губами на подушке и ее длинные полные ноги, которые ему все еще хотелось ласкать.- С ума сойти, какая красивая!

Она коснулась открытыми губами его щеки и шепотом спросила:

-Ты чем-то расстроен?

-Да нет, что ты! Просто...

-Что не так, скажи?

-Все так... но... так же, как было раньше... Из нас двоих хорошо было мне одному.

-Вовсе нет! – запротестовала она.- Неужели ты не почувствовал?.. Мне было очень... даже не знаю, как сказать... очень ярко! Вот! Мне еще никогда так не было... Я почти что... просто я, наверное, немного нездорова... Но это было... очень... в общем, у меня до сих пор голова кружится!

Он погладил ее по тонким, мягким шелковистым волосам и не ответил.

-Ты не веришь? – встревожилась она.- Но я говорю правду!..

Он вновь промолчал. Когда-то такое или почти такое он не раз слышал от женщин. Было это правдой или нет, сути это не меняло. Близость, в которой получал наслаждение он один, была для него неполноценной и, даже если рядом оказывались случайные женщины, от которых глупо было ожидать сильных эмоций, оставляла в нем смутное чувство разочарования и вины. Но в этот раз ему и впрямь почудилось, что она была близка к вершине.

Горячая слеза вдруг капнула ему на плечо.

-Что ты?! Зачем? Чем я тебя обидел? – испугался он, приподняв голову и целуя ее в волосы.

-Я боюсь, что ты опять уйдешь... из-за этого... Как тогда!... – голос и губы ее дрожали.- Я помню, как ты переживал, сердился, что я не могла... А я...просто... у меня не получалось...

-Я не уйду. Всю оставшуюся жизнь будем вот так лежать и целоваться. Хочешь?

-Да, - как-то по-детски просто подтвердила она и дважды кивнула.

-Только впредь я не буду кончать без тебя.

-Как это?! – взметнулась она.- Почему?! Я так люблю, когда тебе хорошо!.. Это моя радость!

-Я тоже хочу радоваться тому, что ты кончаешь...

-Но я... не умею! Я не нарочно...

-Подожди, постой. Скажи мне на ушко, когда ты одна, у тебя получается?

Она замялась.

-Да? Скажи, это важно.

Он ощутил движение ее головы на своем плече. Она молча кивнула.

-Часто?

Она не ответила.

-Каждый день?

Она снова подтвердила смущенным кивком.

-Теперь забудь об этом. Не думай. Как ты себя чувствуешь?

-О, сейчас замечательно. Честное слово! Никакой температуры нет. Вот потрогай.

Она взяла его руку и положила себе на грудь.

-Чудо, - шепнул он, глядя ее грудь.- Раньше она была гораздо меньше. Кстати, ты меня, похоже, заразила...

-Правда? – переполошилась она, с беспокойством заглядывая ему в лицо.- Ты заболел? У тебя простуда?

-Нет, кажется, не простуда... Все гораздо серьезнее.

-Серьезнее? Какие у тебя симптомы?

-Да вот, потрогай.

Он взял ее руку и опустил ее на низ своего живота.

-Ого! – поразилась она.- Так ты это имел в виду, да? – она облегченно улыбнулась в темноте.- Ты меня испугал!.. Ты... хочешь еще?..

-Ты же видишь. Но я подожду до завтра. Тебе нужно отдохнуть.

-Но послушай, если...

-Спи.

Она послушно повернулась на бок, он обнял ее, и она взяла его за руку.

-Моя маленькая единственная девочка, - прошептал он, целуя ее в затылок.

В ответ она сжала его руку. Он дождался, пока ее дыхание сделалось ровным, собрал в темноте с пола свою одежду и потихоньку, чтобы не будить ее, ушел к себе. За много лет он привык спать один.

* * *

Победу Норова показали по телевизору в местных спортивных новостях, и в в понедельник о его триумфе знала вся школа. Одноклассники уважительно поздравляли его; девочки исподтишка кокетливо поглядывали и перешептывались. Норов пытался делать вид, что ничего не замечает, но у него не очень получалось. Он был страшно горд и мысленно уже примерялся к следующим соревнованиями.

Во время урока английского в класс в сопровождении классной руководительницы вошла директриса, грузная черноволосая чернобровая женщина с умным властным лицом. Учительница прервала урок, ребята поднялись из-за парт.

-Среди выпускников моей школы были хорошие музыканты,- начала директриса низким грудным голосом, улыбаясь, что с ней случалось не часто.- Были актеры, ученые, люди разных профессий, но боксеров еще не было. Что ж, теперь мы знаем, что у нас есть надежный защитник. Поздравляю тебя, Павел.

Классный руководитель сделал Норову знак, он вышел на середину класса, и под аплодисменты ребят директриса крепко встряхнула ему руку.

На тренировке атмосфера тоже была иной, не как раньше. Почти все ребята из секции принимали участие в соревнованиях; они выступали в разных весовых категориях, двое дошли до финала, но чемпионом был он один. Каждый считал своим долгом подойти к нему, хлопнуть по плечу, выразить восхищение его финальным боем и особенно – завершающей комбинацией.

После тренировки Вась-Вась привычно оставил его в зале. Норов взял кувалду и пошел к покрывалам.

-Стой, положи ее, - велел Вась-Вась.- Сегодня не будем. Иди сюда, разговор есть.

Они сели на скамейке у стены. Вась-Вась тер тыльной стороной ладони подбородок и морщился, будто то, что он собирался сказать, ему совсем не нравилось.

-Уходить тебе надо, Паша, - вдруг твердо выговорил он.

Норов оторопел.

-Куда?!

-Из бокса. Навоевался, пора завязывать.

-Но почему?! У меня же получается!

Тренер взглянул в его растерянное и обиженное лицо с еще не сошедшими синяками и покачал головой.

-Нет, Паш, не получается. Ты на одном характере прешь. Упертый, волевой, сильный, терпеть умеешь, это все при тебе. Молоток, ничего не скажешь. Но уж больно ты прямолинейный, открытый весь! Хитрости в тебе нет, опаски, которая от инстинкта идет. Как тебе объяснить? Бокс – это не

дуэль, там ты наставил пистолет и пали, гордый такой! А в боксе хитрость нужна. Подкрался, уклонился, обманул, врезал и отскочил. А ты лезешь с открытым забралом... интеллигент, одно слово. Все на голову принимаешь! Нельзя так! Голова, она не чугунная! Ты ее побереги, Паш, она у тебя светлая. Ты себя с другими пацанами не ровняй, у них своя дорога, у тебя – своя. Тебе учиться надо, в институт поступать. Если ты и дальше так хватать будешь, у тебя к тридцати годам мозгов не останется, забудешь, как зовут. Бокс, он для головы не полезный. Если с него вовремя не соскочишь - беда.

Он замолчал, вздохнул.

-Я ведь тебе против своих же интересов говорю. Я мог бы тебя, допустим, до мастера спорта довести, запросто! Ты вон какой упорный. И область мы бы с тобой взяли, и на Россию бы съездили. Мне бы за тебя доплачивали, грамоты давали. А я... как-то не могу... О тебе думаю, не о себе.

Он обнял Норова почти по-отечески.

-Уходи, Пашка. Иди своим путем. С хулиганами разобратся тебе навыков хватит; а больше тебе и не надо. Скучать по тебе буду. Интеллигент...

Конец ознакомительного фрагмента.

Продолжение книги доступно на Литрес:

<https://www.litres.ru/book/kirill-shelestov-32908855/smert-otmorozka-70389049/>